ВѢСТНИКЪ АРХЕОЛОГІИ И ИСТОРІИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ИНСТИТУТОМЪ

ВЫПУСКЪ X.

1898 г.

ВѢСТНИКЪ

АРХЕОЛОГІИ И ИСТОРІИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ИНСТИТУТОМЪ

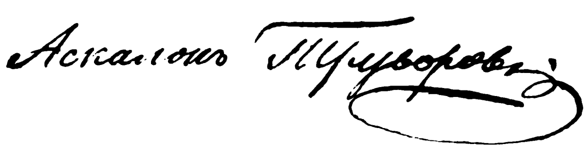
ВЫПУСКЪ X.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СѴНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ
1898

Печатано по распоряженію Археологическаго Института въ С.-Петербургѣ.

Директоръ *Н. Покровскій.*

зоніи и чисто-

1

А. Н. Труворовъ *).

Аскалонъ Николаевичъ происходилъ изъ государственныхъ крестьянъ и родился 18 марта 1819 года въ селѣ Никольскомъ, Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губерніи. Его живыя способности, любознательность и особенная склонность къ рисованію, обратили на себя вниманіе симбирскаго помѣщика А. П. Шипилова, при содѣйствіи котораго мальчикъ, на 13-мъ году отъ роду, былъ отправленъ въ Москву, гдѣ и прошелъ правильный курсъ художественнаго образованія въ Московскомъ Художественномъ классѣ (нынѣ Училище живописи, ваянія и зодчества), а затѣмъ въ Строгановскомъ училищѣ техническаго рисованія. Аскалонъ Николаевичъ до смерти хранилъ чувство самой искренней благодарности къ Шипилову, и село Болобоново,— помѣстье Шипилова,—гдѣ Аскалонъ Николаевичъ первоначально учился рисованію у живописца изъ крѣпостныхъ, онъ считалъ своимъ роднымъ, часто посѣщалъ его и щедро благотворилъ мѣстному храму и сельской школѣ.

Сдавъ экзаменъ по общеобразовательнымъ предметамъ въ Саратовской гимназіи и получивъ отъ Императорской Академіи Художествъ дипломъ на званіе учителя, Аскалонъ Николаевичъ возвратился въ Кузнецкъ и въ 1843 году поступилъ въ мѣстное уѣздное училище преподавателемъ рисованія, черченія и чисто-

*) Пособіями при составленіи настоящаго очерка, кромѣ послужнаго списка и дѣлъ Археологическаго Института, служили біографіи покойнаго, помѣщенныя въ разныхъ журналахъ и газетахъ («Историч. Вѣстн.» 1896 г., май, «Русск. Стар.» 1893 г., іюль, «Церковн. Вѣд.» 1896 г. № 14 и др.), брошюра свящ. Воскресенскаго «Воспоминаніе и слово въ память А. Н. Труворова», Спб. 1897 г., а также личныя воспоминанія вдовы покойнаго и автора настоящаго очерка.

писанія. Но его энергичная натура не удовлетворилась этою скромною ролью; отдавъ свои досуги чтенію и изученію гимназическаго курса, онъ въ 1847 году выдержалъ обще-спеціальное испытаніе при Казанскомъ Университетѣ и получилъ мѣсто учителя русскаго языка въ Петровскомъ уѣздномъ училищѣ, а съ 1849 года—въ Сердобскомъ.

Въ 1854 году Аскалонъ Николаевичъ покинулъ преподавательскую дѣятельность, перейдя на службу въ Сердобскій уѣздный судъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ занималъ разныя должности въ уѣздной администраціи, давшія ему возможность основательно изучить нашъ дореформенный юридическій бытъ. Такъ, онъ былъ засѣдателемъ уѣзднаго суда, исправлялъ должность городничаго, состоялъ членомъ рекрутскаго присутствія, трижды исполнялъ обязанности уѣзднаго судьи и т. п.

Въ это же время онъ познакомился съ Н. В. Калачовымъ. Это знакомство предопредѣлило всю будущую дѣятельность Аскалона Николаевича. Пользуясь его услугами для копированія древнихъ актовъ, Н. В. Калачовъ обратилъ вниманіе на особенную любовь своего переписчика къ этому дѣлу и на его тонкое пониманіе старинной юридической казуистики. Для такого самоотверженнаго любителя и изслѣдователя древнихъ актовъ, каковымъ былъ незабвенный учредитель нашего Института, эти способности Аскалона Николаевича явились сущимъ кладомъ; сойдясь ближе, Н. В. Калачовъ подѣлился съ нимъ своимъ громаднымъ запасомъ знаній и опытности и мало по малу выработалъ изъ копіиста актовъ совершенно самостоятельнаго и компетентнаго изслѣдователя и описателя архивовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Н. В. Калачовъ пріохотилъ Аскалона Николаевича и къ литературнымъ трудамъ, сначала посовѣтовавъ ему писать корреспонденціи въ «Московскія Вѣдомости», а потомъ и болѣе серьезныя статьи археологическаго и этнографическаго содержанія.

Съ 1858 года Аскалонъ Николаевичъ переноситъ свою дѣятельность въ Петербургъ и окончательно посвящаетъ ее археографіи, участвуя въ трудахъ Археографической комиссіи (съ 1858 по 1870 г. въ качествѣ сотрудника, а затѣмъ—члена) и Комиссіи для приведенія въ ясность и порядокъ дѣлъ Синодальнаго Архива.

Кромѣ того онъ, для архивныхъ же работъ, состоялъ въ причисленіи къ Государственной Канцеляріи, съ откомандированіемъ въ распоряженіе завѣдующаго описаніемъ Архива Государственнаго Совѣта Сенатора Калачова (1882—83 гг.),—и къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ (съ 1882 г.).

Крупнѣйшею работою Аскалона Николаевича, въ качествѣ члена Археографической комиссіи, безспорно являются «Розыскныя дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ» (четыре тома: 1884, 1885, 1888 и 1893 гг.). Подборъ болѣе чѣмъ 5500 разрозненныхъ столбцевъ, составляющихъ эти дѣла, редактированіе ихъ и снабженіе всего изданія указателями, потребовали отъ редактора громаднаго труда, свидѣтельствующаго объ изумительной усидчивости Аскалона Николаевича *). Не менѣе упорнаго труда потребовала и другая работа по Археографической комиссіи—составленіе указателей къ 10 первымъ томамъ Дополненій къ актамъ историческимъ, а также редактированіе матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ V тома Русской Исторической Библіотеки (1878 г.).

Въ Синодальной Комиссіи Аскалонъ Николаевичъ также оставилъ по себѣ почтенную память весьма крупными работами: имъ редактированы IV, V, VII и VIII томы «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи», а также составленъ азбучный указатель къ I-му тому этого собранія и подъ его наблюденіемъ исполнено второе изданіе этого тома.

Изъ менѣе крупныхъ изданій и работъ Аскалона Николаевича намъ извѣстны слѣдующія:

1) О свадебныхъ обрядахъ крестьянъ Сердобскаго уѣзда (въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, 1861 г.).

2) Заключительное слово о ст. 1140 т. X ч. I Зак. Гражд. о братьяхъ единокровныхъ и единоутробныхъ (Юридическій Вѣстникъ Калачова 1861 г.). Считается за руководящую статью.

3) Какъ легко ошибиться при производствѣ слѣдствія (тамъ же).

---

*) Весьма характеренъ разсказъ про М. П. Погодина, который, отказываясь отъ предложеннаго ему разбора этихъ столбцевъ, будто бы выразился, что за это можетъ взяться «только сумасшедшій».

4) Указатели къ лѣтописи по Ипатскому списку.

5) Разсказы изъ жизни архіепископа Иринея («Русская Старина» 1879 г.).

6) Былое изъ Пугачевщины. Разсказъ о помѣщикѣ Бобоѣдовѣ (въ «XVIII вѣкѣ» Бартенева, т. Ш).

7) Послѣдніе дни жизни Калачова по возвращеніи его въ 1885 г. изъ за-границы («Вѣстн. Археол. и истор.», вып V, 1886 г.).

8) О саняхъ, употреблявшихся при погребеніи русскихъ великихъ Князей, Царей и Царицъ. («Русск. Стар.» 1887 г.).

9) О времени основанія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ («Истор. Вѣстн.» 1887 г. и «Вѣстн. Археол. и Исторіи», IX вып. 1892 г.).

10) «Аламъ» («Русск. Стар.» 1887 г.).

11) Московская старина. Выписки изъ «Московскихъ Вѣдомостей» 1786 г. («Русск. Стар.» 1887 и 1888 гг.).

12) Челобитная князя А. Д. Кантеміра 1724 г. («Русск. Стар.» 1888 г.).

13) О замѣткѣ Акатьева на слово «сапецъ» («Русск. Архивъ» 1888 г.).

14) Секретарь Бѣлоградской провинціи Парохомовъ («Русск. Стар.» 1888 г.).

15) Никифоръ Вяземскій, воспитатель Царевича Алексѣя Петровича («Русск. Стар.» 1889 г.).

16) Письма къ Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Блументроста, гр. Румянцевыхъ, гр. Головина, кн. Долгорукова и кн. Голицыной («Русск. Архивъ» 1889 г.).

17) Волхвы и ворожеи на Руси въ концѣ XVII вѣка («Истор. Вѣстн.» 1889 г.).

18) Письма А. С. Пушкина къ Г. М. Пеньковскому («Русск. Архивъ» 1890 г.).

19) Предостереженіе относительно пользованія надгробными надписями, какъ историческимъ матеріаломъ («Русск. Архивъ» 1890 г.).

20) Археологія и исторія въ произведеніяхъ новѣйшихъ русскихъ писателей («Русск. Архивъ» 1890 г.).

21) По поводу воспоминаній А. М. Фадѣева («Русск. Архивъ» 1892 г.).

22) Коронація Императрицы Екатерины II-й («Русск. Стар.» 1893 г.).

23. Наказы Б. А. и С. И. Пазухинымъ и А. Ф. Пашкову (помѣщены въ XV томѣ Русской Исторической Библіотеки 1894 г.),

и 24) Разныя статьи въ «Сѣверной Пчелѣ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Акціонерѣ», «Голосѣ» и «Сѣверѣ» и др.

Въ теченіе 38 лѣтняго пребыванія въ Петербургѣ, Аскалонъ Николаевичъ никогда не упускалъ случая быть свидѣтелемъ того, что только могло интересовать его любознательный умъ. Близко зная и горячо любя все Русское, онъ не чуждался и иноземщины, и нѣсколько разъ побывалъ за границею, осмотрѣвъ тамъ, по возможности, все достопримѣчательное. Неудалось ему только съѣздить въ Іерусалимъ, куда настойчиво приглашалъ его старый другъ, Пермскій архивистъ Д. Д. Смышляевъ, долго жившій тамъ по дѣламъ Палестинскаго Общества.

Но эти поѣздки были только рѣдкими отдыхами среди постоянныхъ, хлопотливыхъ трудовъ Аскалона Николаевича, преимущественно по археографіи; близкіе ему люди удивлялись его желѣзному организму, не знавшему усталости, не смотря на массу письменныхъ работъ,—подчасъ въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Послѣдніе годы жизни Аскалона Николаевича были посвящены всецѣло Археологическому Институту, въ которомъ онъ состоялъ съ 1885 года въ числѣ почетныхъ членовъ и съ 1886 г. въ числѣ преподавателей.

20-го мая 1891 года скончался Директоръ Института И. Е. Андреевскій, и Министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ Совѣту и Правленію Института указать лицо, которымъ всего полезнѣе для дѣлъ Института было бы замѣстить открывшуюся вакансію. Вслѣдствіе сего, въ соединенномъ засѣданіи Совѣта и Правленія 24 мая была произведена закрытая баллотировка, въ результатѣ которой оказался избраннымъ единогласно Аскалонъ Николаевичъ. По сообщеніи объ этомъ Августѣйшему Покровителю Института Великому Князю Сергію Александровичу, Его Высочество писалъ графу И. Д. Делянову: «Съ живѣйшимъ удоволь-

ствіемъ прочелъ Я письмо Вашего Сіятельства съ извѣщеніемъ о желаніи Совѣта Археологическаго Института имѣть Директоромъ Тайнаго Совѣтника Труворова, который Мнѣ лично извѣстенъ съ самой лучшей стороны. Радуюсь такому отличному выбору, дѣлающему честь Совѣту Института. Увѣренъ, что при новомъ Директорѣ Институтъ будетъ украшеніемъ нашего ученаго міра» *). 28 іюня послѣдовало Высочайшее соизволеніе на назначеніе Аскалона Николаевича Директоромъ Института и онъ сряду же вступилъ въ должность.

Не веселую картину представлялъ въ этотъ моментъ Институтъ. Денежныя средства его, весьма обильныя при первомъ Директорѣ Н. В. Калачовѣ, изсякли; приливъ единовременныхъ пожертвованій прекратился, и единственнымъ источникомъ для существованія Института служила правительственная субсидія (6000 рублей), болѣе чѣмъ недостаточная для поддержанія учено-учебнаго учрежденія; нѣкоторыя существенно нужныя каѳедры оставались безъ преподавателей; число слушателей стало выражаться не десятками, какъ прежде, а единицами. Не удивительно, что пошли толки о неизбѣжности закрытія Института. Но отъ такого печальнаго исхода онъ былъ спасенъ энергіею и трудами Аскалона Николаевича.

Прежде всего онъ сократилъ нѣкоторые излишніе расходы по Институту, но въ то же время составъ преподавателей былъ имъ усиленъ нѣсколькими выдающимися профессорами, открывшими чтенія по такимъ капитальнымъ отраслямъ древлевѣдѣнія, какъ первобытная и въ особенности русская археологія, славяно-русская палеографія, дипломатика, историческая географія и греческая палеографія. Самъ Аскалонъ Николаевичъ продолжалъ практическія занятія съ слушателями, состоявшія въ чтеніи древнихъ

---

*) Такой взглядъ Великій Князь сохранилъ до самой смерти Аскалона Николаевича. Когда пишущій эти строки представлялся Ему въ январѣ 1896 года и былъ удостоенъ Имъ распросовъ про Институтъ, то Его Высочество въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзывался о личныхъ качествахъ и заслугахъ на пользу Института Аскалона Николаевича и неоднократно высказывалъ свое глубокое сожалѣніе по поводу тяжкой его болѣзни.

актовъ, для чего имъ былъ изданъ чрезвычайно умѣло подобранный сборникъ снимковъ со старинныхъ рукописей.

Средства Института получили нѣкоторое подкрѣпленіе въ видѣ нѣсколькихъ значительныхъ пожертвованій, привлеченныхъ Аскалономъ Николаевичемъ.

Наконецъ число слушателей стало чрезвычайно быстро возрастать; такъ, вмѣсто 9 дѣйствительныхъ и 8 вольныхъ слушателей, состоявшихъ въ 1891—92 учебномъ году, 1895—96 годъ открылся при 23 дѣйствительныхъ и 32 вольныхъ слушателяхъ.

Такимъ образомъ положеніе Института упрочилось, и Аскалонъ Николаевичъ вскорѣ же имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что его труды въ этомъ отношеніи стали общепризнанными. Поводомъ къ этому послужило празднованіе въ 1893 году пятидесятилѣтія его государственной службы.

Августѣйшій Покровитель Института удостоилъ юбиляра въ этотъ день слѣдующею телеграммою:

«Искренно привѣтствую васъ съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ вашей службы. Да сохранитъ васъ Господь еще на многіе годы для блага науки, которой вы себя посвятили, и на пользу Археологическаго Института, ввѣреннаго вашему просвѣщенному руководительству. Сергій».

Кромѣ того, юбиляра привѣтствовали письмами и телеграммами наши извѣстные ученые: А. Ѳ. Бычковъ, И. Е. Забѣлинъ, Д. И. Ровинскій, Г. К. Рѣпинскій, Д. Ѳ. Кобеко; Тамбовская, Нижегородская, Тверская, Рязанская и Саратовская губернскія ученыя архивныя комиссіи и многія другія лица.

И. Е. Забѣлинъ въ своемъ письмѣ такъ характеризовалъ дѣятельность юбиляра:

«Позвольте мнѣ принести вамъ искреннѣйшее сердечное привѣтствіе по случаю исполнившагося полувѣковаго вашего служенія на пользу родины и на пользу русской исторической науки, ознаменованнаго въ высокой степени почтенными и столь значительными трудами по обработкѣ и изданію ея первоисточниковъ,— этого самаго важнѣйшаго дѣла для твердаго основанія науки. Да здравствуетъ и процвѣтаетъ Археологическій Институтъ, пользуясь вашимъ попечительствомъ и столь опытнымъ и многостороннимъ

руководствомъ во всѣхъ отдѣлахъ нашей археографіи и археологіи на многіе и многіе годы».

Саратовская губернская ученая архивная коммиссія прислала юбиляру слѣдующій адресъ.

«По случаю исполнившагося пятидесятилѣтія службы вашей родимой странѣ, коммиссія назначила экстренное засѣданіе свое и, выслушавъ рефераты своихъ сочленовъ о вашей жизни и дѣятельности, равно какъ о трудахъ вашихъ для исторіи Саратовскаго края, постановила присоединить и свой привѣтственный голосъ къ общему чествованію вашего полезнаго служенія. Велико и маловоздѣланно поле родной археографіи, но тѣмъ скорѣе оно будетъ разработано, чѣмъ болѣе явится дѣятелей съ такимъ призваніемъ и такою любовью къ своему дѣлу, какими проникнуты вы. Будучи достойнымъ преемникомъ Н. В. Калачева, вызвавшаго къ жизни провинціальныя архивныя коммиссіи, вы и личнымъ трудомъ и энергичною поддержкою своею ободряете насъ въ нашихъ общихъ съ вами работахъ. Тѣмъ искреннѣй и горячѣй наше привѣтствіе, что вы принадлежите Саратовскому краю и по рожденію, и по первымъ шагамъ своей дѣятельности».

На актѣ, происходившемъ 17 мая 1893 г. въ Археологическомъ Институтѣ, въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія, слушатели Археологическаго Института поднесли Аскалону Николаевичу слѣдующій адресъ:

«Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ вы поступили на поприще общественнаго служенія съ цѣлью посвятить всѣ силы свои наукѣ и родинѣ. Прошло полвѣка, и наступило для васъ время высокой радости. Не количество привѣтствій, не размѣры чествованія служатъ мѣриломъ этой радости, а ваше внутреннее сознаніе. Оно должно испытывать полное удовлетвореніе, такъ какъ протекшая дѣятельность ваша дала цѣнные плоды для русской археографіи, русской археологіи и русской исторической и юридической науки».

«Не намъ, слушателямъ вашимъ, оцѣнивать научные труды ваши. Они достойно оцѣнены лучшими представителями археографіи и исторической древности. И. Е. Забѣлинъ, привѣтствуя васъ, указываетъ на ваши въ высокой степени почтенные и значитель-

ные труды по обработкѣ и изданію первоисточниковъ исторической науки. Еще ранѣе, покойные Н. В. Калачевъ и графъ Д. А. Толстой обратили вниманіе на вашу плодотворную дѣятельность, на вашу энергію, самостоятельность и настойчивость въ достиженіи полезныхъ для науки результатовъ. Имя ваше увѣковѣчено научными трудами вашими».

«Въ настоящее время вы, Аскалонъ Николаевичъ, являетесь достойнѣйшимъ преемникомъ по управленію Археологическимъ Институтомъ основателя и перваго директора института Н. В. Калачева и затѣмъ И. Е. Андреевскаго. Мы, слушатели Института, видимъ ваше доброжелательство къ намъ и ту любовь, съ какою вы входите въ подробности внутренней жизни Археологическаго Института. Еще нѣтъ и двухъ лѣтъ, какъ вы стоите во главѣ института, а уже плоды вашей заботливости о его процвѣтаніи успѣли сказаться. Подъ вашимъ просвѣщеннымъ руководствомъ Институтъ обогатился новыми почтенными учеными силами и въ настоящее время имѣетъ счастіе видѣть въ числѣ своихъ преподавателей признанныя и блестящія научныя свѣтила».

«Позвольте же намъ, высокоуважаемый и дорогой Аскалонъ Николаевичъ, воспользоваться настоящимъ торжественнымъ для насъ днемъ, чтобы принести вамъ нашъ искренній и горячій привѣтъ со столь достойно совершеннымъ пятидесятилѣтіемъ вашей дѣятельности. Мы хотимъ, чтобы грядущіе слушатели Археологическаго Института знали, что Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ пріобрѣлъ себѣ наши симпатіи, любовь и уваженіе. Да хранитъ Господь вашу драгоцѣнную жизнь на долгіе годы для пользы родины, славы науки и гордости Археологическаго института».

Что касается губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій, то Аскалонъ Николаевичъ близко принималъ къ сердцу ихъ непривлекательное положеніе и относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ ихъ трудовой дѣятельности, крайне огорчался, видя полную невозможность доставить имъ матеріальныя средства, недостатокъ которыхъ мѣшалъ правильному ходу столь полезнаго дѣла. Переписка его съ архивными коммиссіями служитъ яснымъ доказательствомъ, съ какою любовью онъ слѣдилъ за ихъ кропотливыми трудами и всѣми мѣрами старался, хотя почетными отличіями, воз-

награждать безвозмездно работавшихъ тружениковъ. Появленіе въ свѣтъ каждаго новаго труда вызывало въ немъ искреннюю радость. Въ бытность Аскалона Николаевича директоромъ Института, открыты Черниговская и Симбирская коммиссіи,—послѣдняя въ его присутствіи въ іюлѣ 1895 года. Ранѣе онъ могъ посѣтить лишь Нижегородскую и Таврическую и собирался ѣхать по приглашенію А. К. Жизневскаго въ Тверскую, но болѣзнь (предсмертная) помѣшала поѣздкѣ. Имъ изданы «Обзоры дѣятельности Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій (за 1890—1894 г.г.), которые были удостоены Высочайшей благодарности. Заслуживаетъ вниманія, что послѣдняя дѣловая бумага, которую онъ подписалъ за три дня до кончины, касалась Романовскаго музея при Костромской Коммиссіи.

Ободренный успѣшнымъ ходомъ дѣлъ въ Институтѣ и сочувствіемъ къ нему общества, Аскалонъ Николаевичъ приступилъ къ дальнѣйшему развитію дѣятельности и средствъ Института.

Осенью 1895 года Аскалонъ Николаевичъ, при участіи одного изъ бывшихъ слушателей Института, приступилъ къ составленію проектовъ новаго положенія и штата Института. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ оба проекта, тщательно разработанные и обоснованные на обстоятельныхъ исторической и объяснительной запискахъ, были изготовлены, обсуждены Совѣтомъ Института и въ концѣ декабря представлены Августѣйшему Покровителю Института, а въ половинѣ января 1896 года и Министру Народнаго Просвѣщенія.

Но Аскалону Николаевичу не суждено было увидѣть плоды своихъ трудовъ. Перенесенная имъ въ 1893 году продолжительная болѣзнь, окончившаяся серьезной операціей, подорвала его организмъ, прежде удивлявшій всѣхъ своею несоотвѣтственною пожилымъ годамъ крѣпостію и выносливостію. Ни поѣздка въ теплые края, ни обезпеченная, полная довольства, жизнь въ теченіи круглаго года въ его прекрасномъ домѣ на Крестовскомъ островѣ, не могли возстановить силъ; простуда довершила пагубныя послѣдствія болѣзни, вызвавшей операцію. Въ началѣ ноября 1895 года, въ самый разгаръ работъ по составленію проектовъ новаго положенія и штата Института, припадки удушья и безсонница сильнѣе прежняго овладѣли Аскалономъ Николаевичемъ. Но онъ всячески крѣ-

пился и продолжалъ работать; въ концѣ ноября, хотя и съ величайшимъ трудомъ, но всетаки пріѣхалъ въ Институтъ, чтобы участвовать въ засѣданіи Совѣта, собраннаго для обсужденія проектовъ. Болѣзнь быстро дѣлала свое дѣло, и Аскалонъ Николаевичъ сильно сокрушался при мысли, что не успѣетъ дать окончательное направленіе задуманному имъ дѣлу преобразованія Института *); близкіе знакомые Аскалона Николаевича помнятъ, съ какою радостью подписывалъ онъ проекты своею слабѣющею уже рукою. Въ концѣ января онъ послѣдній разъ присутствовалъ въ Совѣтѣ Института.

30 марта 1896 года Аскалонъ Николаевичъ скончался.

Въ пышныхъ церемоніяхъ выноса и погребенія Археологическій Институтъ принялъ конечно выдающееся участіе, возложивъ на гробъ покойнаго вѣнки съ соотвѣтственными надписями отъ профессоровъ и слушателей. Изъ другихъ вѣнковъ обращалъ на себя вниманіе вѣнокъ отъ крестьянъ Крестовскаго острова, не разъ имѣвшихъ въ лицѣ Аскалона Николаевича энергичнаго ходатая по ихъ нуждамъ.

Отпѣваніе покойнаго было совершено ректоромъ Петербургской Духовной Академіи, епископомъ Іоанномъ, въ присутствіи Министра Народнаго Просвѣщенія и многихъ другихъ высокопоставленныхъ лицъ, въ Исидоровской церкви Александро-Невской лавры, гдѣ онъ и погребенъ. Вдова покойнаго получила много телеграммъ съ выраженіемъ соболѣзнованія,—въ томъ числѣ отъ Министра Народнаго Просвѣщенія и нѣкоторыхъ ученыхъ архивныхъ коммиссій.

Изложенныя краткія данныя о жизни и дѣятельности Аскалона Николаевича даютъ намъ право признать его однимъ изъ тѣхъ русскихъ самородковъ, которые, не смотря ни на скудную обстановку, въ которой родились, ни на разныя невзгоды, пре-

*) Это преобразованіе осуществляется въ настоящее время. Высочайше утвержденнымъ 12 мая 1897 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта положено: отпускать въ пособіе на содержаніе Института, изъ средствъ Государственнаго Казначейства, съ 1 января 1898 года по 18000 руб. вмѣсто прежде отпускавшихся 6000 руб. (Собр. Узак. и распор. Прав. 1897 г. № 67, ст. 846). Утвержденіе положенія и штата Института ожидается въ скоромъ времени.

пятствующія ихъ правильному духовному росту, выбиваются на дорогу и составляютъ себѣ и видное положеніе и почетное имя единственно благодаря неустанному труду, съ которымъ они развиваютъ данный имъ отъ Бога талантъ. Какія въ самомъ дѣлѣ изумительныя и поучительныя параллели представляетъ жизнь Аскалона Николаевича: крестьянинъ по рожденію — умираетъ тайнымъ совѣтникомъ, обильно украшеннымъ орденами (до Владиміра 2 ст. включительно); ученикъ крѣпостнаго живописца— признается въ концѣ жизни авторитетнѣйшими учеными, какъ опытный и многосторонній руководитель во всѣхъ отдѣлахъ нашей археографіи и археологіи; скромный чиновникъ захолустнаго уѣзднаго суда—пишетъ руководящія юридическія статьи по запутаннѣйшимъ вопросамъ русскаго гражданскаго права; учитель чистописанія такого же захолустнаго училища—блестяще справляется съ подборомъ и редакціею многихъ тысячъ свитковъ гигантскаго дѣла о Шакловитомъ и наконецъ является во главѣ высшаго учебнаго заведенія, которое навсегда сохранитъ о немъ самую свѣтлую, благодарную память.

Заключимъ нашъ очеркъ отрывкомъ изъ прекрасной рѣчи предсѣдателя Тамбовской ученой архивной комиссіи И. И. Дубасова,—сказанной имъ въ засѣданіи этой комиссіи 24-го апрѣля 1896 года, посвященномъ памяти почившаго:

«Цѣлый вѣкъ свой, Господомъ Богомъ ему данный, онъ употребилъ на безпрерывный научный трудъ, преимущественно въ области археографіи. Въ дѣлѣ самообразованія, путемъ личныхъ неустанныхъ трудовъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ научныхъ тружениковъ. Въ этомъ смыслѣ онъ великій примѣръ для всѣхъ насъ. Почтимъ память незабвеннаго Аскалона Николаевича! Имя его да будетъ намъ на вѣки нерушимо. Безпрерывный научный подвигъ его жизни да будетъ указомъ и нашей архивной дѣятельности. Именемъ покойнаго Аскалона Николаевича я призываю васъ къ усиленію нашей научно-исторической дѣятельности. Поработайте на нашемъ архивномъ поприщѣ съ возможною энергіею. И то будетъ воистину патріотическая работа. Раскройте побольше источниковъ старо-русской жизни,—тамъ нашъ корень, тамъ наша народная сила».

С. Перетерскій.

Памяти Ѳ. И. Буслаева.

(Заслуги его въ области художественной археологіи).

Широкая и разнообразная научная дѣятельность Ѳ. И. Буслаева захватываетъ, между прочимъ, и область художественной археологіи и исторіи искусства. Занимаясь изученіемъ памятниковъ литературы, языка и письма, Ѳ. И. Буслаевъ уже при самомъ началѣ своихъ ученыхъ занятій поставленъ былъ лицомъ къ лицу съ необходимостью ввести въ кругъ этихъ занятій и памятники искусства. Къ этому вызывала его не только одна свойственная ему широта научныхъ воззрѣній, но и очень чувствительный недостатокъ ученыхъ работъ и интереса къ этой все еще темной области въ то время. Ѳ. И. Буслаевъ съ жаромъ принялся за эту работу, полюбилъ ее и обогатилъ художественную археологію Россіи множествомъ цѣнныхъ монографій, изслѣдованій и замѣтокъ. Но не въ одномъ этомъ количествѣ работъ заслуга Ѳедора Ивановича. Гораздо важнѣе то, что онъ первый у насъ въ Россіи установилъ основныя начала художественно-археологическихъ воззрѣній, показалъ пріемы научныхъ изслѣдованій и поставилъ дѣло изученія памятниковъ русской художественной старины на вѣрную дорогу. Онъ не былъ систематизаторомъ и историкомъ искусства въ строгомъ смыслѣ слова; онъ не составилъ цѣльной исторіи русскаго искусства: для этого не настала въ то время пора, да она не настала еще и доселѣ; но онъ подготовилъ почву для нея, указавъ пріемы изслѣдованія отдѣльныхъ памятниковъ, на которые должна съ теченіемъ времени опереться эта исторія.

Ѳ. И. Буслаевъ въ своихъ художественно-археологическихъ работахъ шелъ по пути неизслѣдованному. Прямой школьной и университетской подготовки къ тому у него не было; а потому понятно, что его работы, особенно первыя, имѣли характеръ болѣе или менѣе случайный, хотя уже и въ нихъ виденъ серьезный ученый, умѣющій взяться за дѣло и располагающій обширнымъ запасомъ вспомогательныхъ знаній. Въ ранней молодости, когда еще не опредѣлилось сполна направленіе его работъ, счастливыя обстоятельства поставили его лицомъ къ лицу съ памятниками искусства классическаго, и они привлекли его къ себѣ. Онъ изучалъ эти памятники въ разныхъ европейскихъ музеяхъ и особенно въ Римѣ. Эти занятія подготовили его къ изученію памятниковъ средневѣковыхъ и эпохи возрожденія искусствъ. Съ восторгомъ вспоминалъ Ѳ. И. объ этихъ занятіяхъ, при чемъ съ особеннымъ уваженіемъ произносилъ имя берлинскаго профессора Пипера, который основалъ при берлинскомъ университетѣ средневѣковый музей для занятій съ студентами и тѣмъ способствовалъ распространенію художественно-археологическихъ знаній; и мнѣ кажется, что сравнительный методъ изслѣдованій, которымъ широко и весьма удачно пользовался Пиперъ въ своихъ работахъ, оказалъ замѣтное вліяніе на характеръ работъ Ѳедора Ивановича. Въ рукахъ Буслаева накопился такимъ образомъ большой ученый аппаратъ, съ которымъ онъ смѣло могъ приступить къ работамъ по изслѣдованію памятниковъ русскихъ. Оставалось восполнить его изученіемъ памятниковъ византійскихъ, и это было имъ сдѣлано (отчасти по оригинальнымъ памятникамъ, напримѣръ рукописямъ византійскимъ, отчасти по фотографическимъ снимкамъ и ученымъ изданіямъ), хотя нельзя не признать, что съ этой стороны въ трудахъ Ѳ. И. замѣтны нѣкоторые недочеты, совершенно неизбѣжные.

Рядъ изслѣдованій Ѳ. И. Б. въ этой области начинается, насколько мнѣ извѣстно, изслѣдованіями въ Историческихъ очеркахъ русской народной словесности и искусства. «Народная поэзія въ древне-русской литературѣ, Народность въ древне-русской литературѣ и искусствѣ, Памятники древне-русской письменности,

Изображенie страшнаго суда по русскимъ подлинникамъ, Византiйская и древне-русская символика по рукописямъ XV—XVI вѣка, Новгородъ и Москва, Для исторiи русской живописи XVI вѣка, Литература русскихъ иконописныхъ подлинниковъ, Для бiографiи русскаго иконописца Симона Өедоровича Ушакова, Русская эстетика XVII вѣка, Подлинникъ по редакцiи XVIII вѣка»,—всѣ эти изслѣдованiя и статьи заключаютъ въ себѣ очень много цѣнныхъ матерiаловъ для исторiи русскаго искусства: сравненiя памятниковъ русскаго искусства и иконографiи съ западно-европейскими и византiйскими проходятъ замѣтною полосою по всѣмъ этимъ статьямъ. Обширное знакомство автора съ таковыми памятниками легко вызываетъ въ его представленiи аналогичные примѣры изъ области романской скульптуры, изъ исторiи Новгородскихъ, такъ называемыхъ, корсунскихъ вратъ, византiйской миніатюры и т. п. Но что заслуживаетъ особеннаго вниманiя, какъ характерная черта метода изслѣдованiя Ө. И. Б., это указанie взаимодѣйствiя между памятниками старинной русской письменности съ одной стороны и памятниками русскаго искусства съ другой. Какъ человѣкъ всесторонне образованный и настоящiй спецiалистъ, не привыкшiй подходить къ предмету шаблонными путями, онъ сразу понялъ, что русское искусство въ своихъ историческихъ основахъ существенно отличается отъ западно-европейскаго. Если послѣднее всецѣло подчинено личному вкусу и вдохновенiю художника, то первое зависитъ прежде всего отъ началъ объективныхъ, лежащихъ въ его основѣ и управляющихъ личнымъ художественнымъ произволомъ русскихъ иконописцевъ и художниковъ. А эти начала находятъ свое изъясненie въ памятникахъ старинной письменности. Вотъ почему ученая мысль Буслаева, при изслѣдованiи памятниковъ письменности, нерѣдко переносилась къ памятникамъ искусства, и вотъ почему изслѣдованiя эти обычно сопровождаются снимками съ старинной русской миніаютры и иконописи. Мысль эту неоднократно развивалъ Буслаевъ и въ своихъ сочиненiяхъ, и въ личныхъ бесѣдахъ и при этомъ указывалъ примѣры того, къ какимъ курьезнымъ послѣдствiямъ иногда

приводило ученыхъ изслѣдователей памятниковъ искусства недостаточное знакомство съ древнею письменностію

Постепенное расширеніе наблюденій въ области памятниковъ русскаго искусства и иконографіи привело Буслаева къ мысли о систематизаціи этихъ наблюденій: идея эта заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что до того времени мы не имѣли ни одной попытки въ этомъ родѣ; да и никто изъ русскихъ ученыхъ не располагалъ необходимыми для того научными средствами. Буслаевъ принялся за эту работу и въ 1866 году въ Сборникѣ Общества древнерусскаго искусства при московскомъ публичномъ музеѣ напечаталъ обширное изслѣдованіе подъ скромнымъ заглавіемъ: «Общія понятія о русской иконописи». Постановка предмета въ этомъ изслѣдованіи очень широкая: авторъ выдвинулъ здѣсь весь свой ученый аппаратъ и твердо намѣтилъ *основныя* положенія русской иконописи. Онъ показалъ коренное отличіе русской иконографіи отъ западно-европейской; въ главѣ о методѣ изученія русской иконописи и источникахъ иконописнаго преданія представилъ обстоятельный сводъ данныхъ, необходимыхъ для вѣрнаго истолкованія памятниковъ русскаго искусства: здѣсь онъ отмѣтилъ важнѣйшіе памятники 1) стѣнной живописи въ римскихъ катакомбахъ; 2) рельефы саркофаговъ; 3) древнія мозаики—римскія, равенскія, венеціанскія, константинопольскія, сицилійскія, кіевскія; 4) миніатюры византійскихъ лицевыхъ рукописей, 5) диптихи, оклады и складни; 6) сосуды и утварь и 7) врата. Этотъ сводъ данныхъ, рѣдкій для того времени, долженъ былъ служить руководительною нитью для начинающихъ ученыхъ, которые дѣйствительно и повели это дѣло впередъ. Изъ всѣхъ произведеній Ѳ. И. Буслаева, посвященныхъ русскому искусству, это изслѣдованіе, по полнотѣ матеріала и особенно по широтѣ научнаго воззрѣнія, должно быть поставлено, по нашему мнѣнію, на первомъ планѣ: имъ данъ былъ сильный толчекъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ по художественной археологіи. Въ заключеніи этого изслѣдованія онъ писалъ: Итакъ, въ настоящее время между церковнымъ искусствомъ русскимъ и западнымъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Чтобы согла-

сить успѣхи цивилизаціи съ національною самостоятельностію, искусство въ нашемъ отечествѣ свѣтское можетъ идти по слѣдамъ западнаго; что же касается до искусства церковнаго и преимущественно до иконописи, то напрасно русскій художникъ будетъ искать себѣ вдохновенія и руководства тамъ, гдѣ давно уже вдохновеніе изсякло, а руководство и всегда прежде было шаткое и обманчивое. Живопись свѣтская одна для всего образованнаго міра; живопись церковная согласуется съ преданьями, вѣрованьями и убѣжденьями народныхъ массъ; она по преимуществу живопись національная. Отказываться отъ мысли о необходимости поддерживать и усовершенствовать нашу иконопись значило бы посягать на самые существенные элементы русской народности; не способствовать въ нашемъ отечествѣ успѣхамъ живописи свѣтской значило бы отказать искусству въ возможности идти въ уровень съ идеями цивилизаціи. Но по самому существу своему та и другая область искусства не должны быть между собою смѣшиваемы. Русскій художникъ можетъ съ успѣхомъ подражать Деларошу и Каульбаху въ живописи исторической, но съ этими же руководителями въ живописи церковной рискуетъ онъ впасть въ разслабленность и безсмысліе, какъ результатъ охлажденія религіознаго вдохновенія на западѣ, и стать въ смѣшное противорѣчіе съ преданьями и религіозными убѣжденьями своего отечества. Единственное средство спасти русскую церковную живопись отъ всего пошлаго, безсмысленнаго, разслабленнаго и смѣшного—это основательное изученіе русской иконописи въ ея лучшихъ источникахъ.—Заключеніе это вытекло само собою изъ предшествующаго обозрѣнія обширной массы памятниковъ, имѣющихъ характеръ по преимуществу религіозный и истолкованныхъ авторовъ съ компетенціею знатока дѣла.—Послѣднимъ крупнымъ трудомъ Ѳ. И. Б. по искусству былъ «Сводъ изображеній изъ русскихъ лицевыхъ апокалипсисовъ», въ которомъ собрано множество иконографическихъ матеріаловъ и даны крѣпкіе устои для рѣшенія кардинальныхъ вопросовъ о происхожденіи и постепенномъ развитіи русской апокалипсической иконографіи. Не говоримъ о менѣе крупныхъ

произведеніяхъ Буслаева, касающихся орнаментики, стилизаціи ландшафта, рецензіяхъ, письмахъ и т. п., въ которыхъ щедрою рукою разсыпаны блестки ученой мысли и наблюдательности. Но не можемъ умолчать о томъ, что маститый ученый, особенно въ послѣдніе годы своей жизни, былъ живымъ центромъ всѣхъ любителей и спеціалистовъ по древне-русскому искусству: двери его ученаго кабинета были открыты для всѣхъ, и всѣ находили здѣсь ободреніе и поддержку въ живомъ общеніи съ отцомъ русской художественной археологіи. Не даромъ же Буслаевъ любилъ молодежь и не даромъ, на 1-мъ археол. съѣздѣ въ Москвѣ, онъ сильно ратовалъ за введеніе археологіи въ кругъ предметовъ преподаванія въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ossa placide quiescant.

Н. Покровскій.

Изъ исторіи русской переводной литературы.

I.

Въ 1186 году младшій сынъ великаго жупана сербскаго Стефана Немани тихонько отъ отца ушелъ изъ родительскаго дома на Аѳонъ, въ русскій Пантелеймоновъ монастырь. Вскорѣ потомъ, также на Аѳонѣ, въ Ватопедскомъ монастырѣ, онъ постригся и получилъ имя Саввы. Черезъ много лѣтъ далѣе, передъ одной изъ поѣздокъ на родину, онъ отправился въ одинъ изъ монастырей Солуня (здѣсь онъ былъ ктиторомъ) и «пребылъ въ немъ, сколько хотѣлъ», за работой—за «преписаніемъ» «*книгъ многихъ законныхъ* о исправленіи вѣрѣ», которыя были нужны сербской «соборной церкви». Такъ говоритъ ученикъ его и біографъ Доментіанъ.

Одна изъ дошедшихъ до насъ редакцій славянской Кормчей несомнѣнно имѣетъ отношеніе къ дѣятельности Саввы; запись въ двухъ ея спискахъ (Воскресенскомъ и Морачскомъ) говоритъ слѣдующее: настоящая божественная книга «изиде на свѣтъ нашего языка потщаніемъ и любовію многою и желаніемъ» киръ-Саввы. Эта редакція, представляющая сокращенный текстъ каноновъ съ толкованіями по преимуществу Аристина, отчасти Зонары, изрѣдка неизвѣстныхъ комментаторовъ, возникла въ Греціи не раньше половины XII вѣка. Славянскій текстъ ея дошелъ до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, сербскихъ и русскихъ, изъ которыхъ старшій—списокъ 1262 года, написанный въ городѣ Иловицѣ по повелѣнію зетскаго епископа и описанный подробно акад. Ягичемъ въ VI книгѣ загребскихъ «Старинъ».

Взглянемъ на языкъ этого списка.

Фонетическія его особенности [1]) не исключительно сербскія; между ними много руссизмовъ, и притомъ яркихъ, несомнѣнныхъ. Это *а*, *я* вмѣсто ѧ: присташ*а*, быш*а*, видѣш*а*, прѣбыва*я*, клевещ*а*, прѣступа*я*, прѣдь-

[1]) Пользуемся статьею г. Ягича.

лежащаго, начала, пояти и т. п.; *о, е* вмѣсто *ъ, ь*: истолкование, кленутьсе, *ж* вмѣсто *жд*: чюжего, дажь, прѣже; *ере* вмѣсто *рѣ*: черѣнъ.

Словарный матеріалъ [1]) также богатъ руссизмами: *грамата*=документъ (56, 62, 75), письмо (61), *грамату* умѣти (79), *руга*=жалованье (134), *тавлиями играти*, *мастеръ* (Ряз. К. 296); *връста* мѣра разстоянія (90); *близочьство*=родство, *гумьньце* (у священника), *гранъ*=τίτλος, *мовьница* (Ряз. К. 159), *наложьница*, *наузъ*, *пожаръ*, *павлака*=паволока, *своякъ*, *страда*=трудъ, *сѣно*=сухая трава, *урискание*=ристаніе, и друг. Другія слова, хотя и извѣстны текстамъ и языкамъ южно-славянскимъ,—вполнѣ обычны въ древнемъ или новомъ русскомъ языкѣ: *клъбаса*=колбаса, *зазоръ*, *прибытъкъ*, *завѣщание*, *заточение*, *наслѣдьникъ*, *послухъ*, *явлена татьба*. Вообще текстъ производитъ впечатлѣніе русскаго. Впрочемъ типичныя южно-славянскія слова есть: *свѣнь*, *свѣнѣ*=кромѣ, *прѣзъ*=черезъ; *село*=поле; названіе монеты—*перпира*; *Срѣдьцъ*=Σαρδική. Но ихъ такъ немного, что они не даютъ окраски тексту.

Миклошичъ призналъ списокъ 1262 года за восходящій къ русскому оригиналу [2]). Ягичъ выразился осторожно: чтеніе этого списка произвело на него впечатлѣніе не сербскаго, а болгарскаго памятника [3]).

Въ виду приведенныхъ данныхъ мы можемъ считать переводъ настоящей редакціи Кормчей вышедшимъ изъ подъ пера русскаго человѣка. Савва лишь «преписалъ» его, т. е. перевелъ русскій изводъ церковно-славянскаго языка на изводъ сербскій и, можетъ быть, вставилъ кое-гдѣ южно-славянскія слова. Но гдѣ былъ сдѣланъ переводъ?

Русскіе списки этой Кормчей восходятъ къ средне-болгарскому оригиналу. Послѣдній былъ доставленъ митрополиту Кириллу, по его просьбѣ, болгарскимъ деспотомъ Іоанномъ Святославомъ въ 1262 году. Изъ письма послѣдняго къ Кириллу видно, что эта Кормчая была новинкою для русскаго духовенства. Старшій изъ русскихъ списковъ—Рязанская Кормчая 1284 года—не только имѣетъ *свѣнѣ*, *прѣзъ* и проч., но наполненъ

---

[1]) Пользуемся тою же статьею и «Закономъ градскимъ» по Морачскому списку (*Гласник Српског Учeног Друштва*, отд. II, кн. VIII, статья архим. Дучича. Цифры въ скобкахъ указываютъ на страницы *Гласника*. Сверхъ того, мы беремъ кое-что изъ Рязанской Кормчей 1284 года и изъ словаря Миклошича. О признакахъ русскаго происхожденія перевода см. въ нашей статьѣ: «Особенности русскихъ переводовъ домонгольскаго періода», въ *Трудахъ VII-го Археологическаго съѣзда въ Вильнѣ*.

[2]) Vgl. Gr. I², стр. 16.

[3]) *Starine*, VI, стр. 80.

средне-болгаризмами. Позднѣйшіе списки по языку ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ старшихъ, и ни объ одномъ изъ нихъ мы не имѣемъ основанія сказать, что онъ свободенъ отъ южно-славянизмовъ и восходитъ непосредственно къ русскому прототипу. Поэтому позволительно думать, что переводъ Кормчей былъ сдѣланъ русскимъ монахомъ (или монахами) на Аѳонѣ во второй половинѣ XII или въ самомъ началѣ XIII вѣка.

Какія другія книги были «преписаны» Саввою?

Есть небольшой памятникъ, носящій въ рукописяхъ заглавіе: «Книги законныя, имиже годится всякое дѣло исправляти всѣмъ православнымъ княземъ», и представляющій компиляцію изъ византійскихъ: «Земледѣльческаго устава» и разныхъ отдѣловъ «Закона градскаго» (=Прохирона) [1]). Списки его, извѣстные до сихъ поръ (немногіе),—всѣ русскіе, и самый древній изъ нихъ не старше XV вѣка. Вслѣдствіе этого разборъ звуковыхъ особенностей его языка не можетъ дать цѣнныхъ результатовъ, а разборъ словарнаго матеріала представляетъ большія затрудненія, особенно потому, что по тексту прошлась рука поздняго исправителя (не раньше XIV вѣка) и внесла такія позднія слова, какъ *казна, грошь* [2]). Тѣмъ не менѣе можно сказать, что въ словарѣ памятника преобладаютъ русскіе элементы. Конечно, значительную часть его яркихъ руссизмовъ можно отнести на счетъ исправителя: *грамота*=документъ, *товаръ*=имущество; *висѣлица*, *мельница*, *торговля*, *наузокъ*, *наложница*, *хвостъ*, *потеряти*=погубить, *хорошити*, *подхорошити*=подправить, подрѣзать; *истина*=капиталъ, *рѣзъ*=процентъ, *поклепъ посулъ*, *проторъ*; но нѣкоторые необходимо признать древними, принадлежащими переводчику: *лыскарь*=лопата (сравн. Начальную лѣтопись), *думца* (сравн. Даніила Заточника), *мовьница*, *урискание*=ристаніе. Но рядомъ съ русскими элементами, дающими памятнику окраску русскаго перевода, есть южно-славянскіе элементы, сравнительно малочисленные, но яркіе: *стернище* ὕλη, *καλάμη* (=сербск. *стрниште*), *истрѣбити*=разчистить, *каланъ* μάστιξ (сербск. *колан*, тюркизмъ); названіе монеты (кромѣ *грошь*)—*перепера*.

---

[1]) *Павловъ*, «Книги законныя». Спб., 1885. Разборы этого труда: нашъ и акад. Васильевскаго въ *Журн. Мин. Н. Пр.* 1886 года, № 2; проф. Успенскаго въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* 1886 года, № 4; акад. Ягича въ *Archiv für slav. Philologie*, т. IX.

[2]) Слово *казна* впервые является въ духовныхъ московскихъ князей, а *грошь*—въ текстахъ второй половины XIV вѣка (*Срезневскій*, Свѣдѣнія и замѣтки, № XXVII; 1-ая Новгородская лѣтопись подъ 1410 годомъ; западно-и юго-западно-русскіе документы).

Сравненіе выше названной Кормчей и Книгъ законныхъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они представляютъ переводъ одного и того же греческаго оригинала (Прохирона), показываетъ, что переводчикъ Кормчей былъ знакомъ съ Книгами законными; между обоими текстами цѣлый рядъ совпаденій. Напримѣръ:

Кн. зак.:	Кормчая [1]):
убоятся начинающе таковая дѣлати καταπτοηθῶσιν οἱ ἐγχειροῦντες τοῖς τοιούτοις	убоетьсе начинающеи таковая
ратници и иже къ ратнымъ сами приходяще οἱ πολέμιοι καὶ οἱ πρὸς τοὺς πολεμίους αὐτομολοῦντες	ратніи и иже отъ насъ къ нимъ сами приходеще
ходатаеви же и сдѣлници οἱ δὲ μέσοι καὶ ὑπουργοί	ходатаи же и слугы
аще ли же убози суть се створшеи εἰ δὲ ἄποροι εἶεν οἱ τοῦτο διαπεπραχότες	аще же убозы суть се сътворьшеи
иже глаголемая хранителная и наузкы творящеи οἱ τὰ λεγόμενα ποιοῦντες φυλακτά	иже творетъ глаголемая хранила рекьше узлы.

Слѣдовательно, Книги законныя явились въ славянскомъ текстѣ не позднѣе конца XII—начала XIII вѣка и были извѣстны тамъ, гдѣ работалъ переводчикъ Кормчей, т. е. на Аѳонѣ.

Гдѣ же этотъ памятникъ былъ переведенъ?

Русскіе его списки, какъ мы сказали уже, всѣ поздніе. Ни одинъ изъ русскихъ юридическихъ сборниковъ старшаго періода не имѣетъ изъ него даже ничтожныхъ отрывковъ. Судя по всему, Книги законныя впервые явились въ Россію съ поздними южно-славянизмами въ языкѣ, въ концѣ XIV—началѣ XV вѣка, тогда, когда Россія получила цѣлую массу южно-славянскихъ текстовъ. Въ виду всего этого мы можемъ считать мѣстомъ перевода Аѳонъ.

---

[1]) По тексту Кормчей Морачской (въ изданіи Дучича).

Нашъ выводъ не представляетъ большой новости. Проф. Павловъ давно уже высказалъ его, съ небольшою разницею: мѣстомъ первоначальнаго перевода онъ считаетъ Россію; потомъ текстъ, по его мнѣнію, былъ въ Сербіи и наконецъ изъ Сербіи прибылъ опять въ Россію.

Этотъ памятникъ, думаемъ мы, принадлежитъ къ числу тѣхъ «многихъ книгъ законныхъ», которыя были «преписаны» Саввою въ Солунскомъ монастырѣ.

II.

Наши ученые уже давно обратили вниманіе на одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ фактовъ въ исторіи древне-русской культуры и письменности—на переводъ нѣсколькихъ книгъ св. писанія ветхаго завѣта [1]) съ латинскаго языка на славянскій, совершенный въ самомъ концѣ XV в. Буслаевъ насъ познакомилъ отчасти съ грамматическимъ, но главнымъ образомъ съ словарнымъ матеріаломъ этого текста по синодальному списку Геннадіевой Библіи 1499 года [2]). Горскій и Невоструевъ посвятили названному переводу рядъ страницъ въ своемъ трудѣ [3]); здѣсь ими приведены многочисленныя данныя для сужденія о качествѣ перевода и дѣланъ выводъ, мало благопріятный для переводчика: онъ былъ «ограниченъ въ знаніи латинскаго языка»; онъ «не всегда былъ счастливъ въ переводѣ извѣстныхъ ему словъ». Тѣ же ученые привели запись книгъ Маккавейскихъ въ Погодинскомъ спискѣ библіи, изъ которой видно, что переводъ книгъ былъ исполненъ въ 1494 (=7001) году по повелѣнію новгородскаго архіепископа Геннадія и что переводчикомъ былъ «презвитеръ, паче же мнихъ обители святаго Доминика, именемъ Веніаминъ, родомъ словенинъ, вѣдущій латинскій языкъ и грамматику, вѣдущій отчасти и греческій языкъ и фряжскій». Другіе ученые повторяли слова Горскаго и Невоструева.

Такова литература вопроса.

Внимательное разсмотрѣніе перевода позволяетъ имѣть болѣе выгодное мнѣніе о переводчикѣ, чѣмъ установленное Горскимъ и Невоструевымъ. Латинскій языкъ былъ ему знакомъ достаточно, и если онъ перевелъ cepit arcem через *нача арсемъ* (1 Паралип. XI) или liberis= дѣтьми черезъ *свободами* (2 Паралип. XX), или если смѣшалъ acies съ

---

[1]) Паралипоменонъ, Ездры, Неемія, Товитъ, Іудиѳь, Эсѳирь, Маккавейскія, Притчи, Премудрость Соломонова, Іисусъ Сираховъ (вполнѣ или отчасти).

[2]) *Матеріалы для исторіи письменъ.* М. 1855 г., стр. 51—54.

[3]) *Описаніе славянскихъ рукописей Моск. Синод. Библ.* I, стр. 44—53, 125—129.

acus и передалъ direxerunt aciem черезъ *управиша спицу* (1 Паралип. XVIII),—дѣло не въ незнаніи латинскаго языка, а въ небрежности работы. Переводъ его съ нашей точки зрѣнія мало удовлетворителенъ по своей темнотѣ; но и здѣсь вина лежитъ не столько на переводчикѣ, сколько на обычаѣ стараго времени переводить по возможности буквально. Едва ли можно сомнѣваться, что переводчику было легче перевести правильно ingressus sum, ingressi sunt, saturati sumus, чѣмъ придумать странныя *вниденъ есмь, внидоша суть, насыщахомся есьмы*. Употребленіе въ текстѣ оставленныхъ безъ перевода латинскихъ словъ, часто самыхъ простыхъ (castra и т. п.), съ переводомъ ихъ на поляхъ (принадлежащимъ—по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ—переводчику) свидѣтельствуетъ не о желаніи «пестрить рѣчь иностранными словами», а о плохомъ редактированіи текста, при которомъ славянскія слова попали на поля, въ видѣ глоссъ, а латинскія, отмѣченныя для себя переводчикомъ, очутились въ текстѣ.

Далѣе, не подлежитъ сомнѣнію нѣкоторое знакомство переводчика съ греческимъ языкомъ. Онъ довольно часто передаетъ латинское b черезъ славянское *в*: Іоа*в*ъ, Аминада*в*ъ, Ель*в*ои—Gelboe, Ра*вв*а—Rabba, *в*асилика=basilica, латинское c черезъ *к*: *К*исъ, *к*имбалъ, *к*ентуріонъ [1]) и т. п. Кажется, есть слѣды знакомства его и съ языкомъ итальянскимъ (=фряжскимъ): ве*т*игалъ (1 Ездры IV)=vectigal, *костелла* (1 Паралип. XXI)=castra. Въ достаточномъ знаніи имъ церковно-славянскаго языка богослужебныхъ книгъ того времени не можетъ быть сомнѣній. Русскій языкъ, въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ въ старомъ Новгородѣ или—скорѣе—во Псковѣ, также ему былъ хорошо извѣстенъ. Онъ употребляетъ слова *кромъ*=arx (какъ въ Псковскихъ лѣтописяхъ), *кремль*=castrum, *посадъ*=urbs, *ларецъ*=arca, *по щельи*=per clivum, *деньги*=pecuniae, *тетрадь*=volumen, *говѣніе*=jejunium, *вѣнчаніе*=matrimonium и т. п.

Но кто былъ этотъ переводчикъ?

Взглянемъ на грамматическія формы текста.

Формы аориста, имперфекта, давнопрошедшаго употребляются въ правильномъ видѣ, не смѣшиваясь между собою, и тамъ, гдѣ ихъ требуетъ смыслъ. Подобное пониманіе этихъ глагольныхъ формъ въ XV в. было уже чуждо русскимъ; его не было также ни у поляковъ, ни у чеховъ. Но оно должно было быть у сербовъ.

Формы 1-го лица ед. ч. настоящаго времени довольно часто имѣютъ

---

[1]) Въ другихъ случаяхъ латинское c передается не черезъ *ц*, а чер. *сезъ*.

окончанія русскихъ формъ 1-го лица множ. ч. *емъ* и *имъ*: да предъ Богомъ сіе сътвор*имъ* и кровь мужей тѣхъ піе*мъ* (1 Паралип. XI)=ut faciam..., bibam; помыслихъ да съзижд*емъ* домъ (1 Паралип. XXVIII)=ut aedificarem domum; вся пріидоша на мя..., да разумѣ*емъ* (ibid.)=ut intelligerem; тако сътвори со мною, да съзижд*емъ* домъ (1 Паралип. XXIX) =ut edificem, и др. Подобныя формы, не чуждыя до извѣстной степени и другимъ славянскимъ языкамъ, особенно обычны въ сербскомъ языкѣ.

Другія формы, чуждыя церковно-славянскому [1]) и русскому языку, встрѣчаются лишь изрѣдка: *имають* (2 Паралип. XVIII)=habent, въ углохъ стена*хъ* (2 Паралип. XXVI)=in angulis murorum, мраморъ паріов*а* (1 Паралип. XXIX)=marmor parium. Эти формы по преимуществу сербскія.

Если мы разсмотримъ словарный матеріалъ, мы въ немъ найдемъ цѣлый рядъ словъ или необычныхъ для церковно-славянскаго и русскаго языковъ, или употребленныхъ въ необычномъ для этихъ языковъ значеніи: *ковачь*=faber, *краты*=vices (*по кратихъ* 1 Парал. XXIII=per vices), *однож*ъ=вмѣстѣ, unaque, *ловити*=insidiari, *лѣсъ*=ligna, *плѣнъ*, *плѣненіе*=praeda, *полкъ*=populus, *ста*=stabulum, *стѣна*=petra, *въздан* =praeditus, *наставляти*=imponere, *настояти*=urgere, и друг. Всѣ эти слова—сербскія: сравни сербск. *ковач*, *крат*, *једнош*, *лијес*, *пук*, *плијен*, *стаја*, *стијена*, *уздан*, *наставити*, *настојати*.

Наконецъ, въ синтаксисѣ мы можемъ отыскать одну интересную особенность. Это—употребленіе формы дат. пад. безъ предлога при глаголахъ движенія, на вопросъ куда: възратися *дому* ахавлю (2 Парал. XXII)=everteret domum Achab; внидоша *дому* Валъ (2 Парал. XXIII) =ingressus est domum; обратися *Иерусалиму* (1 Паралип. XXI)=reversus est Ierusalem; снидоша *камени* (1 Парал. XI)=descenderunt ad petram, и т. п. Эта особенность—спеціально сербская [2]).

Приведенныя данныя, при полномъ отсутствіи полонизмовъ и чехизмовъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Веніаминъ былъ хорватъ глаголяшъ изъ приморской Хорватіи, хорошо знакомый съ церковно-славянскимъ языкомъ по своимъ церковнымъ книгамъ и, какъ католикъ, кладѣвшій и латинскимъ языкомъ.

Зачѣмъ попалъ онъ въ Россію, мы не можемъ даже догадываться. Но относительно пути его къ намъ возможно сдѣлать предположеніе.

---

[1]) Подъ церковно-славянскимъ языкомъ мы разумѣемъ здѣсь языкъ русскихъ богослужебныхъ книгъ XV—XVI вѣка.

[2]) Мы пользуемся Погодинскимъ спискомъ № 84, начала XVI вѣка.

Чешскій король и германскій императоръ Карлъ, большой славянскій патріотъ, съ разрѣшенія папы, основалъ въ 1347 году въ Прагѣ особый монастырь для отправленія въ немъ службы на славянскомъ языкѣ. Онъ былъ отданъ хорватскимъ монахамъ бенедиктинцамъ, нарочно вызваннымъ съ юга. Въ 1372 году храмъ этого монастыря былъ освященъ и богослуженіе было совершено по хорватскимъ глаголическимъ книгамъ.

Вслѣдъ за Карломъ, въ 1390 г. Ягелло съ Ядвигою, также съ папскаго дозволенія, основали славянскій монастырь въ Краковѣ и помѣстили въ немъ тѣхъ же хорватовъ глаголяшей, взятыхъ изъ пражскаго славянскаго монастыря.

Мы не знаемъ, сколько времени существовали эти два славянскіе монастыря и что въ нихъ дѣлалось. Можемъ указать лишь то, что въ краковскомъ монастырѣ еще около 1470 г. раздавалось славянское богослуженіе, хотя во главѣ его стоялъ священникъ латынникъ.

Нашъ Веніаминъ (хотя и доминиканецъ) могъ быть однимъ изъ тѣхъ хорватовъ глаголяшей, которые перебрались изъ родной Хорватіи сначала въ Прагу, потомъ въ Краковъ; въ послѣднемъ городѣ онъ могъ рѣшиться попытать счастья въ мало кому тогда извѣстной Россіи.

Замѣтимъ кстати, что съ хорватами глаголяшами, переселившимися на сѣверъ, можетъ быть связано еще два произведенія. Это старобѣлорусскія повѣсти 1) о Тристанѣ и Изольдѣ и 2) о Бовѣ,—изъ которыхъ первая въ заглавіи имѣетъ указаніе какъ на источникъ на «книги сэрбъскія» [1]) и которыя обѣ—судя по малочисленности сербизмовъ и обилію полонизмовъ—сначала были переведены на польскій языкъ и потомъ уже съ него на русскій.

III.

Описывая списокъ Геннадіевой библіи 1499 года, Горскій и Невоструевъ остановились между прочимъ на текстѣ первыхъ девяти главъ книги *Эсѳирь*, тѣхъ главъ, которыя однѣ только и извѣстны въ еврейскомъ оригиналѣ. Они нашли, что ихъ «переводъ не древній» и что онъ сдѣланъ непосредственно съ еврейскаго языка. Въ примѣчаніи у нихъ мы читаемъ: «Есть извѣстіе, что у насъ былъ сдѣланъ и переводъ Псалтыри съ еврейскаго языка при митрополитѣ Филиппѣ I (1464—1473).... *Можетъ быть*, незадолго передъ тѣмъ явился и переводъ

---

[1]) Изданы *акад. Веселовскимъ* въ трудѣ: «Изъ исторіи повѣсти и романа», вып. II, Спб. 1888 г.

книги Эсѳири» [1]). Архіеп. Филаретъ и Галаховъ повторили предположеніе Горскаго и Невоструева, что переводчикъ Эсѳири—то же лицо, что и переводчикъ еврейской Псалтыри (Ѳедоръ Еврей). Тихонравовъ въ своемъ извѣстномъ разборѣ «Исторіи русской словесности» Галахова заявилъ рѣшительно: переводъ Эсѳири сдѣланъ въ концѣ XV вѣка и «почти несомнѣнно Ѳедоромъ Евреемъ».

Востоковъ, описывая Румянцевскій списокъ библіи, отозвался о переводѣ Эсѳири иначе: онъ, по его мнѣнію,—древній. Мнѣнія Востокова объ языкѣ, съ котораго сдѣланъ этотъ переводъ, мы не знаемъ. Приведенный отзывъ знаменитаго филолога остался у насъ не замѣченнымъ. А между тѣмъ, хотя бывшій въ рукахъ Востокова списокъ—поздній, этотъ отзывъ заслуживаетъ полнаго вниманія.

Прежде всего—мы знаемъ списокъ Эсѳири (Публ. Библ. Q. I. 2), если не конца XIV, то по крайней мѣрѣ начала XV вѣка. Этотъ фактъ, до сихъ поръ бывшій неизвѣстнымъ нашимъ ученымъ, устраняетъ предположеніе объ участіи въ переводѣ Ѳедора Еврея.

Затѣмъ, разсматривая данныя языка [2]), мы видимъ рядъ древнихъ чертъ: правильныя древнія формы имперфекта, аориста, plusquamperfect'а, сослагательнаго наклоненія, описательныя формы въ родѣ: *бяше пѣстун* домачадицу сироту, не *бяше* Есѳирь *повѣдающи* рода своего, супинъ: сѣде пи*тъ*, нечленныя формы прилагательныхъ: выплъмъ велик*ъмъ* и горк*ом*(ь), къ вратомъ царев*ѣмь*, въ одежи суклян*ѣ*, древнія формы разныхъ именъ и мѣстоименій, въ родѣ: на кон*ихъ*, Есѳир*и* царице (зват.), двѣма десят*ьма*; наконецъ синтаксисъ древній: речи седми старостъ (родит. п. при числительномъ *семь*), дъступиши царств*а* (род. безъ предлога), удолѣша враго*мъ* (дат.).

Словарь Эсѳири указываетъ вмѣстѣ и на древность, и на русское происхожденіе текста. Мы находимъ въ немъ рядъ словъ, извѣстныхъ намъ изъ древне-русскихъ памятниковъ: вървьми *шьлковыми*, ушьвъ *шьлковъ*, *тіунъ*, *староста*, *приставъ*, *кань* (мѣра вѣса), *днѣшній* (внутренній; сравн. лѣтоп.), не прихожаше *лапь* къ царю (Дан. Пал.), *желя* июдѣомъ бяше (Слово о полку Иг.), *жельнъ* (скорбенъ), речеши *атъ* повѣсять Мардъхая, заповѣдалъ ей *а бы* не повѣдала, уставити *а быша* творили, не *рачи* прити (не пожелала). Сверхъ того, въ немъ есть нѣсколько словъ такихъ, которыя намъ изъ другихъ текстовъ неизвѣстны:

---

[1]) *Описаніе*, I, стр. 53 слѣд.

[2]) Мы пользуемся только что упомянутымъ спискомъ Публичной Библіотеки.

чървь (багряница), *лептугъ*, *лептужьнъ* (?), увредити мужь своихъ (почитать), *обряку*, дважды (=обрящу).

Наконецъ, не излишне отмѣтить находящіяся не только въ спискѣ Публичной Библіотеки, но и въ другихъ слова *охв*ота (съ *хв*, какъ въ западно-русскихъ и псковскихъ текстахъ), *охв*отьнъ, бър*зд*ый (съ *зд*, какъ въ западно-русскихъ текстахъ).

Текстъ Эсѳири не отличается ясностію; очевидно, переводъ сдѣланъ буквально.

Съ какого языка переведенъ этотъ текстъ?

Прежде всего обратимъ вниманіе на выраженіе: мѣсяць тевеѳъ по жидовьскому, а *по гречьску* декябрь.

Далѣе заслуживаютъ быть отмѣченными греческіе обороты: *бысть егда* глаголахуть, иже ихъ *о немъ* (сравн. περὶ αὐτόν).

Но особенно важными намъ кажутся звуковыя особенности еврейскихъ собственныхъ именъ: Есѳ*и*рь (постоянно *и* на мѣстѣ еврейск. *е*, греч. η), *В*изъсанъ (=евр. *Б*из'та), Харѳуванъ (=евр. Харбона), *В*игъфанъ (=евр. *Б*иг'та), Вааѳахфанъ (=евр. ва Абаг'та) [1]). Они указываютъ на греческій языкъ оригинала.

Послѣднія четыре имени стоятъ въ формѣ дат. п. послѣ глагола *рече*. Если предположить, что греческій оригиналъ имѣлъ, на мѣстѣ формы дат. п., предлогъ πρὸς съ формою вин. п.,—будетъ ясно происхожденіе окончанія *нъ* этихъ именъ: оно не что иное какъ греческое окончаніе формы вин. п. ед.

Итакъ, наша Эсѳирь переведена въ Россіи въ XI—XIII вѣкахъ, съ греческаго языка. Греческій оригиналъ былъ переводомъ отличнымъ отъ перевода 70-ти, повидимому до насъ не дошедшимъ.

Западно-русскія особенности въ языкѣ Эсѳири, нами указанныя, свидѣтельствуютъ, кажется, лишь о томъ, что дошедшіе до насъ списки Эсѳири восходятъ къ древнему западно-русскому списку.

---

[1]) Свѣдѣніями о еврейскомъ произношеніи этихъ именъ мы обязаны любезности А. Я. Гаркави.

А. Соболевскій.

Гдѣ написаны Кіевскіе глаголическіе отрывки?

I.

Наука владѣетъ двумя памятниками церковно-славянскаго языка *западно-славянскаго извода*, относящимися приблизительно къ одному и тому же времени—вѣроятно, къ XI вѣку.

Одинъ—Пражскіе глаголическіе отрывки; онъ найденъ въ Прагѣ [1]).

Особенности его языка и правописанія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ написанъ въ Чехіи, писцомъ не имѣвшимъ въ своемъ языкѣ носовыхъ гласныхъ и потому часто употреблявшимъ *у*, *ю* вмѣсто *ѫ* (и на оборотъ) и *а* вмѣсто *ѧ* (и на оборотъ): обиду (3 л. мн.), ланит*у*, въпь*ю*це (=церк.-слав. въпьѭще), помил*ѫ*и (повелит. н.), удариш*а*, купиш*а*, т*а* (=церк.-слав. т*ѧ*), м*ѧ*ньную (=церк.-слав. *маньнѫ*, винит. п.) и друг. Кромѣ этой особенности и употребленія *з* и *ц* на мѣстѣ церковно-славянскихъ *жд* и *щ*, заслуживаетъ вниманія постановка *ъ* вмѣсто *ь*, очень частая: правъдънаго, отъцу, римъска, свѣтоносънаѣ, свѣтілънѣ, свѣтидлъна, бесхвальнаѣ и друг., напоминающая такую же постановку **ъ** въ собственно-церковно-славянскихъ и средне-болгарскихъ памятникахъ, но конечно, не имѣющая съ послѣднею непосредственной связи. Причина этой постановки заключается въ томъ, что при близости древне-чешскихъ *ъ* и *ь* къ *е* начавшееся уже въ чешскомъ языкѣ отвердѣніе согласныхъ привело въ рядѣ случаевъ къ отожествленію *ъ* и *ь*. Изъ болѣе мелкихъ чертъ достаточно упомянуть объ употребленіи *е* вмѣсто **ѣ** (и на оборотъ): дара цѣлени*е* (род. п.) лиши, гр*ѧ*д*ѣ*т(ъ), 3 л. ed.

Не излишне припомнить, что Пражскіе отрывки заключаютъ въ себѣ церковныя пѣснопѣнія, переведенныя съ греческаго языка и входящія въ составъ богослужебнаго чина по восточному обряду.

---

[1]) Пользуемся изданіемъ *Гефлера и Шафарика*.

Другой памятникъ—Кіевскіе глаголическіе отрывки [1]). Онъ былъ подаренъ Кіевской Духовной Академіи въ 1872 году жившимъ въ то время въ Іерусалимѣ архимандритомъ Антониномъ [2]). Позволительно догадываться, что покойный библіофилъ пріобрѣлъ его въ Палестинѣ. Палестинскіе монастыри и Синай издревле привлекали къ себѣ монаховъ изъ православныхъ славянъ; вмѣстѣ съ этими монахами шли въ нихъ церковно-славянскія книги. Извѣстно, что Ассеманово Евангеліе было пріобрѣтено въ Палестинѣ и что два другихъ важныхъ памятника—Синайскіе Псалтырь и Требникъ—находятся въ синайскомъ монастырѣ св. Екатерины. Норовъ вывезъ изъ палестинскаго монастыря св. Саввы Освященнаго 13 южно-славянскихъ рукописей XIII—XVII вѣковъ (теперь у графовъ Уваровыхъ) [3]); князь Вяземскій получилъ въ подарокъ въ той же обители русскій (галицко-волынскій) списокъ житія св. Саввы (потомъ изданный Обществомъ Древней Письменности). Патріаршая библіотека въ Іерусалимѣ въ настоящее время владѣетъ нѣсколькими церковно-славянскими рукописями (описаны профессоромъ Н. Ѳ. Красносельцевымъ). Сверхъ того, мы знаемъ, что въ Палестинѣ нѣкогда были славянскіе монастыри. Житіе св. Евфросиніи Полоцкой упоминаетъ о русскомъ монастырѣ въ Іерусалимѣ въ XII вѣкѣ; запись сербской Тріоди 1374 года говоритъ о «сербской церкви» св. архистратига Михаила въ Іерусалимѣ того времени [4]). Въ виду того, что въ Палестинѣ жили и южно-славянскіе, и русскіе монахи, необходимо допустить, что Кіевскіе отрывки могли быть принесены въ Палестину не только съ Балканскаго полуострова, но и изъ юго-западной Россіи.

Между особенностями языка и правописанія Кіевскихъ отрывковъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе правильное употребленіе носовыхъ гласныхъ, безъ смѣшенія ихъ съ у и *а* (славоѭ небесьскуѭ—описка, вмѣсто: небесьскоѭ), но съ смѣшеніемъ ѫ съ ѧ, ходатаѧщю (=церк.-слав. ходатаѫщю). Эта особенность не даетъ намъ права говорить о писцѣ чехѣ и заставляетъ предполагать писца поляка, въ языкѣ

---

[1]) *Jagić*. Glagolitica. Würdigung neuentdeckte Fragmente. Wien, 1890. Наша статья была уже написана, когда мы получили XX томъ *Archiv*'a *für slavische Philologie*, съ статьею Ягича о Кіевскихъ отрывкахъ. Она такова, что мы оставляемъ свою статью безъ измѣненій.

[2]) Н. И. Петровъ, на нашъ вопросъ о времени поступленія памятника въ Академію, сообщилъ намъ, что кромѣ надписи на переплетѣ рукою Антонина: «Въ библіотеку Кіевской Дух. Академіи. Іерусалимъ. 2 Маія 1872 г.», никакихъ данныхъ въ Академіи не имѣется.

[3]) Филологическія наблюденія *А. Х. Востокова*, Спб. 1865, стр. 172—184.

[4]) *Тамъ же*, стр. 178. О сербскомъ Архангельскомъ монастырѣ въ Іерусалимѣ (основанномъ въ началѣ XIV вѣка) см. *Книжевни радови Никифора Дучича архимандрита*, кн. II, Бѣлградъ, 1892, стр. 208 слѣд.

котораго уже въ древнюю пору его исторіи въ извѣстныхъ случаяхъ (между прочимъ въ причастіяхъ) могло быть сліяніе въ одномъ носовомъ звукѣ древнихъ ѫ и ѧ. Затѣмъ мы должны обратить вниманіе на правильное употребленіе глухихъ ъ и ь: правьдьнаѣ, чьстьнаго, намѣстьнікъ и др., которое также говоритъ за писца поляка, языкъ котораго вполнѣ различалъ согласные твердые и мягкіе. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о формѣ 2 лица ед. ч. подась, легко объясняемой только изъ польскаго языка. Другія особенности памятника указываютъ на происхожденіе его отъ чешскаго оригинала [1]) съ вполнѣ установившимся правописаніемъ: съ постояннымъ употребленіемъ *з* и *ц* на мѣстѣ церковно-славянскихъ *жд* и *шт* и съ послѣдовательною передачею слогообразующихъ плавныхъ чрезъ *рь*, *ль* (при въплътитісѧ, кръве) [2]). Буква зѣло въ Кіевскихъ отрывкахъ не употребляется, что однако не можетъ говорить противъ ихъ польскаго происхожденія: писецъ полякъ не могъ знать церковно-славянскаго значенія этой буквы, такъ какъ его учителя чехи или употребляли ее въ одномъ значеніи съ буквою *з*, или совсѣмъ не употребляли.

Какъ извѣстно, Кіевскіе отрывки заключаютъ въ себѣ часть богослужебнаго чина по западному обряду, переведеннаго на церковно-славянскій языкъ съ латинскаго, по всей вѣроятности въ Моравіи, не раньше конца IX вѣка.

II.

Итакъ мы полагаемъ, что Кіевскіе отрывки написаны въ Польшѣ писцомъ полякомъ.

Но было ли когда-нибудь въ Польшѣ богослуженіе по западному обряду на церковно-славянскомъ языкѣ?

Ни хроники, ни документы не сохранили намъ извѣстій о славянскомъ богослуженіи въ древней Польшѣ [3]). Но существованіе въ ней этого богослуженія представляется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ въ виду тѣсныхъ связей древней Польши съ Моравіей и Чехіей и въ виду разсказа паннонскаго житія св. Меѳодія о крещеніи вислянскаго князя. Сверхъ того, извѣстное свидѣтельство принцессы Матильды въ письмѣ

---

[1]) Два раза написанная съ ъ форма въсѣхъ (рядомъ съ вьсѣхъ и т. п.) показываетъ, что этотъ оригиналъ былъ съ особенностями Пражскихъ отрывковъ.

[2]) Сравни передачу этихъ звуковъ въ древнѣйшей чешской латиницѣ чрезъ ri, re, li, le.

[3]) Данныя о славянскомъ богослуженіи въ древней Польшѣ сгруппированы въ трудѣ *Abraham*'а: Organizacya kościoła w Polsce do połowy wieku XII. Drugie wydanie. We Lwowie, 1893. Кое-что еще указано *Potkański*'мъ: Kraków przed Piastami. W Krakowie, 1897.

къ Мешку II станетъ вполнѣ понятнымъ лишь тогда, когда мы допустимъ, что принцесса имѣла въ виду славянское богослуженіе съ чтеніемъ апостола и евангелія на латинскомъ языкѣ, какъ этого требовалъ отъ моравянъ папа Адріанъ II, и съ пѣніемъ не только по-славянски, но и по-гречески, какъ это было въ древней Руси и у хорватовъ въ XIV—XV вѣкахъ. Матильда пишетъ: «Quis in laudem Dei totidem coadunavit linguas? Cum in propria et latina Deum digne venerari posses, in hoc tibi non satis graecam superaddere maluisti». Сравни въ миссалѣ боснійскаго бана Хервоя начала XV вѣка такую замѣтку: «Корь (=хоръ) на двое стоеще поють една страна *грчки*, а друга словински» [1]).

Наконецъ мы должны припомнить компилятивный разсказъ о русской азбукѣ и ея судьбахъ, составленный въ Россіи не позднѣе XV вѣка и заключающій въ себѣ свѣдѣнія о дѣятельности Войтеха чешскаго: «Потомъ же многомъ лѣтомъ минувшимъ, пришедъ Вънтѣхъ въ Мораву и въ Чехы и въ Ляхы, раздруши вѣру правую и русскую грамоту отвръже, а латиньскую вѣру и грамоту постави, и правыя вѣры епископы и попы иссѣче, а другыя разгна» [2]). Источникъ этого разсказа намъ неизвѣстенъ. Судя по нечленной формѣ многомъ лѣтомъ, судя по *д* въ раз*д*руши, онъ много старше XV вѣка. Его родина также намъ неизвѣстна. Мы можемъ только предполагать, что ею была Чехія, гдѣ дѣятельность Войтеха на пользу «треязычной ереси» должна была быть хорошо извѣстна и куда дошли слухи о пребываніи Войтеха въ Польшѣ. Та часть свѣдѣній приведеннаго разсказа, которую мы можемъ провѣрить по другимъ источникамъ, оказывается вѣрною; другая часть свѣдѣній—о стараніяхъ Войтеха разрушить «правую вѣру и русскую грамоту» въ Чехіи—также вполнѣ заслуживаетъ довѣрія (Войтехъ былъ воспитанъ нѣмцами на латинскомъ языкѣ и несомнѣнно держался нѣмецкаго воззрѣнія на славянскій языкъ въ богослуженіи); въ виду этого и третья часть свѣдѣній, приравнивающая Польшу къ Моравіи и Чехіи относительно существованія въ ней «правой вѣры и русской грамоты», должна также считаться достойною довѣрія [3]).

---

[1]) *Jagić, Thallóczy, Wickhoff.* Missale glagoliticum Hervoiae. Vindobonae, 1891, стр. 12. Однородныя замѣтки (а иногда цѣлые тексты на греческомъ языкѣ, но глаголическимъ письмомъ) и въ другихъ миссалахъ.

[2]) *Бодянскій*, О времени происхожденія славянскихъ письменъ, М. 1885, стр. 108 Подъ «русскою грамотою» должно разумѣть, кажется, глаголическое письмо.

[3]) Новѣйшій біографъ Войтеха, профессоръ Прохаска (см. его статью, любезно указанную намъ С. Л. Пташицкимъ, въ краковскомъ *Przeglad Powszechny* 1897 года, №№ 7—9) не придаетъ значенія русскому разсказу лишь потому, что считаетъ его позднимъ.

А. Соболевскій.

Къ вопросу о положеніи архивнаго дѣла во Франціи.

Я имѣю въ виду обрисовать архивный строй Франціи только въ главныхъ чертахъ, при чемъ позволю себѣ остановиться преимущественно на томъ, что мнѣ представляется наиболѣе оригинальнымъ и характернымъ именно для Франціи. Говоря о данномъ вопросѣ, я основываюсь между прочимъ и на нѣкоторыхъ личныхъ наблюденіяхъ надъ французскими архивами, сдѣланныхъ мною во время поѣздки во Францію лѣтомъ 1897 г.

Въ архивномъ вопросѣ Франція занимаетъ, несомнѣнно, одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ. Страна, сто лѣтъ тому назадъ такъ рѣзко порвавшая со своимъ прошлымъ, безжалостно истреблявшая въ эпоху великой революціи акты, свидѣтельствовавшіе о феодальномъ угнѣтеніи, въ настоящее время чрезвычайно дорожитъ письменными памятниками этого прошлаго, заботливо хранитъ ихъ въ своихъ архивахъ и запрещаетъ всякое уничтоженіе бумагъ ранѣе 1800 года. Нигдѣ изъ большихъ государствъ не сдѣлано такъ много, какъ во Франціи, для областныхъ архивовъ, нигдѣ не издано въ свѣтъ такого громаднаго количества архивныхъ инвентарей, нигдѣ нѣтъ такого образованнаго и опытнаго персонала архивистовъ, нигдѣ не сдѣлано въ такихъ широкихъ размѣрахъ попытки примѣнить одну строго опредѣленную классификацію къ цѣлымъ категоріямъ архивовъ. Можно также прибавить, что ни въ одномъ государствѣ архивный строй не носитъ на себѣ такого замѣтнаго національнаго отпечатка: на архивномъ дѣлѣ Франціи отражаются, и не безъ выгоды, присущія французамъ любовь къ централизаціи и стремленіе подвести все подъ опредѣленныя простыя формы. Отмѣтимъ также одну характерную черту во французской литературѣ объ архивахъ (см. Приложеніе I): ни въ одномъ изъ французскихъ трудовъ, посвященныхъ архивному дѣлу, мы не видимъ попытки создать теорію устройства

архивовъ вообще, какъ въ германской литературѣ, но французскіе авторы стоятъ всегда на французской почвѣ и создаютъ теорію спеціально для своихъ архивовъ.

Современный архивный строй Франціи съ его наиболѣе характерными и любопытными чертами, централизаціей [1]) архивовъ и своеобразной классификаціей архивныхъ матеріаловъ, получилъ начало въ эпоху революціи и выработался подъ сильнымъ вліяніемъ ея идей. Революція, можно сказать, предопредѣлила форму, въ которую долженъ былъ вылиться архивный строй. Во французскомъ архивномъ дѣлѣ даже тѣ черты, которыя стоятъ въ явномъ противорѣчіи съ идеями революціи, являются, какъ результатъ опыта, продѣланнаго надъ архивами въ эпоху революціи. Такой напримѣръ чертой, вынесенной изъ историческаго опыта, слѣдуетъ признать неожиданный для иностранца консерватизмъ французскихъ архивистовъ относительно архивныхъ порядковъ.

Въ доказательство того, что такой консерватизмъ дѣйствительно существуетъ во Франціи, приведу слова одного изъ авторитетныхъ французскихъ архивистовъ Дэжардэна [2]), сказанныя по поводу классификаціи департаментскихъ (областныхъ) архивовъ Франціи: «совершенна, или нѣтъ, организація, но она—фактъ совершившійся; и если есть что нибудь безусловно необходимое въ архивномъ дѣлѣ, это—неколебимость (fixité). Лучше посредственная система, которой держатся и къ которой привыкли, чѣмъ постоянное стремленіе къ неуловимому совершенству и перемѣны, сбивающія съ пути и причиняющія невознаградимую потерю времени» (Desjardins, Le service des archives départementales, p. 32).

Поэтому для болѣе или менѣе удовлетворительнаго изображенія современнаго архивнаго строя Франціи, необходимо изложить хотя вкратцѣ, исторію архивнаго дѣла во Франціи въ эпоху революціи. Въ 1789 году по всей территоріи королевства было разсѣяно до 10000 архивовъ изъ которыхъ 405 приходилось на Парижъ. Различныя правительственныя учрежденія, а равно монастыри, церкви, религіозные ордена, го-

---

[1]) Слово *централизація* въ примѣненіи къ архивамъ имѣетъ два значенія: 1) оно означаетъ въ буквальномъ смыслѣ сосредоточеніе нѣсколькихъ архивовъ въ одномъ мѣстѣ подъ однимъ управленіемъ т. е. соединеніе нѣсколькихъ архивовъ въ одинъ общій архивъ, 2) означаетъ сосредоточеніе въ переносномъ смыслѣ, когда архивы, оставаясь на своихъ прежнихъ мѣстахъ, разсматриваются какъ части одного цѣлаго и объединяются общимъ управленіемъ, которое сосредоточиваетъ копіи описей и указателей подвѣдомственныхъ архивовъ.

[2]) Дэжардэнъ—начальникъ архивнаго бюро при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и профессоръ архивовѣдѣнія (service des archives) въ Парижской École des chartes.

родскія общины, различныя корпораціи, синьеры для своей юрисдикціи, принцы и знатныя фамиліи имѣли свои особые архивы. Многіе изъ этихъ архивовъ представляли изъ себя громаднѣйшія богатѣйшія собранія актовъ, скоплявшіяся цѣлыми вѣками. Въ противоположность тому, что видимъ теперь, ни одинъ изъ архивовъ дореволюціонной Франціи, даже старый королевскій архивъ Trésor des chartes не имѣлъ характера центральнаго архива; каждый архивъ былъ самъ по себѣ, безъ связи съ другими архивами. Большая часть архивовъ была устроена недурно: акты не только заботливо хранились, но имъ составлялись тщательныя хорошія описи. Еще до революціи въ трудѣ Леудана (Le Moine) «Diplomatique pratique ou traité de l'arrangement des archives», изданномъ въ 1765 г., мы видимъ попытку, сравнительно удачную, создать теорію устройства архивовъ. Если принять въ соображеніе, что ученые именно Франціи уже въ концѣ XVII ст. двинули впередъ изученіе средневѣковыхъ источниковъ, Мабильонъ, отецъ дипломатики, своимъ трудомъ «De re diplomatica» (изд. 1681 г.) и Дюканжъ словаремъ средневѣковаго латинскаго языка (изд. 1678 г.), то понятно, что во Франціи предъ революціей было немало знатоковъ архивнаго дѣла, особенно среди ученыхъ Бенедиктинцевъ. Революція произвела прежде всего ту великую перемѣну въ положеніи архивовъ, что сосредоточила большую часть ихъ въ рукахъ государства: многочисленные архивы, принадлежавшіе свѣтскимъ учрежденіямъ стараго порядка, церкви, а также частнымъ владѣльцамъ эмигрантамъ, сдѣлались въ эпоху революціи національнымъ достояніемъ. Остались сами по себѣ т. е. въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ общинные архивы (archives communales) и архивы благотворительныхъ учрежденій (archives hospitalières). Дѣятельность государства въ эпоху революціи относительно архивовъ была въ одно время и разрушительная, и созидательная. Ненависть къ старому порядку вела за собой и ненависть къ документамъ, болѣе или менѣе напоминавшимъ о феодализмѣ; сохраненіе такихъ документовъ казалось не только безполезнымъ, но и опаснымъ для новаго порядка. Вотъ почему въ эту эпоху признаніе документа titre féodal, а подъ эту категорію легко было подвести массу средневѣковыхъ документовъ, было своего рода смертнымъ приговоромъ для документа. Оставляя въ сторонѣ дѣйствія народной толпы, укажемъ на факты оффиціальнаго вандализма. 12 марта 1792 г., на основаніи декрета законодательнаго собранія, состоялось въ Парижѣ на Вандомской площади сожженіе генеалогическихъ документовъ (titres généalogiques) изъ нѣсколькихъ Парижскихъ архивовъ, въ присутствіи властей, къ великой радости толпы. Подобныя ауто да фе произошли и въ другихъ городахъ

въ силу декрета 19 іюня 1792 г., обрекавшиго на сожженіе генеалогическіе документы изъ архивовъ всей Франціи, причемъ предписано было изъ сожженія документонъ устраивать патріотическій праздникъ. Мѣстная администрація, очень часто раздѣлявшая революціонный фанатизмъ центральнаго правительства, спѣшила на основаніи этого закона избавиться отъ массы бумагъ и пергамента, обременявшихъ архивы. 5 января 1793 г. Конвентъ декретировалъ передачу въ арсеналы всѣхъ дипломовъ и документовъ, пергаментъ которыхъ по размѣрамъ былъ пригоденъ для потребностей артиллеріи; военные были уполномочены сами дѣлать выборъ такихъ документовъ въ архивахъ. Въ силу декрета Конвента 17 іюля 1793 г. владѣльцы документовъ, на которыхъ основывались феодальныя права, обязаны были представить эти документы властямъ «для сожженія»; за утайку таковыхъ документовъ виновнымъ грозило пятилѣтнее тюремное заключеніе. Иногда архивисты протестовали, старались спасти акты, предназначавшіеся къ уничтоженію, но напрасно. Такъ архивистъ г. Лиля Ропра сдѣлалъ попытку спасти свой архивъ отъ комиссаровъ, явившихся въ архивъ для истребленія «феодальныхъ документовъ»; Ропра обращался къ министру внутреннихъ дѣлъ Гара съ ходатайствомъ относительно своего архива, но получилъ отъ Гара въ отвѣтъ письмо (отъ 17 февр. 1793 г.), въ которомъ кромѣ выговора были между прочимъ слѣдующія строки, характеризующія направленіе эпохи: «Всѣ древнія бумаги готическаго письма должны быть тамъ (въ архивѣ Лиля), какъ и въ другихъ мѣстахъ, ничѣмъ инымъ, какъ документами феодализма, подчиненія слабаго сильному, и политическими правилами, оскорбляющими почти всегда разумъ, человѣчность и справедливость. Я думаю, что лучше замѣнить эти смѣшныя негодныя бумаги (ridicules paperasses) декларацiей правъ человѣка».

Трудно подсчитать итоги этой разрушительной дѣятельности; одинъ оффиціальный отчетъ 1798 г. говоритъ, что операція разбора архивовъ доставила въ распоряженіе республики болѣе милліона фунтовъ безполезныхъ бумагъ и пергамента; эта цыфра, конечно, далеко ниже настоящей цыфры потерь, понесенныхъ французскими архивами въ эпоху революціи. Перехожу теперь къ созидательной дѣятельности революціи. Декретомъ учредительнаго собранія 12 сентября 1790 г. былъ основанъ въ Парижѣ Національный архивъ (Archives Nationales), какъ «хранилище всѣхъ актовъ, которые установляютъ конституцію королевства, его общественное право, его законы, и раздѣленіе на департаменты», слѣдовательно, Національный архивъ съ самаго начала получилъ значеніе важнаго государственнаго архива. Въ самый разгаръ революціи прави-

тельству пришлось убѣдиться, что интересы государства могутъ пострадать отъ безцеремоннаго отношенія къ архивамъ. Дѣло въ томъ, что при продажѣ конфискованныхъ земель потребовались документы на эти земли и надо было выдѣлить эти titres de propriété, пока они еще не погибли, изъ прочей массы архивныхъ матеріаловъ. Ради выдѣленія этихъ важныхъ документовъ необходимо было серьезно поставить вопросъ о разборѣ архивовъ и рѣшить, что будетъ дѣлать государство съ доставшимся ему архивнымъ наслѣдствомъ. Такимъ рѣшеніемъ архивнаго вопроса былъ законъ Конвента 7 мессидора 2-го года (25 іюня 1794 г.), изданный по выслушаніи доклада, въ которомъ между прочимъ былъ высказанъ слѣдующій взглядъ на организацію архивовъ: «Наступило время, чтобы все отражалось въ центрѣ, и чтобы все основано было на единствѣ. Этотъ великій принципъ долженъ быть основаніемъ нашихъ различныхъ учрежденій. Пусть сохраняютъ, или учреждаютъ хранилища актовъ всюду... но пусть эти разсѣянныя коллекціи будутъ только частями центральнаго хранилища». Въ силу закона 7 мессидора Національный архивъ былъ объявленъ центральнымъ хранилищемъ (dépôt centrale) для всей республики, всѣ архивы Франціи должны были зависѣть отъ Національнаго архива, какъ ихъ общаго центра, и быть подъ наблюденіемъ законодательнаго корпуса и надзоромъ comité des archives; копіи краткихъ описей всѣхъ архивовъ должны быть представлены въ Національный архивъ; нѣкоторыя категоріи дѣлъ со всей Франціи сосредоточивались здѣсь; акты, касающіяся государственныхъ земель (titres domaniaux), гдѣ бы они ни находились, были признаны собственностью одной изъ секцій (section domaniale) Національнаго архива и могли быть во всякое время туда потребованы. Такимъ образомъ законъ 7 мессидора установилъ въ принципѣ централизацію архивовъ, т. е. внесъ въ сферу архивнаго дѣла идею единства, которая была осуществлена Франціею въ эпоху революціи въ общественномъ и административномъ строѣ. Тѣмъ же закономъ впервые была провозглашена публичность архивовъ, т. е. право гражданъ требовать во всѣхъ архивахъ сообщенія дѣлъ. По закону 7 мессидора во всѣхъ архивахъ Франціи долженъ былъ произойти разборъ, при чемъ акты раздѣлялись на слѣдующія 4 категоріи: 1) акты, касавшіеся земель, 2) судебные, 3) историческіе, 4) бумаги «очевидно безполезныя». Только двѣ первыя категоріи должны были остаться достояніемъ архивовъ, третья, подъ которую подводились бумаги, представляющія интересъ для «исторіи, наукъ, и искусствъ», а также могущія быть поучительными, должна быть выдѣлена изъ архивовъ и сосредоточена, въ Парижѣ—въ Націо-

нальной библіотекѣ, въ департаментахъ—въ библіотекахъ уѣздовъ (district.). 4-я категорія, а подъ нее подводились и «феодальные документы», предназначалась къ уничтоженію. Разборъ, не говоря объ участи дѣлъ 4-й категоріи, грозилъ немалой опасностью архивамъ еще потому, что разрушалъ исторически сложившіяся группы дѣлъ. Законодатели считали разборъ дѣломъ очень легкимъ и нѣсколько легкомысленно назначили сроки для этой работы: въ Парижѣ—6 мѣсяцевъ комиссіи изъ 9 лицъ (имъ приходилось пересмотрѣть до 500000 связокъ и картоновъ), въ департаментахъ самое большее 4 мѣсяца комиссіи изъ 3 до 9 лицъ на департаментъ. Но разборъ, сверхъ ожиданія, оказался дѣломъ нелегкимъ и затянулся даже въ Парижѣ на многіе годы, а въ департаментахъ за разборъ почти и не принимались. Эта невозможность кончить скоро разборъ была для архивовъ счастливой случайностью: во-первыхъ—дѣла сохранились до той эпохи, когда перестали желать истребленія феодальныхъ документовъ, во-вторыхъ—разборъ, причинивъ, правда, немалый вредъ столичнымъ архивамъ, не успѣлъ почти распространиться на провинціальные. Въ теченіе двухъ лѣтъ выяснилось, что Національный архивъ едва только можетъ принять архивы Парижа, а потому присылка дѣлъ изъ провинціи оказывалась по меньшей мѣрѣ излишней. При такихъ обстоятельствахъ былъ изданъ законъ 5 брюмера 5-го года (26 октября 1796 г.), сдѣлавшій существенную поправку въ законѣ 7 мессидора: разборъ дѣлъ былъ прекращенъ почти во всѣхъ департаментахъ, и созданъ былъ рядъ центральныхъ областныхъ архивовъ, а именно департаментскихъ, въ которыхъ должны были сосредоточиться всѣ архивы и коллекціи бумагъ, принадлежащіе государству, въ предѣлахъ даннаго департамента.

Мысль объ одномъ центральномъ архивѣ для всей Франціи, оставленная законодателями 5 брюмера, какъ невозможная, была воспринята Наполеономъ, который придалъ ей еще болѣе широкіе размѣры. Національный архивъ, переименованный въ Архивъ Имперіи (Archives de l' Empire), долженъ былъ соединить не только всѣ архивы Парижа, важнѣйшія и древнѣйшія части всѣхъ провинціальныхъ архивовъ, но и отдѣлы иностранныхъ архивовъ, касающіеся Франціи, или представляющіе особенный интересъ. Въ періодъ 1810—1814 г. по волѣ императора было перевезено въ Парижъ до 150000 связокъ и книгъ изъ архивовъ испанскихъ, итальянскихъ, бельгійскихъ, голландскихъ, австрійскихъ и германскихъ. 21 марта 1812 г. было подписанъ декретъ о постройкѣ колоссальнаго зданія для предполагаемаго громаднаго архива. Но эти грандіозные планы рушились съ паденіемъ Наполеона.

Въ итогѣ важнѣйшіе результаты революціи въ архивномъ дѣлѣ слѣдующіе:

1) Революція сосредоточила въ рукахъ государства и въ сравнительно немногихъ пунктахъ (въ Парижѣ въ Національномъ архивѣ, и въ главныхъ городахъ департаментовъ) многочисленные архивы, разсѣянные ранѣе по всей территоріи Франціи.

2) Она оставила послѣдующему времени идею центральнаго управленія архивами, а также идею центральныхъ архивовъ, т. е. такихъ, въ которыхъ и впредь должны сосредоточиваться дѣла различныхъ архивовъ и учрежденій.

3) Соединивъ въ одномъ мѣстѣ архивные матеріалы самаго разнообразнаго содержанія, и разрознивъ исторически сложившіяся группы дѣлъ, что сопровождалось, конечно, немалымъ безпорядкомъ въ архивахъ, революція принудила тѣмъ самымъ французскихъ архивистовъ заняться вопросомъ о классификаціи архивныхъ матеріаловъ и разработать этотъ вопросъ основательнѣе, чѣмъ онъ разработанъ въ какой нибудь другой странѣ.

Перехожу теперь къ современному положенію архивнаго дѣла во Франціи, при чемъ остановлюсь на организаціи архивовъ, объединенныхъ центральнымъ управленіемъ въ Парижѣ при министерствѣ народнаго просвѣщенія (въ вѣдѣніи того же министерства находятся и библіотеки). Центральное управленіе состоитъ: 1) изъ bureau des archives (2-е бюро секретаріата), 2) трехъ генеральныхъ инспекторовъ (inspecteurs généraux des bibliothéques et des archives) 3) высшей архивной коммиссіи изъ 12 лицъ (commission supérieure des archives).

Министерство народнаго просвѣщенія управляетъ архивами при посредствѣ bureau des archives, а ревизуетъ архивы при посредствѣ генеральныхъ инспекторовъ. Что же касается архивной коммиссіи, состоящей изъ выдающихся историковъ и архивистовъ, то это—совѣщательное учрежденіе, мнѣніе котораго министерство спрашиваетъ по всѣмъ спеціальнымъ вопросамъ архивнаго дѣла, напр. при выработкѣ классификаціи. Центральное управленіе слѣдитъ за благоустройствомъ подвѣдомственныхъ архивовъ, за исполненіемъ дѣйствующихъ правилъ, руководитъ работами архивистовъ по приведенію архивовъ въ порядокъ и по изданію инвентарей, получаетъ отчеты архивистовъ, и сосредоточиваетъ копіи описей подвѣдомственныхъ архивовъ.

Созданіе центральнаго управленія (оно было окончательно создано въ 1853 г.) и вся организація архивовъ, о которой я буду сейчасъ говорить, есть заслуга министерства внутреннихъ дѣлъ, которое въ 1884 г. передало

эту организацію въ готовомъ видѣ министерству народнаго просвѣщенія. Передача цѣлой массы архивовъ въ вѣдѣніе именно министерства народнаго просвѣщенія не была случайной: въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія находились національный архивъ, важнѣйшій изъ французскихъ архивовъ, имѣвшій еще въ силу закона 7 мессидора притязаніе быть центромъ для другихъ архивовъ, а также École des chartes, разсадникъ ученыхъ архивистовъ (созданная въ 1821 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ). Въ систему архивовъ, объединенныхъ центральнымъ управленіемъ, входятъ слѣдующіе 297 архивовъ, если основываться на «Annuaire des bibliothèques et des archives» за 1897 г., издаваемомъ министерствомъ народнаго просвѣщенія: 1) Національный архивъ (Archives Nationales) 2) 90 департаментскихъ, или областныхъ архивовъ (archives départementales), въ томъ числѣ 3 архива въ Алжирѣ и 1 на Корсикѣ, въ главныхъ городахъ департаментовъ, 3) 170 общинныхъ или городскихъ архивовъ (archives communales), 4) 36 архивовъ благотворительныхъ учрежденій (archives hospitaliéres) въ различныхъ городахъ Франціи. Но на самомъ дѣлѣ центральное управленіе простираетъ, если не власть, то свое вліяніе, сверхъ перечисленныхъ въ Annuaire, на многіе другіе архивы, какъ мы увидимъ ниже, а именно на архивы супрефектуръ, т. е. уѣздныхъ управленій, а ихъ должно быть 362, судя по числу уѣздовъ (arrondissements), а также на многочисленные архивы сельскихъ общинъ, а равно и городскихъ, не упомянутыхъ въ Annuaire.

Внѣ централизаціи остаются: въ Парижѣ—архивы министерствъ, сената, палаты депутатовъ, кассаціоннаго суда, государственнаго совѣта, счетной палаты (cour de comptes) и нѣкоторые другіе, въ провинціи—архивы судебныхъ учрежденій, нотаріусовъ, государственныхъ имуществъ, церковные и нѣкоторые другіе. Архивы, входящіе въ систему централизаціи, находятся не на равной іерархической ступени и не въ равной зависимости отъ центральнаго управленія. Центральное управленіе дѣйствуетъ на архивы общинъ, благотворительныхъ учрежденій и супрефектуръ чрезъ департаментскій архивъ, или точнѣе чрезъ департаментскаго архивиста, который является инспекторомъ для архивовъ общинъ, благотворительныхъ учрежденій и супрефектуръ. Центральному управленію приходится при этомъ считаться съ нѣкоторыми условіями, которыя могутъ сильно затруднить его дѣятельность (хотя повидимому не затрудняютъ). Во-первыхъ финансовый вопросъ, а безъ него всѣ благія намѣренія относительно архивовъ могли бы остаться только на бумагѣ, не зависитъ отъ министерства народнаго просвѣщенія. Департаментскіе архивы содержатся не на счетъ государства, а на счетъ мѣстнаго (де-

партаментскаго) самоуправленія, для котораго ассигнованіе денегъ на архивъ теперь даже не обязательно [1]), такъ какъ департаментскіе архивы считаются собственностью не департамента, а государства. Никакой законъ также не опредѣляетъ размѣровъ того, что общины и благотворительныя учрежденія обязаны тратить на свои архивы, а государство, конечно, не расходуетъ ничего на эти архивы, не считающіеся его собственностью. Ассигнованіе денегъ департаментскому архивисту на расходы по инспекціи общинныхъ и другихъ архивовъ также вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія департаментскаго самоуправленія. Сверхъ того министерству народнаго просвѣщенія приходится считаться еще съ тѣмъ обстоятельствомъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ удержало долю власти въ управленіи своими прежними архивами: департаментскій архивистъ назначается и увольняется префектомъ, состоитъ подъ его непосредственнымъ начальствомъ, и даже чрезъ префекта сносится съ центральнымъ управленіемъ. При такихъ условіяхъ власть центральнаго управленія надъ всѣми подвѣдомственными архивами за исключеніемъ Національнаго, оказывается во многихъ случаяхъ не столько властью, сколько вліяніемъ, а самое руководство архивами требуетъ чрезвычайно много искусства и такта. Если принять вышесказанное въ соображеніе, то приходится тѣмъ выше цѣнить результаты дѣятельности центральнаго управленія относительно архивовъ. Въ ряду архивовъ, связанныхъ центральнымъ управленіемъ, Національный архивъ занимаетъ исключительное особое положеніе, которое окончательно опредѣлено декретомъ президента республики 14 мая 1887 г. Національный архивъ принимаетъ дѣла всѣхъ центральныхъ учрежденій Франціи: «Des administrations centrales versent directement aux Archives Nationales tous les documents qui ne sont plus necessaires au service courant des bureaux» (декретъ президента 14 мая 1887 г. art. 13, подтверждающій императорскій декретъ 22 декабря 1855 г.). Впрочемъ эта сдача не обязательна и зависитъ какъ отъ усмотрѣнія центральныхъ учрежденій, такъ и отъ согласія министра народнаго просвѣщенія. Не всѣ министерства пользуются своимъ правомъ сдавать свои дѣла въ Національный архивъ, такъ министерство иностранныхъ дѣлъ, военное, морское и финансовъ, имѣя свои спеціальные архивы, ничего не передаютъ въ Національный архивъ, а прочія—сдаютъ далеко не всѣ дѣла. Центральныя учрежденія, сдавшія свои дѣла въ Національный архивъ, пользуются нѣкоторыми правами надъ этими дѣлами: они могутъ въ случаѣ необходимости

[1]) Но было обязательно съ 1838 г. по 1866 г.

потребовать къ себѣ то или другое дѣло; уничтоженіе даже самыхъ незначительныхъ бумагъ можетъ быть совершено только съ согласія министра соотвѣтствующаго вѣдомства; бумаги, имѣющія менѣе 50 лѣтъ давности, могутъ быть сообщены публикѣ только съ разрѣшенія министра, сдавшаго дѣла. Національный архивъ сосредоточиваетъ копіи описей всѣхъ архивовъ Франціи. Кромѣ рукописей архивъ получаетъ всѣ записки и документы, печатаемые для употребленія администраціи. При Національномъ архивѣ состоитъ особый архивный музей (musée des Archives Nationales), гдѣ въ витринахъ выставлены для публики въ хронологическомъ порядкѣ образцы актовъ (или снимки ихъ), хранящихся въ архивѣ, начиная съ папирусной грамоты Клотаря II 627 г. и кончая актами эпохи Ста дней. Конечно, Національный архивъ содержится на счетъ государства (бюджетъ за 1891 г. 200,000 франковъ) и занимаетъ обширное роскошное помѣщеніе, часть котораго составляетъ бывшій дворецъ принцевъ Субизовъ. Начальникъ архива, носящій званіе garde générale, назначается и увольняется декретомъ президента республики, и представляетъ годичный отчетъ о состояніи архива непосредственно министру народнаго просвѣщенія. Всѣ должностныя лица исключая комми, назначаются изъ архивистовъ палеографовъ, т. е. кончившихъ курсъ въ École des chartes, и не могутъ одновременно занимать какую нибудь другую должность внѣ архива; имъ назначенъ предѣльный возрастъ: 65 лѣтъ для второстепенныхъ служащихъ, 70 лѣтъ для высшаго начальства (декретъ президента 23 января 1888 г.). Половина должностей обязательно замѣщается лицами, начавшими службу въ департаментскихъ архивахъ. Архивъ раздѣляется на три секціи: 1) историческую (section historique), 2) законодательную и судебную (section législative et judiciaire), 3) административную и государственныхъ имуществъ (section administrative et domaniale). Секціи въ свою очередь имѣютъ болѣе мелкія подраздѣленія, серіи. Эти не совсѣмъ удачные отдѣлы объясняются исторіей архива, и есть прежде всего результатъ разбора, совершеннаго на основаніи закона 7 мессидора. Къ чему привело полное пренебреженіе къ исторической классификаціи, характеризующее революціонную эпоху, и распредѣленіе на произвольные отдѣлы, покажетъ слѣдующій примѣръ. Акты какого нибудь аббатства, составлявшія ранѣе цѣльную коллекцію, помѣщены въ серію L (monuments ecclésiastiques), но съ очень большими пробѣлами потому, что изъ этой коллекціи выдѣлены: 1) документы, касающіеся земель въ серію S. (biens des corporations ecclésiastiques supprimés), 2) такъ называмые «историческіе документы», въ серію K. (monuments historiqnes), самый

произвольный отдѣлъ, 3) планы—въ серію N 4) документы, касающіеся юрисдикціи аббатства, въ серію Z (сеньеріальная юрисдикція).

Недостатки классификаціи были ясно сознаны уже въ 30-хъ годахъ, но работы зашли слишкомъ далеко, а потому оставили въ разобранныхъ частяхъ все почти безъ измѣненія, исходя изъ того соображенія, что передѣлывать неблагоразумно тѣмъ болѣе, что недостатки классификаціи до нѣкоторой степени покрываются инвентарями и указателями; къ неразобраннымъ частямъ архива примѣнили иную болѣе разумную классификацію. Національный архивъ издалъ въ свѣтъ не мало томовъ своихъ инвентарей, какъ краткихъ, такъ и подробныхъ (см. Annuaire des bibliothèques et des archives за 1897 г.), изъ числа которыхъ самое монументальное изданіе «Archives de l'Empire ou Nationales. Inventaires et documents» 19 томовъ in 4⁰ въ 1891 г. По роскоши и палеографическому интересу заслуживаетъ вниманія посвященное музею изданіе архива «Musée des Archives Nationales. Documents originaux de l'histoire de France, exposés dans l'hôtel Soubise, ouvrage enrichi de 1200 fac-simile, des autographes les plus importants depuis l'epoque Merovingienne jusqu' à la Révolution Française». Paris 1872. Перейду къ департаментскимъ архивамъ, которые подобно Національному архиву созданіе революціи, но приводиться въ порядокъ стали только съ 1838 года, благодаря заботамъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Дюшателя, вниманіе котораго на департаментскіе архивы обратилъ извѣстный историкъ Гизо, занимавшій тогда постъ министра народнаго просвѣщенія. Важнѣйшей мѣрой въ пользу департаментскихъ архивовъ было проведеніе закона 16 мая 1838 г., въ силу котораго содержаніе архивовъ было отнесено къ числу обязательныхъ расходовъ департаментовъ. Хотя этотъ расходъ пересталъ быть обязательнымъ съ 1866 г. для мѣстнаго самоуправленія, однако оно не только не отказалось отъ этого расхода, но въ настоящее время значительно возвысило свои ассигнованія на архивы сравнительно съ 1866 г. Въ системѣ французской архивной централизаціи департаментскій архивъ занимаетъ очень важное мѣсто, такъ какъ дѣйствіе центральнаго управленія обращается прежде всего на департаментскій архивъ, и уже отъ него передается архивамъ общинъ и благотворительныхъ учрежденій. По нашему мнѣнію департаментскій архивъ—наиболѣе типичный изъ французскихъ архивовъ и знакомство съ нимъ раскрываетъ суть французскаго архивнаго дѣла съ его достоинствами и недостатками болѣе, чѣмъ знакомство съ архивами какой нибудь другой категоріи. Остановимся прежде всего на классификаціи департаментскихъ архивовъ, установленной циркуляромъ мини-

стра внутреннихъ дѣлъ 24 апрѣля 1841 года (см. Приложеніе II). Классификація департаменскихъ архивовъ, по мнѣнію самихъ французскихъ архивистовъ, гораздо удачнѣе классификаціи Національнаго архива, что и понятно, такъ какъ классификація департаментскихъ архивовъ явилась уже послѣ опыта, продѣланнаго надъ Національнымъ архивомъ. Каждый департаментскій архивъ дѣлится хронологически на двѣ части: 1) *Старый*, чисто историческій архивъ, заключающій дѣла до 1790 г., т. е. до года раздѣленія Франціи на департаменты 2) *Новый*, или департаментскій въ настоящемъ смыслѣ слова, гдѣ находятся дѣла начиная съ 1790 г. Для каждой части существуетъ свое раздѣленіе на *серіи*, обозначаемыя большими латинскими буквами; каждая литтера можетъ прилагаться только къ извѣстной строго опредѣленной категоріи дѣлъ. Старый архивъ дѣлится въ свою очередь на два отдѣла: 1) на *свѣтскій или гражданскій архивъ* (archives laiques ou civiles], состоящій изъ 6 серій (A—F) 2) *церковный* (archives ecclesiastiques) состоящій изъ трехъ серій (G—J).

Новый архивъ состоитъ изъ 15 серій (K—Z). Каждая серія представляетъ изъ себя совокупность такъ называемыхъ *Fonds*, которые располагаются въ порядкѣ подраздѣленій серіи. Эти fonds составляютъ главное достоинство классификаціи департаментскихъ архивовъ и считаются теперь у французскихъ архивистовъ conditio sine qua non всякой архивной классификаціи. Fonds это—совокупность бумагъ, принадлежащихъ одному учрежденію, одной корпораціи, одной фамиліи, или одному лицу, словомъ, fonds это—исторически сложившаяся группа дѣлъ. Классифицировать par fonds значитъ соединить вмѣстѣ тѣ бумаги, которыя были *собственностью* одного учрежденія, одной корпораціи, одной фамиліи, одного лица. Согласно съ этимъ опредѣленіемъ fonds, постановленіе парламента, выданное частному лицу, не должно быть помѣщено въ fonds парламента, но въ fonds лица, получившаго это постановленіе; просьба обращенная къ парламенту общиной не будетъ помѣщена въ fonds общины, но въ fonds парламента. Слѣдовательно проектъ письма и самое письмо не могутъ быть частями одного и того же fonds, такъ какъ проектъ есть собственность лица писавшаго, а письмо—адресата. Fonds можетъ быть совокупностью нѣсколькихъ меньшихъ fonds, напр. когда одно учрежденіе владѣетъ дѣлами нѣсколькихъ учрежденій, въ такомъ случаѣ fonds раздѣляется на свои естественныя части. Fonds представляетъ изъ себя совокупность dossiers и registres. Подъ *registre* надо разумѣть книгу или дѣло въ переплетѣ. *Dossier* это—совокупность бумагъ, относящихся къ одному предмету, каковы бы ни были ихъ даты и происхожденіе, помѣщенныхъ въ одной обложкѣ и расположенныхъ въ хронологическомъ

порядкѣ. Dossier это то же, что наше *дѣло*, но съ тою разницей, что бумаги не сшиты. Замѣтимъ, что французскіе архивы имѣютъ дѣла, или въ видѣ dossiers, или registres. Форма дѣлъ въ видѣ dossiers, непрактичная съ точки зрѣнія безопасности отдѣльныхъ бумагъ, имѣетъ однако ту выгоду, что позволяетъ легко исправить неудачный подборъ бумагъ, а также выдѣлять къ уничтоженію безполезныя бумаги. Dossiers со временемъ переплетаются (ихъ соединяютъ по нѣскольку вмѣстѣ) и принимаютъ видъ книгъ (registres). Конечно, департаментскіе архивы едва позволяютъ себѣ эту роскошь, но въ богатыхъ средствами столичныхъ архивахъ это принято какъ напр. въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, который имѣетъ видъ библіотеки, щеголяющей прекрасными переплетами томовъ. Внутри каждаго fonds dossiers и registres располагаются, смотря по удобству, или въ хронологическомъ порядкѣ, или въ топографическомъ, или въ алфавитномъ.

Несомнѣнныя достоинства классификаціи департаментскихъ архивовъ: 1) линіи, разграничивающія отдѣлы, проведены искусной рукой, 2) рамки классификаціи достаточно просторны и на случай имѣются 3 серіи (F, I, Z), подъ которыя можно подвести непредусмотрѣнныя категоріи дѣлъ, 3) въ ней видимъ стремленіе возстановить, разрозненныя въ эпоху революціи, исторически сложившіяся группы дѣлъ. Однако принципъ fonds въ классификаціи не вполнѣ выдержанъ, и серія A. напр. состоящая изъ эдиктовъ, lettres patentes и другихъ актовъ, исходившихъ отъ суверенной власти, несомнѣнно нарушаетъ принципъ цѣлостности fonds. Впрочемъ цѣлостность fonds во Франціи нарушается очень часто уже потому, что дѣла одного учрежденія разбиты между различными департаментскими архивами. Въ позднѣйшее время французскіе архивисты усмотрѣли одинъ существенный недостатокъ въ классификаціи департаментскихъ архивовъ, а именно, что въ ней не выдѣлены надлежащимъ образомъ бумаги революціонной эпохи (отъ раздѣленія Франціи на департаменты въ 1790 г. до учрежденія префектуръ въ 1800 г.), и вообще недостаточно опредѣлены серіи Z и Q, преимущественно содержащія бумаги этого періода. Въ виду этого, какъ дополненіе къ классификаціи 1841 г., былъ изданъ въ 1874 г. (циркуляръ 11 ноября) *Cadre spécial pour les séries L* et *Q* (см. Приложеніе II). Министерскій циркуляръ обращалъ особое вниманіе архивистовъ именно на серіи L и Q. Въ прочихъ серіяхъ впослѣдствіи были сдѣланы лишь самыя незначительныя дополненія. На практикѣ планъ классификаціи оказался вполнѣ примѣнимымъ. Департаментскіе архивы всей Франціи были очень быстро разобраны par fonds, и въ 1848 г. министерство внутреннихъ

дѣлъ уже могло издать чрезвычайно полезный трудъ «Le tableau général numérique par fonds des archives départementales anterieures à 1790», трудъ, который могъ явиться въ свѣтъ, какъ результатъ коллективной работы департаментскихъ архивистовъ. Работы были направлены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ самаго начала на старый архивъ (до 1790 года), такъ какъ министерство въ своихъ заботахъ о департаментскихъ архивахъ руководствовалось прежде всего научными соображеніями. Даже и въ настоящее время новому архиву удѣляется сравнительно мало вниманія за исключеніемъ бумагъ революціонной эпохи. Рядомъ съ классификаціей идетъ работа по составленію *описи*, которая составляется по мѣрѣ образованія dossiers. Опись составляется на карточкахъ (fiche de classement), на которыхъ пишется: литера серіи, временной №, заглавіе дѣла въ двухъ словахъ (simple titre), крайнія даты, и № шкафа или полки, гдѣ помѣщено дѣло. Когда совершена эта предварительная работа, карточки классифицируются въ систематическомъ порядкѣ. Для новаго архива работа этимъ заканчивается, но въ старомъ приступаютъ тогда къ составленію *инвентаря* (такъ называемый inventaire sommaire), надъ которымъ работаютъ не ради только архивныхъ потребностей, но для *печати*. Составленіе инвентаря считается главной обязанностью департаментскаго архивиста. Форма инвентаря выработана центральнымъ управленіемъ архивами. Для каждой серіи долженъ быть отдѣльный инвентарь. Работу по составленію инвентаря надо начинать съ серіи A.

Inventaire sommair имѣетъ троякій характеръ:

1) Если рѣчь идетъ о бумагахъ, не имѣющихъ особеннаго значенія, то довольствуются краткими заголовками, подобными заглавію книги 2) если же registre, или dossier представляетъ какой нибудь интересъ, не заслуживая однако описанія всѣхъ бумагъ, содержимыхъ въ немъ, то въ заголовкѣ указываютъ особенно замѣчательныя, чтобы видно было, что это дѣло заслуживаетъ вниманія

3) Когда имѣютъ дѣло съ вещами весьма замѣчательными, то подробно описываютъ одну бумагу за другой и приводятъ цитаты, если это необходимо. Печатаніе инвентарей началось съ 1862 г. *на счетъ департаментовъ* и ведется усердно по одинаковому плану, при чемъ центральное управленіе указываетъ, какимъ именно серіямъ составлять инвентарь. Первые томы инвентарей значительно слабѣе послѣдующихъ между прочимъ потому, что на первыхъ порахъ совершенно одинаково, и притомъ слишкомъ кратко, описывали дѣла, не считаясь съ ихъ относительной важностью, и очень старались придать всѣмъ томамъ видъ однообразія (не говоря о неопытности первыхъ работниковъ).

Къ инвентарю департаментскихъ архивовъ примыкаетъ и составляетъ съ нимъ какъ бы одно цѣлое инвентарь общинныхъ архивовъ и архивовъ благотворительныхъ учрежденій, для отдѣловъ до 1790 г., печатаемый также не на счетъ государства, но на счетъ городовъ и благотворительныхъ учрежденій. Центральное управленіе является иниціаторомъ и руководителемъ также и этой работы. Въ итогѣ получилась цѣлая библіотека описаній провинціальныхъ архивовъ Франціи для эпохи до 1790 г. На всемірной выставкѣ [1]), устроенной въ Парижѣ по случаю столѣтія революціи (1889 г.], центральное управленіе архивами могло похвастать 250 томами инвентаря подвѣдомственныхъ ему архивовъ, не считая инвентарей Національнаго архива. Какъ быстро подвигается эта работа, видно изъ того, что въ 1893 г. общая цифра изданныхъ въ свѣтъ томовъ равнялась 315. (Discours, prononcé à l'assemblée générale de la Sociéte de l'histoire de France le 2 mai 1893 par. M. G. *Servois* Extrait de l' *Annuaire Bulletin de la Sociéte de l' Histoire de France*, p. 12. 1893). Что касается архивовъ общинныхъ (archives communales) и архивовъ благотворительныхъ учрежденій (archives hospitalières), то центральное управленіе для этихъ архивовъ выработало также планы классификаціи. Архивъ общины, какъ городской, такъ и сельскій, раздѣленъ подобно департаментскому хронологически на двѣ части 1) старый архивъ до 1790 г. 2) новый съ 1790. Для каждой части установлена особая классификація (см. Приложеніе III.): для стараго архива—циркуляромъ 25 августа 1857 г., для новаго—циркуляромъ 20 ноября 1879 г. Классификація новаго архива общины, новѣйшая изъ классификацій установленныхъ центральнымъ управленіемъ, замѣчательна по своей обдуманности и обстоятельности. Классификація архивовъ благотворительныхъ учрежденій (см. Приложеніе IV), установленная циркуляромъ 10 августа 1854 г., имѣетъ ту особенность, что архивъ не дѣлится хронологически на два отдѣла, а составляетъ одно цѣлое. На практикѣ планы классификацій архивовъ обѣихъ категорій оказались вполнѣ примѣнимыми. Департаментскій архивъ, а съ нимъ и департаментскій архивистъ, поставленъ такъ своеобразно въ іерархическомъ отношеніи, что зависитъ одновременно и отъ префекта, представителя министерства внутреннихъ дѣлъ, и отъ департаментскаго самоуправленія, и отъ центральнаго управленія при министерствѣ народна-

---

[1]) Къ выставкѣ 1878 г. центральное управленіе архивами издало «Musée des archives départementales» роскошный томъ и атласъ снимковъ съ актовъ отъ VIII в. до 1789 г., хранящихся въ департаментскихъ архивахъ.

го просвѣщенія. Назначеніе на должность архивиста предоставлено префекту, но свобода выбора у послѣдняго стѣснена тѣмъ, что онъ можетъ назначать только изъ архивистовъ-палеографовъ (окончившихъ полный курсъ École des chartes), а за неимѣніемъ таковыхъ изъ лицъ, сдавшихъ особый экзаменъ при центральномъ управленіи (при Commission supérieure des archives). Префекту, какъ начальнику, предоставленъ надзоръ за архивомъ, но въ классификацію и другіе спеціальные вопросы онъ не имѣетъ права вмѣшиваться. Органъ департаментскаго самоуправленія генеральный совѣтъ (conseil général), конечно, долженъ былъ получить свою долю власти, такъ какъ архивъ содержится на средства, ассигнуемыя генеральнымъ совѣтомъ. Генеральный совѣтъ, состоящій изъ такого числа членовъ, сколько въ департаментахъ кантоновъ (отъ 20 до 50), имѣетъ двѣ очередныхъ сессіи, изъ которыхъ важнѣйшая для архива августовская, потому что тогда обсуждается бюджетъ. Въ промежуткахъ между сессіями генеральнаго совѣта дѣйствуетъ такъ называемая департаментская коммиссія (commission départementale), избираемая изъ среды совѣта. Департаментская коммиссія обязана разъ въ годъ раньше августовской сессіи осмотрѣть архивъ и представить генеральному совѣту отчетъ о своемъ осмотрѣ. Коммисія при посѣщеніи имѣетъ своей задачей удостовѣриться, царствуетъ ли въ архивѣ порядокъ, порядокъ чисто внѣшній, удовлетворительно ли помѣщеніе, приняты ли мѣры предосторожности и т. п.; что касается работъ по классификаціи и инвентаря, то въ эту область коммиссія не можетъ вмѣшиваться по существу. Если бы коммиссія не исполнила своей обязанности, то архивистъ имѣетъ право обратиться къ префекту и требовать назначенія спеціальной коммисіи для осмотра архива, такъ какъ въ интересахъ архивиста, чтобы генеральный совѣтъ зналъ о трудахъ, потраченныхъ на архивъ. Свой ежегодный отчетъ архивистъ представляетъ префекту (форма этого отчета опредѣлена циркуляромъ 23 іюня 1875 г.); въ отчетѣ архивистъ говоритъ также о подлежащихъ его инспекціи архивахъ супрефектуръ, общинъ и благотворительныхъ учрежденій. Такъ какъ отчетъ предназначается не для одного центральнаго управленія и префекта, но и для генеральнаго совѣта, который очень важно заинтересовать архивомъ, то архивистъ обыкновенно не ограничивается сухими, такъ сказать, оффиціальными данными, но старается указать при случаѣ какъ интересны и важны хранимые въ архивѣ матеріалы для исторіи, политической экономіи, статистики, администраціи. Префектъ съ собственными замѣчаніями предлагаетъ отчетъ архивиста вниманію генеральнаго совѣта, который по выслушаніи отчета рѣшаетъ

вопросъ объ ассигнованіи суммъ на архивъ. Центральное управленіе архивами послѣ каждой августовской сессіи генеральнаго совѣта получаетъ чрезъ префекта отчетъ архивиста съ замѣчаніями префекта и съ протоколомъ того засѣданія генеральнаго совѣта, на которомъ шла рѣчь объ архивѣ. Высшее архивное управленіе, какъ видно, сумѣло заинтересовать архивами генеральные совѣты, такъ какъ они ассигнуютъ суммы не только на содержаніе архивовъ, но и на изданіе инвентарей, на инспекцію общинныхъ и другихъ архивовъ, а также на постройку новыхъ зданій, удовлетворяющихъ потребностямъ архивнаго дѣла. Вознагражденіе Департаментскихъ архивистовъ весьма неодинаково и колеблется отъ 2000 и до 5500 франковъ; архивистъ департамента Сены получаетъ 8000 франковъ. Министерство народнаго просвѣщенія вступаетъ съ департаментскими архивистами въ непосредственныя сношенія только чрезъ генеральныхъ инспекторовъ, которые обязаны посѣтить каждый департаментскій архивъ по крайней мѣрѣ разъ въ три года. Генеральные инспектора назначаются министромъ изъ лицъ, кончившихъ курсъ въ École des chartes и занимавшихъ предварительно не менѣе 10 лѣтъ должность начальника секціи въ Національномъ архивѣ или должность департаментскаго архивиста (со времени декрета 5 декабря 1879 г.). Они ревизуютъ не одни департаментскіе архивы, но и другіе архивы, подвѣдомственные министерству народнаго просвѣщенія. При ревизіи генеральные инспектора входятъ во всѣ спеціальныя подробности архивнаго дѣла и даютъ указанія архивистамъ. О замѣченныхъ неисправностяхъ генеральные инспектора сообщаютъ префекту, а отчетъ о ревизіи представляютъ министерству народнаго просвѣщенія.

Власть центральнаго управленія нисколько не тяготитъ департаментскаго архивиста, поставленнаго въ большую зависимость отъ префекта. Въ центральномъ управленіи архивистъ находитъ не только руководство опытныхъ людей, но и покровительство. Департаментскій архивистъ не ограничивается пріемомъ въ свой архивъ дѣлъ, сдаваемыхъ различными учрежденіями департамента, но ему вмѣняется въ обязанность сосредоточивать по возможности въ департаментскомъ архивѣ всѣ историческіе матеріалы въ предѣлахъ даннаго департамента, а прежде всего тѣ, которые должны находиться въ департаментскомъ архивѣ на основаніи закона 5 брюмера V года. Иное получается въ даръ отъ частныхъ лицъ, которыя, видя благоустройство департаментскихъ архивовъ, охотно жертвуютъ туда свои коллекціи, нерѣдко крупныя и цѣнныя. Такъ изъ отчета министру за 1889 г. видно, что архивъ департамента Maine-et-Loire получилъ въ даръ отъ одного частнаго лица слѣдующую коллек-

цію: «Titres de famille et de seigneuries (plus de 2000 pièces, parchemin et papier, XII—XVIII siècles). Департаментскій архивистъ имѣетъ обязанности не только по отношенію къ своему архиву; въ предѣлахъ своего департамента онъ занимаетъ положеніе инспектора архивовъ супрефектуръ, общинъ и благотворительныхъ учрежденій. Для лицъ, завѣдующихъ этими послѣдними архивами, онъ является впрочемъ не столько начальникомъ, сколько руководителемъ. О ревизіяхъ представляется отчетъ префекту. Эти осмотры очень способствовали съ одной стороны улучшенію устройства общинныхъ и другихъ архивовъ, съ другой—обогащенію департаментскаго архива новыми историческими матерьялами.

Разумѣется, департаментскій архивистъ имѣетъ помощника, который заступаетъ его мѣсто въ случаѣ его отсутствія.

Департаментскій архивистъ является, такимъ образомъ, не просто начальникомъ областнаго архива, но, такъ сказать, представителемъ архивнаго дѣла въ извѣстной области, которое разсматривается не какъ канцелярское дѣло, но какъ научное.

Такова система централизаціи французскихъ архивовъ, въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, проникающая до архива самой мелкой общественной клѣточки, дающая участіе въ архивномъ дѣлѣ и мѣстному самоуправленію, и префекту, представителю министерства внутреннихъ дѣлъ, устроенная при томъ съ небольшими затратами для государства.

Она имѣетъ, конечно, свои недостатки. Но обо всемъ въ концѣ концовъ судятъ по плодамъ, а результаты дѣятельности французскаго центральнаго управленія, совершенно преобразившаго трудами просвѣщенныхъ архивистовъ областные архивы, создавшаго единственную въ своемъ родѣ библіотеку инвентарей, говорятъ сами за себя.

А. Вороновъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Вотъ списокъ важнѣйшихъ трудовъ, посвященныхъ французскимъ архивамъ:

Richou «Traité théorique et pratique des archives publiques. Organisation, administration, legislation des archives Nationales, ministérielles, départementales, communales, hospitalières, judiciaires, notariales etc.». Paris 1883. (оттискъ изъ «Répertoire du droit administratif» изд. Béquet et Dupré).

Langlois—Stein «Les archives de l'histoire de France». Paris 1893.

Статьи подъ словомъ Archives, помѣщенныя въ

1) *Répertoire général alphabétique du droit français* (статья Lelong, отд. изд. Paris 1889).

2) *Dictionnaire des finances* изд. Leon Say (статья Servois).

3) *Grande Encyclopédie* (статья Giry).

4) *Encyclopédie du droit* изд. Sebire et Carteret (статья Taillandier).

5) *Dictionnaire de l'administration française* изд. Maurice Block (статья Rocquin).

Bordier «Les archives de la France ou histoire des Archives de l'Empire, des archives des ministères, des départements, des communes, des hôpitaux, des greffes, des notaires etc». Paris 1855.

De-Laborde «Les archives de la France, leurs vicissitudes pendant la Révolution, leur régénération sous l'Empire». Paris 1867.

Huillard-Bréholles «Les archives de l'Empire, leur passé et leur état présent» (Revue Contemporaine, XXXII. 1863).

Octave Lacroix «Archives Nationales» (Journal Officiel mars-avril 1873).

Maury «Rapport sur les Archives Nationales pour les années 1876, 1877 et 1878». Paris 1878.

*

Guiffrey «Catalogue sommaire du Musée des Archives Nationales, précédé d'une notice historique sur le palais des Archives». Paris 1893.

Baschet «Histoire du dépot des archives des Affaires étrangères» Paris 1875.

Delisle «Origine des archives au ministère des Affaires étrangères» (Bibliothèque de l'École des chartes, XXXV 1874).

«*Ministère des Affaires étrangères; rapports sur les travaux de la commission des Archives diplomatiques*». Paris 1883.

Ravaisson «Rapport adressé au nom de la commission instituée le 22 avril 1861». Paris 1862.

Wailly (Natalis de) «La Bibliothèque Nationale et les Archives de l'Empire, réponse au rapport de M. Ravaisson». Paris 1863.

de Rosière «Rapport au ministre de la marine et des colonies sur les travaux de la commission supérieure des archives du ministère de la marine» (Bulletin des Bibliothèques et des Archives. 1884. № 2).

Champollion—Figeac «Manuel de l'archiviste des préfectures, des mairies et des hospices». Paris 1860.

Какъ продолженіе своего «Manuel», Шампольіонъ-Фижакъ издалъ 8 выпусковъ «Annuaire de l'archiviste des préfectures, des mairies et des hospices». Paris 1860—1869.

Desjardins «Le service des archives départementales. Conferences faites aux élèves de l'École des Chartes». Paris 1890 (Supplement aux Archives historiques, artistiques et litteraires, juillet-septembre 1890).

«*Lois, instructions et règlements, relatifs aux archives départementales, communales et hospitalières*». Paris 1884. Изданіе министерства народнаго просвѣщенія.

Министерство народнаго просвѣщенія, начиная съ 1886 г., издаетъ Annuaire des bibliothèques et des archives—справочную книжку, гдѣ кромѣ именъ архивистовъ дается перечень архивовъ подвѣдомственныхъ Министерству съ указаніемъ инвентарей, изданныхъ въ свѣтъ. Въ «Bulletin des bibliothèques et des archives» (1884—1889, 17 вып.) изд. министерства нар. пр., кромѣ законовъ и циркуляровъ, относящихся до архивовъ, напечатаны годичные отчеты министру народнаго просвѣщенія о состояніи архивовъ національного, департаментскихъ, общинныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Годичные отчеты печатаются также въ Journal Officiel и издаются отдѣльными книжками. Статьи и замѣтки о французскихъ архивахъ можно найти, кромѣ Bibliothèque de l'École des Chartes, также въ слѣдующихъ изданіяхъ: Louis Lacour «Annuaire du bibliophile, du biblio-

thèquaire et de l'archiviste», Paris 1860—1863, 4 vol.; Le Cabinet historique, Paris 1855—1882, 29 vol.; Archives historiques, littéraires et artistiques, Paris, depuis 1889. Для знакомства съ École des chartes см. «Livret de l'École des chartes, publié par la société de l'École des chartes» Paris 1891.

На нѣмецкомъ языкѣ имѣется хорошій трудъ о французскихъ архивахъ: Pfannenschmid «Das Archivwesen in Elsass-Lothringen und der Organismus des französischen Departemental-Communal-und Hospital-Archivwesens» Colmar 1875.

Другой трудъ того же автора «Ueber Ordnung und Inventarisirung der Gemeinde-Archive» München 1885 (оттискъ изъ VIII и IX т. Archivalische Zeitschrift) интересенъ какъ попытка примѣнить въ Германіи французскую классификацію общинныхъ архивовъ.

На русскомъ языкѣ можно указать: *И. Е. Андреевскаго* «Наука объ архивахъ» лекціи чит. въ Археологическомъ Институтѣ въ 1885—87 г. (литогр.), его же статьи «Архивы» въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона полут. III и «О Парижской École des Chartes» въ Наблюдателѣ 1889 г. № 2; *Фортинскаго* объ École des Chartes въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ. 1876 г. январь; и *Маевскаго* (инженеръ-архитектора) «Отчетъ о поѣздкѣ за границу» (Сборникъ Археологическаго Института кн. 2).

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Cadre de classement pour les archives départementales *).

Première partie du cadre, comprenant les archives antérieures à 1790.
Archives civiles.

A. Actes du pouvoir souverain et domaine public. Collections d'édits, lettres patentes, ordonnances etc. Domaine royal, apanages; au besoin, famille royale.

B. Cours et juridictions. Parlements. Bailliages et sénéchaussées, [présidiaux, prévôtés, maréchaussées] et autres juridictions secondaires [justices seigneuriales par ordre alphabétique]. Cours des comptes. Cours des aides. Cours des monnaies. [Maîtrises des eaux et forêts, greniers à sel et autres juridictions d'exception].

*) Поставленное въ квадратныя скобки [ ] означаетъ позднѣйшее добавленіе къ плану классификаціи, установленному циркуляромъ 24 апрѣля 1841 г.

C. Administrations provinciales. Intendances. Subdélégations, élections et autres divisions administratives ou financières. Bureaux des finances. États provinciaux, [assemblées provinciales]. Principautés, régences etc.

D. Instruction publique, sciences et arts. Universités. Facultés. Collèges. Sociétés académiques.

E. Féodalité, communes, bourgeoisie et familles. Titres féodaux. Titres de famille. Notaires et tabellions. Communes et municipalités. Corporations d'arts arts et métiers. Confréries et sociétés laïques. [E. supplément.—Communes et minicipalités (fonds conservés dans les mairies du département)].

F.—Fonds divers se rattachant aux archives civiles.

Archives ecclésiastiques.

G. Clergé seculier. Archevêchés. Chapitres métropolitains. Officialités métropolitaines et autres juridictions relevant des archevêchés. Évêchés. Chapitres épiscopaux. Officialités épiscopales et autres juridictions relevant des évêchés. Seminaires. Églises collégiales. Églises paroissiales et leurs fabriques. Bénéfices, chapelles, aumôneries, etc.

H. Clergé regulier. Ordres religieux d'hommes. Ordres religieux de femmes. Ordres militaires religieux. Hospices et maladreries etc. [H supplement.—Hospices et maladreries (fonds conservés dans les hôpitaux du département)].

I.—Fonds divers se rattachant aux archives ecclésiastiques.

Deuxième partie du cadre, comprenant les archives postèrieures à 1790 ou départementales proprement dites.

K. Lois, ordonnances et arrêtés. Moniteur et autres publications officielles. Registres des arrêtés des administrations de département, des préfets et des conseils de préfecture. [Moniteur et Journal officiel. Collections générale des lois et Bulletin des lois. Arrêtés du préfet. Arrêtés du conseil de préfecture. Recueil des actes administratifs de la préfecture. Répertoires des actes du préfet soumis à l'enregistrement. Registres d'enregistrement de la correspondance].

L... Documents spécialement relatifs aux administrations de département, de district et de canton, depuis la division de la France en départements jusqu'à l'institution des préfectures en l'an VIII.

M. Personnel et administration générale. Personnel administratif. [Préfecture, sous-préfectures.] Élections ou nomination des députés, membres du conseil général, membres des conseils d'arrondissement. Élections communales. [Maires et adjoints.] [Administration générale. Distinctions honorifiques.] Police générale. [Affaires politiques, événements notables, cérémonies etc.] Police administrative. [Personnel des commissaires de police. Rapports de police et de gendarmerie. Etrangers. Emigrants. Condamnés. Cafés et cabarets. Chasse. Sociétés. Loteries. Exhumations etc.] Santé publique et salubrité. Subsistances. Divisions administratives. Population. État civil. [Naturalisations.] Statistique. Agriculture. Industrie et commerce. [Poids et mesures.]

N. Administration et comptabilité départementale. Délibérations du conseil général [et pièces à l'appui] des conseils d'arrondissement. Comptabilité générale du département. Immeubles et bâtiments départementaux. Mobilier départemental.

O. Administration et comptabilité communale. [Sous la rubrique de chaque commune.] Agents salariés de la commune. Administrations [et police municipale]. Biens communaux. [Propriétés communales et édifices communaux]. Aliénations, Acquisitions, dons et legs. Octrois et revenus divers. [Par années et par communes]. Budgets et comptes. Voirie vicinale et cours d'eau non navigable [Personnel, chemins, comptabilité]. Voirie urbaine.

P.—Finances. Trésor public et comptabilité générale. Contributions directes. Cadastre. Contributions indirectes. Douanes. Forêts Poste [télégraphes, téléphones].

Q.—Domaines. Domaines nationaux. Administration et contentieux des domaines. Biens communaux vendus en 1813 au profit de la caisse d'amortissement.

R.—Guerre et affaires militaires. Organisation et recrutement de l'armée. Remontes. Convois et subsistances militaires; [requisitions]. Gendarmerie. Garde nationale [et sapeurs-pompier].

S.—Travaux publics. Ponts et chaussées. Grande voirie. [Chemins de fer]. Cours d'eau et usines. Navigation. Canaux. Ports [et phares]. Mines et minières. Dessechements.

T.—Instruction publique, sciences et arts. Instruction primaire. Instruction secondaire. Instruction supérieure. [Enseignement libre]. [Ecoles professionneles et spéciales]. Bibliothèques. Sociétés savantes. Imprimerie et librairie. Antiquités, [musées]. Théâtres.

U.—Justice. [Cours et] tribunaux. [Jury. Officiers ministériels]. Frais de justice. Dépenses de l'ordre judiciaire.

V.—Cultes. Clergé catholique [personnel]. Cures, succursales, chapelles, annexes. [Grands et petits séminaires]. Fabriques. Communautés religieuses. Pensions et traitements ecclésiastiques [Edifices diocésains]. Cultes non catholiques.

X.—Etablissements de bienfaisance. Hospices et hôpitaux (administration, comptabilité). Bureaux de bienfaisance. Aliénés. Enfans assistés. Aveugles et sourds-muets. [Orphelinats, ouvroirs, crèches.] Caisses d'épargne. [Sociétés de secours mutuels]. [Monts-de-piété. Secours divers].

Y.—Etablissements de répression. Maisons centrales. Prisons départementales. Dépôts de mendicité.

Z.—Affaires diverses ne rentrant pas dans les séries précédentes. [Annexe: Publications officielles des ministères, administrations publiques, conseils généraux, municipalités, établissements divers etc].

Cadre spécial pour les séries L et Q *).

L.—Département. Lois et décrets (imprimés). — Registres de transcription des lois et décrets. — Délibérations du conseil général du département.—Délibérations du directoire de département.—Délibérations de l'administration centrale du département. — Arrêtés des représentants du peuple en mission.—Registres d'ordre de la correspondance [et registres de correspondance].—Affaires diverses (dans l'ordre des séries M. á Z).

Districts. Registres de transcription des lois et décrets.—Délibérations du directoire de district.—Registres d'ordre. Affaires diverses (dans l'ordre des séries M. à Z).

Cantons. (Par ordre alphabétique.) Registres de transcription des lois et décrets. — Délibérations de la municipalité de canton. — Affaires diverses.

Fonds divers. (Par ordre alphabétique.) [Tribunaux révolutionnaires].—Sociétés populaires.—Comités de surveillance.—Melanges.

Q. Affaires générales. Instructions, correspondance etc. (département, districts).—Rachat des droits féodaux.

*) Циркуляръ 11 ноября 1874 г.

Vente des biens nationaux.

1°. Immeubles. Procès-verbaux d'estimation. Soumissions d'acquerir. Actes de vente et pièces à l'appui antérieurs au 28 ventôse an IV. Répertoires.

2. Meubles... Procès verbaux d'estimation et de vente et pièces à l'appui.

Administration du séquestre des biens.

Affaires générales. — Liste civile. — Etablissements religieux. — Emigrés et étrangers (liste générale des émigrés). Liquidation de l'indemnité payée aux émigrés. Administration et contentieux des domaines. - Biens communaux vendus en 1813 au profit de la caisse d'amortissement.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Cadre de classement pour les archives communales antérieures à 1790 *).

AA.—Actes constitutifs et politiques de la commune.

Privilèges et franchises; cartulaires de la cité; coutumiers; chartes des rois, des princes, des villes et des seigneurs relatives à la constitution et aux privilèges et franchises de la commune; correspondance des souverains, corps d'Etat, gouverneurs et autres personnages, avec la commune; cérémonies, entrées solennelles des princes, etc. — Nominations des députés aux états généraux ou provinciaux; messages envoyés des villes.

BB.—Administration communale.

Delibérations des conseils de ville, élections, nominations des maires, consuls, échevins, officiers de ville etc. Registres de réception des bourgeois.

CC.—Impôts et comptabilité.

Taxes perçues au nom du roi, des seigneurs, des états de la province; comptes des recettes et dépenses; octrois, rentes, droits divers;

*) Циркуляръ 25 августа 1857 г.

fournitures, commandes; pièces à l'appui des comptes; dettes de la ville, emprunts, etc.

DD.—Propriétés communales; eaux et forêts; mines; édifices; travaux publics; ponts et chaussées; voirie.

Titres et baux des propriétés communales, terres, maisons, rentes etc.—Administration forestière, affermage de la chasse et de la pêche; navigation, cours d'eau, etc.—Concession et exploitation de mines; établissement, entretien des routes, des ponts, des ports etc. — Constructions, réparations, démolitions d'édifices publics; hôtels de ville, églises, hôpitaux, prisons, fontaines, théâtres; halles; cimetières. Entretien, embellissements, pavage, éclairage; incendies, inondations.

EE.—Affaires militaires; marine.

Ban et arrière-ban; montres militaires, arbalétriers, archers, arquebusiers, milices bourgeoises, troupes à la solde de la ville; fortifications; artillerie; casernes, logements militaires, passages de troupes; entretien de prisonniers; faits de guerre. — Constructions, armements de vaisseaux; entrée, sortie des navires; pêche maritime; fortification des ports et des côtes; phares; école de marine etc.

FF.—Justice; procédure; police.

Sénéchaussée, bailliages, prévôtés; juridiction consulaire; procès intentés ou soutenus par la commune; répression des séditions et délits, exécutions, police des théâtres, des jeux et lieux publics; emprisonnements, maréchaussée etc.

GG.—Cultes; instruction; assistance publique.

Actes provenant des paroisses; registres des naissances et des décès avant 1790; clergé séculier et régulier; chapelles, confréries; comptes et inventaires des fabriques. Exercice de la religion réformée, poursuites contre les protestants, saisie et gestion de leurs biens.—Culte israélite.—Universités, collèges, jésuites, oratoriens, etc.; écoles de droit, de médecine, de dessin, sciences et arts.—Reglements et administration des hôpitaux, maladreries, asiles d'aliénés, bureaux de secours; mendicité, epidémies etc.

HH.—Taxe des grains, des denrées; règlements pour les moissons et les vendanges; cours d'agriculture; épizootie; foires et marchés.—Usines, manufactures; colportage; exploitation etc.—Règlements de commerce; corporations d'arts et métiers; statuts; commerce maritime.

II.—Documents divers; inventaires, objets d'art etc.

Minutes, protocoles de notaires, collections de placard, d'affiches; livres, manuscrits, cartes, plans, tableaux, estampes.—Inventaires anciens et modernes des archives; armes, antiquités, et tous autres papiers ou documents ne se rattachant pas aux séries précédentes.

Cadre de classement pour les archives communales postérieures à 1790*).

A.—Lois.

Lois, édits, déclarations, ordonnances antérieures au Bulletin des lois. Bulletin des lois.

B.—Actes imprimés de l'administration départementale.

C.—Bibliothèque administrative.

Publications officielles, ouvrages d'administration, livres divers, journaux, annuaires, cartes.

D.—Administration générale de la commune.

1. Délibérations du conseil municipal.

Procès-verbaux; pièces à l'appui, commissions, rapports etc.

2. Actes de l'administration municipale.

Registres des arrêtés du maire.—Registres de correspondance.—Répertoires.—Collection des placards et affiches.

3. Affaires municipales diverses.

Constitution de la commune; détermination ou modification de son territoire. Fixation de chef—lieu de département, d'arrondissement, de canton.—Concession du titre de bonne ville, d'armoiries (sceaux, cachets).

---

*) Циркуляръ 20 ноября 1879 г.

Mémoires sur l'histoire de la ville; registre des événements remarquables. Inventaire des archives et du mobilier; récolement.

4. Rapports de la municipalité avec l'administration départementale [préfets, sous-préfets, etc].

Collection d'arrêtés manuscrits des représentants du peuple, des directoires de département et de districts, des administrations centrales de département, etc.

E.—Etat civil.

Registres de l'état civil. Tables décennales. Documents annexes; publications, pièces déposées; jugements à transcrire sur les registres. Admissions à domicile; naturalisations. Correspondance avec l'autorité administrative ou judiciaire; instructions, circulaires.

F.—Statistique.

1. Population: recensement et mouvement.

2. Commerce et industrie.

Tribunal et chambre de commerce.—Chambre consultative des arts et manufactures. Conseil des prud' hommes.—Consuls. Sociétés de crédit.—Banque de France.—Crédit foncier etc.—Compagnies et institutions financières et industrielles.—Courtiers et agents de change. Manufacture: travaux et salaires.—Brevets d'invention.—Expositions des produits de l'industrie. Marine marchande, pêche. Statistique commerciale et industrielle.

3. Agriculture.

Sociétés d'agriculture et d'horticulture. — Concours, expositions. — Comices agricoles. Écoles d'agriculture, fermes modèles. Haras, station d'étalons, école de dressage, courses. Art vétérinaire, épizooties.—Vers à soie. Animaux utiles et nuisibles: loups, vipères etc., échenillage.—Plantations et cultures diverses: vigne, tabac etc: — Situation des récoltes. Statistique agricole: états des terres, cultures, bestiaux.—Météorologie.

4. Marchés et subsistances.

Marchés et foires d'animaux.—Marchés d'approvisionnement.—Grenier d'abondance.—Boulangerie, boucherie.—Mercuriales.

5. Statistique générale.

Commissions cantonales.—États divers: liste des mendiants; relevé des hameux et écarts etc.

6. Période révolutionnaire.

Mesures exceptionnelles prises pendant la période révolutionnaire (1790—an VIII): maximum, assignats, etc.

G.—Contributions, administrations financières.

1. Impôts directs.

Etats de sections, déclarations d'héritages, matrices des rôles, antérieurs à la confection du cadastre. Cadastre: procès-verbal de délimitation du territoire, atlas, matrices, états de sections, relevés numériques des parcelles.—Matrices générales des contributions, livres des mutations.—Mandements de répartition des contributions.—Nominations des commissaires répartiteurs.—Patentes.—Impôts sur les voitures, les chevaux de luxe, les billiards etc. Recouvrement forcé. Instructions et correspondances relatives à l'assiette et à la perception des impôts directs.

2. Periode révolutionnaire.

Impôts particuliers à la période révolutionnaire (1780 — an VIII): contribution patriotique, emprunt forcé.

3. Relations de la commune avec les diverses administrations financières.

Trésorerie générale, recette générale, recette particulière, perceptions.—Contributions directes. Contributions indirectes: droits réunis.—Douanes, timbre et enregistrement.—Postes et télégraphes. Forêts. Pensions civiles. Ancienne loterie.

H.—Affaires militaires.

1. Recrutement.

Conscription et levées d'hommes antérieures à 1818. Execution des lois postérieures à 1818. — Armeé de terre: tableaux de recensement,—tirage au sort,—conseil de revision,—contingents,—ordre de route.—Réserve. Armée territoriale (garde nationale mobile). Engagements volontaires. — Volontariat d'un an. Réfractaires. — Congés. — Conscription des chevaux et mulets.—Correspondance relative au recrutement. Armée de mer: levées et réquisitions de marins etc. Inscription maritime, syndicat des gens de mer etc.

2. Administration militaire.

Commandements, divisions et subdivisions militaires. Places de guerre.—Servitudes.—Bâtiments et travaux militaires.—Génie, artillerie.—Poudres et salpêtre. Champs de manoeuvres. — Camps. Etat de siège. Troupes en garnison, gendarmerie, écoles militaires. Casernement, logement

des troupes de passage. Intendance (commissariat des guerres et inspection aux revues).—Subsistances et fournitures diverses, adjudications, comptabilité.—Equipages militaires, convois. — Remontes. — Réquisitions. Ambulances.—Ports militaires et commissariat maritime.—Garde-côtes.—Pensions et secours aux anciens militaires et marins. — Faits de guerre. — Occupation étrangère, relations de la municipalité avec les chefs de corps ennemis, réquisitions, emprunts de guerre etc. Indemnité aux victimes de la guerre.

3. Garde nationale et sapeurs-pompiers.

Organisation. — Contrôles. — Election ou nomination des officiers. — Conseil de discipline.—Armement, équipement, matériel, pompes à incendie. Mobilisation. — Francs-tireurs etc. Periode révolutionnaire (1789 — an VIII).—Fédération des gardes nationales.

I.—Police.

1. Police locale.

Règlements. — Rapports des commissaires, agents de police, gardes champêtres et gardes forestiers. Fêtes, cérémonies, jeux publics, etc. Lieux publics.—Débits de boisson.—Maisons de jeux.—Foires, halles, marchés.— Saltimbanques. Prostitution (surveillance de la).—Maisons de tolérance.— Vagabondage, mendicité. Chiens errants.—Crimes et délits, suicides. Pompes funèbres, inhumations, exhumations, transports des corps. — Police des cimetières — Morgue. Sinistres. — Incendies, inondations. Police urbaine.—Balavage et arrosage des rues.—Glaces, bones, fumiers, vidanges etc. Police rurale.—Glanage, bans de vendange etc. Chasse et pêche.— Couvertures en chaume.

2. Police générale.

Règlements.—Rapports.—Demandes de renseignements. Recherches dans l'intérêt des familles. Feuilles de signalement.—Passeports, livrets. Secours de route. — Emigration. — Police du roulage et des chemins de fer.—Poids et mesures. Imprimerie, librairie, presse périodique, colportage, affichage.—Grèves, coalitions. Protection des enfants du premier âge. Nourrices. — Travail des enfants dans les manufactures. Police des cultes. — Réunions publiques ou privées, cercles, loges maçonniques etc.—Loteries. Police politique, informations confidentielles. Sociétés secrètes.—Etrangers, réfugiés, expulsion, extradition. — Surveillance de la haute police. Police révolutionnaire (1790 — an VIII), suspects, émigrés, prêtres réfractaires, sociétés populaires etc.

3. Justice.

Tribunal de simple police.—Exploits signifiés au maire.—Tribunaux révolutionnaires et extraordinaires.

4. Prisons et dépôts de mendicité.

5. Hygiène et salubrité.

Santé publique.—Conseils d'hygiène et de salubrité. Commission des logements insalubres.—Médecins, pharmaciens, droguistes, sociétés médicales.—Inspection des pharmacies et drogueries.—Sages-femmes.—Epidémies, vaccine.—Dispensaires.—Etablissements insalubres et incommodes, enquêtes. — Surveillance des abattoirs, porcheries. Décharges et dépôts d'immondices.

K.—Personnel; élections.

1. Maires et conseils municipaux.

Nomination ou élection des conseillers municipaux, maires et adjoints, commissions municipales.

2. Agents municipaux.

Bureaux de la mairie.—Archiviste.—Architectes, voyers.—Receveurs, employés de l'octroi. Commissaires et agents de police, garde champêtres et forestiers.—Agents divers.—Caisse de retraites.

3. Affaires diverses.

Questions de préséance.—Réceptions de préfets, sous-préfets, etc.—Visites et relations officielles. Légion d'honneur, médailles, récompenses, belles actions.

4. Plébiscites et autres manifestations générales de l'opinion publique.

5. Élections aux assemblées politiques.

6. Élections aux conseils de département (conseils généraux), d'arrondissement et de district.

L.—Comptabilité et revenus municipaux.

1. Comptabilité.

Budgets et comptes, registres et pièces de comptabilité. Comptes administratifs du maire.—Gestion du receveur municipal.—Emprunts.

2. Taxes municipales et revenus mobiliers.

Octroi, droits de pesage, mesurage et jaugeage, droits de place.—Droits de voirie, taxe sur les chiens, permis de chasse, etc.—Rentes de la commune sur l'Etat, sur les sociétés de crédit, les compagnies industrielles et les particuliers.

M.—Monuments et établissements publics.

(Titres relatifs à la propriété, la construction, l'entretien, l'assurance contre l'incendie.)

1. Établissements municipaux.

Hôtel de ville, beffroi, horloge, magasins municipaux. Corps de garde de police, prison.—Justice de paix. Bâtiment de la pompe à incendie. Bureaux et caserne d'octroi, poids public, halle, abattoirs. Portes et murs d'enceinte, promenades publiques, squares, oeuvres de sculpture et monuments d'archéologie, jeux de paume etc.

2. Établissements du culte.

Églises, chapelles, calvaires, temples protestants, synagogues.—Presbytères.—Cimetières.

3. Établissements charitables.

4. Établissements d'instruction publique.

Facultés, collèges, écoles.—Bibliothèques, musées.—Théâtre.

N.—Propriétés communales.

1. Terres labourantes, paturage, etc.

Titres de propriété, baux.—Vaine pâture, cantonnement etc.

2. Bois.

Propriété et exploitation. — Location de la chasse. Baux et droits divers.

3. Eaux.

Sources, fontaines, châteaux d'eau, concessions d'eau. Eaux minérales.—Mares, abreuvoirs.—Lavoirs. Etangs, baux de la pêche.—Marais salants.

4. Propriété et droits divers.

Bâtiments, carrières (location).—Tangue, varech, etc.

5. Biens nationaux.

Soumission d'acquérir faites par la commune, etc.

O.—Travaux publics,voirie, navigation, régime des eaux.

1. Voirie.

Voirie urbaine: plans des rues, places, ruelles, quais, etc Plans d'alignement.—Percement et élargissement des rues, établissement de ponts et ponceaux. Ventes et acquisitions de terrains, expropriations, alignements, plantations, entretien, pavage, contraventions. Éclairage, tuyaux

pour l'eau et le gaz.—Egouts.—Petite voirie: chemins de grande communication, d'intérêt commun et de petite vicinalité, chemins ruraux (états des chemins).—Ouverture et entretien, etc.—Rôles de prestation.—Rapports de la mairie avec les agents voyers départementaux.—Grande voirie: routes nationales et départementales, etc.—Rapports de la mairie avec l'administration des ponts et chaussées.

2. Travaux divers.

Chemins de fer: établissement de la voie, des gares et stations, enquêtes, expropriations, etc.—Télégraphe, [téléphone], construction.—Mines et minières, carrières souterraines et à ciel-ouvert (demandes d'exploitation, plans, arrêtés d'autorisation).

3. Navigation, régime des eaux.

Rivières et canaux, quais, ports, chemins de halage.—Bateaux, bacs.—Ports maritimes marchands, construction, travaux etc. — Cours d'eau non navigables, ruisseaux.—Aqueducs, canaux d'irrigation et de dérivation.—Curage.—Marais, desséchement. Moulins et usines.

P. — Cultes.

1. Culte catholique.

Création et délimitation de circonscription écclésiastiques.—Erection d'évêché, de cures, succursales, vicariats.—Nomination et installation de curés etc.—Rapports entre l'autorité municipale et le clergé.—Conseils de fabrique. — Administration et comptabilité des fabriques, subventions. — Dons et legs.—Communautés religieuses.

2. Culte protestant.

3. Culte israélite.

4. Cultes divers.

5. Période révolutionnaire. Église constitutionnelle, culte de la raison, théophilanthropes.

Q. — Assistance publique.

1. Bureaux de bienfaisance.

Personnel.—Administration et comptabilité.—Subventions, droits sur les bals et spectacles et autres fêtes, collectes. — Dons et legs.—Affaires diverses.—Statistique.

2. Oeuvres charitables.

Fourneaux, crèches, refuges, etc.—Ateliers de charité.—Sociétés de bienfaisance.—Fêtes, concerts, etc. pour les pauvres.

3. Établissements hospitaliers.

Personnel.—Administration et comptabilité.—Subventions.—Droits sur les bals et spectacles et autres fêtes. Collectes.—Dons et legs. — Affaires diverses.—Statistique.—Sourds-muets, aveugles, aliénés.—Enfants assistés, filles-mères.—Maternités.

4. Institutions diverses.

Caisse d'épargne. — Monts de piété. — Caisse départementale d'assurances contre la grêle et l'incendie. Oeuvre des chaumières etc.

R.—Instruction publique, sciences, lettres et arts.

1. Instruction publique.

Écoles communales primaires.—Instituteurs.—Délégations cantonales et communales.—Cours d'adultes.—Bibliothèques scolaires et populaires.—Mobilier des écoles.—Salles d'asile communales.—Écoles municipales primaires, supérieures et professionelles.—Écoles spéciales de musique et de dessin. Collège communal: personnel, comptabilité, bourses.—Facultés de l'État, lycées, écoles normales.—Rapports de la municipalité avec l'administration de l'instruction publique.—Enseignement libre: facultés, collèges, écoles diverses, cours publics.

2. Sciences, lettres et arts.

Académies et sociétés savantes.—Bibliothèque de la ville: personnel, achats de livres etc.—Musée, cabinet d'histoire naturelle, jardin botanique, personnel, collections. — Monuments historiques. — Expositions spéciales d'oeuvres d'art.—Théâtres: subventions, traités avec les directeurs.

S.—Pièces diverses ne rentrant dans aucune des séries précédentes.

Mobilier de la mairie.

(Pour les communes importantes, le mobilier doit faire l'objet d'un inventaire séparé).

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

Cadre de classement pour les archives hospitalières *).

A.

Actes de fondation de l'établissement.—Diplômes et privilèges émanés

*) Циркуляръ 10 іюня 1854 г.

des papes, rois, évêques, seigneurs.—Cartulaires.—Ordonnances, décisions et autres actes relatifs à l'établissement, émanés des diverses autorités.

B.

Titres de propriété: donations, échanges, acquisitions.—Terres, maisons, cens, rentes.—Registre concernant les biens, les revenus les droits utiles de l'établissement, baux.—Pièces de procédure, mémoires etc.

C.

Matières ecclésiastiques en général.—Chapelle, aumônerie, cimetière, nécrologes, obituaires, etc.

D.

Inventaires généraux et partiels.—Instructions, lettres, récépissés et autres pièces relatives au dépôt même ou au service du dépôt des archives.—Catalogue de la bibliothèque.

E.

Administration de l'établissement.—Délibérations, nominations, règlements.—Budjets et comptes, états des recettes et dépenses. — Economat, fournitures, entretien des bâtiments.—Inventaires de mobilier, livres de caisse, etc.

F.

Registres d'entrée et de sortie des personnes admises dans l'établissement.—Religieux et religieuses. — Service intérieur. — Domestiques. — Service médical.—Infirmiers.—Demandes d'emploi et d'admission.

G.

Papiers et registres des institutions succursales de l'établissement.— Ancien bureau des pauvres; mendicité; tutelle des enfants trouvés et orphelins; écoles, salles d'asile; sages-femmes, vaccine, etc.

H.

Papiers et correspondances diverses ne rentrant pas dans les séries précédentes.

Изъ древнѣйшей исторіи литовскаго племени [1]).

Послѣ того, какъ въ началѣ нашего столѣтія выступила на сцену новая наука, сравнительное языкознаніе, доказавшее близкое родство между языками и народами почти всей Европы и значительной части Азіи, естественнымъ образомъ возникла мысль о возможности возстановлять и тотъ пра-языкъ, потомками котораго оказались родственные языки. Разъ это было сдѣлано, уже не трудно было судить и о культурномъ развитіи народа, говорившаго на этомъ гипотетическомъ языкѣ, того пра-народа, изъ котораго вышли родственные по своимъ языкамъ народы. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ исторію изученія этой культуры, но зато я позволю себѣ отмѣтить особенную важность лингвистическихъ данныхъ въ смыслѣ матеріала для изученія культуры народа. Въ то время, какъ факты матеріальной археологіи при всей своей видимой несомнѣнности ничего не говорятъ намъ о народности племени, которому принадлежали выкопанные предметы, и развѣ въ очень незначительной степени опредѣляютъ время, когда они сдѣланы или зарыты, или выброшены прочь; въ то время, какъ данныя этнологіи такъ противорѣчатъ другъ другу, что до сихъ поръ не установился даже критеріумъ для опредѣленія этническихъ признаковъ расы;—въ то же время лингвистическій матеріалъ указываетъ прямо и положительно на народъ, владѣвшій этимъ матеріаломъ, и на сравнительную отдаленность времени, когда записаны слова одного и того же языка. Правда, оборотная сторона медали по отношенію къ лингвистикѣ заключается въ методологической трудности

---

*) Вступительная лекція, прочитанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 23 сентября 1897 г.

использованія ея данныхъ. И вотъ—одна школа на основаніи совпаденія словъ въ двухъ индогерманскихъ языкахъ, принадлежащихъ народамъ, искони не сосѣдившимъ другъ съ другомъ, заключаетъ о существованіи этого слова и въ нераздѣльномъ пра-языкѣ, а отсюда—и о знакомствѣ пра-народа съ предметомъ, названіемъ котораго служило это слово. Подобнымъ же образомъ строются заключенія о характерѣ индогерманскихъ звуковъ, причемъ эти заключенія обладаютъ, по мнѣнію приверженцевъ догматическаго языкознанія, настолько безспорнымъ характеромъ, что между двумя серьезнѣйшими учеными существуетъ настоящій разладъ по вопросу о произношеніи древнѣйшаго гласнаго *ѣ*. Съ другой стороны, критическое направленіе языкознанія, сильнѣйшимъ выразителемъ котораго я позволю себѣ назвать Кречмера, автора недавно вышедшей книги «Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache» (Göttingen. 1896), прямо отказывается отъ надежды возстановлять древнѣйшее произношеніе того или другого звука. Не менѣе скептически оно относится и къ вопросу объ индогерманской культурѣ. «Кто измѣритъ всѣ трудности, которыя препятствуютъ опредѣлить пра-родину даже отдѣльнаго народа», говоритъ Кречмеръ, «тотъ, навѣрное, не захочетъ опредѣлять родину гипотетическаго пра-народа». Какъ бы далеко въ глубь вѣковъ мы ни заглянули, повсюду мы найдемъ слова, которыя распространялись путемъ заимствованія отъ одного человѣка къ другому, отъ одной народности къ другой. Процессъ созданія новыхъ словъ и звуковыхъ измѣненій идетъ непрерывно, но такъ же безостановочно совершается и ихъ распространеніе, а потому совершенно невозможно говорить объ единомъ пра-народѣ, не знающемъ діалектическихъ подраздѣленій. Если мы встрѣчаемъ одно и то же слово во всѣхъ индогерманскихъ языкахъ (хотя это бываетъ крайне рѣдко), то мы можемъ заключить отсюда вовсе не то, что это слово принадлежало уже пра-народу, но только то, что оно вышло изъ одного центра и распространилось отъ одного народа къ другому еще въ эпоху близкаго сосѣдства индогерманскихъ народовъ. Исторія должна начинать съ совмѣстной жизни цѣлой группы индогерманскихъ народовъ, а не съ воображаемаго «пра-народа». Возьмемъ, для примѣра, слово *соль*. Оно является общимъ для западныхъ индогерманскихъ народовъ, но отсутствуетъ у восточныхъ, а между тѣмъ эти послѣдніе не могли не знать соли, которою покрыты ихъ степи. По мнѣнію Кречмера, это объясняется очень просто: западные народы получали соль изъ одного общаго источника, а восточные добывали ее на самомъ мѣстѣ ея рожденія; вмѣстѣ съ различіемъ источниковъ добычи соли явилось и различіе въ названіяхъ ея. На мой взглядъ, это

мнѣніе находитъ себѣ весьма важное подтвержденіе въ томъ фактѣ, что общефинское названіе соли тожественно съ индогерманскимъ; это—фин. *suola*, морд. *sal* и др. Вообще, въ финскихъ и индогерманскихъ языкахъ найдется не мало весьма древнихъ словарныхъ, фонетическихъ и морфологическихъ совпаденій, а это указываетъ на древнее сосѣдство двухъ этнически, можетъ быть, и неродственныхъ племенъ. Будущему предстоитъ разсмотрѣть съ этой цѣлью, но безъ предубѣжденій, драгоцѣнный матеріалъ, собранный гг. Андерсеномъ и Кепгеномъ. Такимъ образомъ, первый фактъ, который даетъ намъ лингвистическая археологія, заключается въ признаніи сосѣдства индогерманскаго и финскаго племенъ. Переходя на почву литовскаго и славянскаго языкознанія, мы находимъ другой почти несомнѣнный фактъ: именно, необходимость допустить существовавшее когда-то славяно-литовское языковое единство. Въ чемъ же оно состояло?

Литовскій языкъ, извѣстный намъ съ XVI вѣка въ нарѣчіяхъ трехъ народовъ: собственно литовскаго, латышскаго и прусскаго, представляетъ поразительное сходство со славянскими языками въ области грамматики и словаря. Чѣмъ болѣе изучаются славянскіе языки, съ одной стороны, и литовскіе, съ другой, тѣмъ разительнѣе дѣлается это сходство. Кажется, можно сказать, что всякое древнее славянское слово найдется въ какомъ-нибудь живомъ говорѣ или древнемъ памятникѣ одного изъ литовскихъ языковъ, и притомъ фонетическая сторона этого литовскаго слова нерѣдко служитъ подтвержденіемъ возстановляемой пра-славянской формы его. Такъ, слав. слово *зѣлъ* восходитъ къ формѣ *gailus*, которая и существуетъ въ литовскомъ языкѣ, слово *цѣна* въ его древнѣйшей формѣ *kaina* было найдено покойнымъ лингвистомъ В. Ив. Юшкевичемъ въ одномъ изъ литовскихъ говоровъ. Подобнымъ образомъ формы съ полногласіемъ и перестановкой плавнаго, вродѣ *береза—брѣза*, *сторожъ—стражъ*, находятъ себѣ объясненіе изъ литовскихъ формъ—*beržas* (береза), *sargas* (сторожъ) и др. Это сходство идетъ и дальше: различіе формъ *во́ронъ* и *коро́ва* въ смыслѣ ударенія сказывается и въ литовскомъ языкѣ въ различіи вида ударенія. Перестановкѣ плавнаго, можно думать, предшествовало удлинненіе предыдущаго гласнаго. Такое удлинненіе мы находимъ и въ латышскомъ языкѣ, который, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ (напр. въ отраженіи индогерманскихъ мягкихъ гортанныхъ, въ смягченіи гортанныхъ и т. под.) является переходнымъ говоромъ отъ собственно-литовскаго къ славянскимъ языкамъ. Въ системѣ склоненія и спряженія мы видимъ новое доказательство въ пользу существованія славяно-литовскаго языкового единства. Въ этой области довольно много данныхъ собрано польскимъ ученымъ,

Jan'омъ *Hanusz*'емъ [1]), а я позволю себѣ привести всего нѣсколько образцовъ этого сходства. Такъ, мы видимъ лит. *akimì* рядомъ со славян. *пѧтьмь*, *akimìs*—*пѧтьми*, *akimus*—*пѧтьмъ*, *sunaus* рядомъ съ *сыноу*; далѣе, новообразованія въ области суффиксовъ: *ратай* и *artojis*, гдѣ старый суффиксъ *to(r)* перешелъ въ систему склоненія словъ на *jo*. Въ области синтаксиса передъ нами такія совпаденія, какъ два отрицанія при глаголѣ, замѣна винит. падежа родительнымъ при отрицаніи, творительный падежъ въ сочетаніяхъ, вродѣ нашихъ *избрать королемъ* и т. п., родительный раздѣлительный, какъ у насъ, въ выраженіяхъ: *принеси мнѣ воды* и т. д.

Всѣ эти данныя позволяютъ заключить о томъ, что было время, когда литовское племя жило въ ближайшемъ сосѣдствѣ со славянскимъ, хотя нельзя на основаніи только этого думать, что эти два племени составляли когда нибудь одно цѣлое въ этническомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, факты лингвистики не принуждаютъ насъ къ такому выводу. Подобнымъ образомъ, если вы позволите мнѣ коснуться германистики, нѣкоторыя общегерманскія звуковыя явленія развились уже въ ту пору, когда объ этнологическомъ единствѣ германскихъ племенъ не можетъ быть и рѣчи, т. н., во II—III-емъ вѣкѣ послѣ Р. Х. [2]).

Въ настоящее время еще совершенно невозможно создавать какую бы то ни было хронологію славяно-литовскаго языкового единства; въ нашихъ рукахъ нѣтъ, кажется, ровно никакихъ данныхъ для самаго приблизительнаго опредѣленія его времени и мѣста. Другое дѣло общелитовское единство. Здѣсь мы стоимъ уже на сравнительно прочной почвѣ. Именно, мы можемъ думать, что литовцы держались близко отъ латышей еще очень долго, хотя при изученіи древнѣйшихъ культурныхъ отношеній литовскаго племени къ его иноплеменнымъ сосѣдямъ, отношеній, отразившихся на словарѣ, мы имѣемъ дѣло по преимуществу съ литовскимъ, а не съ латышскимъ языкомъ. Такъ, по мнѣнію извѣстнаго датскаго ученаго, проф. Томсена [3]), финны нѣкогда должны были жить гдѣ-то въ средней Россіи, причемъ въ это время западные финны находились еще въ непосредственной связи съ восточными, такъ что слова, имѣющіяся въ эстонскомъ или финляндскомъ и въ мордовскомъ языкахъ, могутъ восходить къ этому періоду сожитія финскихъ

---

[1]) Въ Rozprawy... wydzialu Filologicznego Akademii Umiejętności. Tom. XI. Krakow. 1886.

[2]) *Kluge* въ *Grundriss d. germ. Philol.* I, стр. 362.

[3]) Въ его сочиненіи *Beröringer mellem de finske og de baltiske Sprog*. 1890.

племенъ. И вотъ въ этомъ общефинскомъ языкѣ мы находимъ уже нѣсколько словъ, заимствованныхъ изъ литовскаго языка. Къ числу такихъ словъ послѣдніе изслѣдователи, гг. Пазоненъ [1]) и Сетала, относятъ названія *ремня* (лит. *siksná*), *проса* (лит. *suras*), *ножа* (лит. *peilis*=морд. эрз. *peel*, мокш. *pejel*). Въ то же время общефинскій языкъ принялъ въ себя довольно значительное количество индоиранскихъ словъ для обозначенія домашнихъ животныхъ (*борова*, *теленка*), орудій и оружія (*молота*, *песта*), цвѣта (*синій*), счета (*сто*) и др. Однако въ восточнофинскихъ языкахъ, напр. въ мордовскомъ яз., такихъ иранскихъ заимствованій гораздо больше, чѣмъ въ общефинскомъ языкѣ, и заимствованія носятъ болѣе цѣльный характеръ, служа для наименованія *бога* (*paz-bahas*) *господина* (*azora*=зенд. *ahura*), вообще *человѣка*. Казалось бы, при такомъ положеніи дѣла мы могли бы ожидать присутствія иранскаго элемента и въ литовскомъ языкѣ. Считаю лишнимъ упоминать, что въ носителяхъ иранскаго элемента я вижу, согласно съ Мюлленгофомъ и Миллеромъ, съ одной стороны скиѳовъ, съ другой, родственныя имъ иранскія племена, напр. сарматовъ и аланъ, предковъ современныхъ осетинъ. Однако въ литовскомъ языкѣ развѣ одно слово *balandis* (дикій голубь) можно считать пока заимствованіемъ изъ иранскаго языка и сравнивать съ осетинскими формами множ. чис. *bälädti*, *bälonti* (голуби), которыя и здѣсь не имѣютъ этимологіи. Съ другой стороны, славянскіе языки имѣютъ несомнѣнные иранскіе элементы въ словахъ, означающихъ *собаку*. Это, во-первыхъ рус. *собака*, предполагающее, какъ свой оригиналъ, существующую иранскую форму *sabaka;* далѣе, хорв. *kuja* (*canis femina*) въ сравненіи съ осет. *khug* (собака), отъ котораго, можетъ быть, произведены и словинскія слова съ тѣмъ же значеніемъ: *kuzel*, *kuželj*, *kuzck*, *kuzlak* и др. [2]). Однако какъ эти слова, такъ и другія (*пенька*, *невѣста*, которое въ осетинскомъ языкѣ уцѣлѣло въ формѣ *nvostä* и др.) неизвѣстны въ общеславянскомъ языкѣ, а стало быть, мы въ правѣ заключить, что въ эпоху иранофинскихъ сношеній славяне жили въ отдаленіи и отъ иранцевъ, кочевавшихъ на юго-востокѣ Россіи, и отъ финновъ, жившихъ въ средней Россіи. Отъ этихъ послѣднихъ они были, по всей вѣроятности, отдѣлены литовскими племенами, причемъ ближе всего къ восточнымъ финнамъ и къ иранцамъ жилъ собственно литовскій народъ, а славяне сосѣдили съ предкомъ латышскаго и древне прусскаго нарѣчія и вмѣстѣ съ нимъ остались въ сторонѣ отъ области, хоть

---

[1]) Мой переводъ ихъ статей см. въ журн. Мин. Народ. Просв. 1897 г. іюнь.

[2]) Matzenauer. Zist. fil. a ped. IX, 34 и 41.

сколько нибудь извѣстной греческимъ историкамъ. Весьма важно, что названіе рѣки Нѣмана тожественно въ литовскомъ и славянскомъ языкахъ, но указываетъ ли это на какой-нибудь фактъ изъ географіи славяно-литовскаго единства, сказать трудно. Скорѣе нѣтъ, потому что названіе Нѣмана (*Niemen, Нѣмонъ*) знаютъ только русскій и польскій языки. Притомъ на поселеніе литовцевъ въ центральной Россіи указываютъ до сихъ поръ географическое названіе *Упа* (*upe рѣка*) и существованіе на рѣкѣ Протвѣ литовскаго народа *Голяди*, покореннаго въ XII вѣкѣ русскими князьями. Географъ II стол. по Р. Х. Птолемей знаетъ нѣсколько литовскихъ племенъ, изъ которыхъ два: *Галинды* (*Голядь*) и *Судины* (*Судавія*) уцѣлѣли до поздняго времени. Эти племена жили къ востоку отъ венедовъ (славянъ), занимавшихъ все побережье Венедскаго залива и сосѣдившихъ съ гютонами, т. е. готами.

Слѣдующій фактъ въ исторіи литовскаго племени приводитъ насъ опять въ столкновеніе съ финнами, но картина уже совершенно перемѣняется. Мѣсто дѣйствія передвигается на западъ по направленію къ Балтійскому морю. Литовскія племена придвигаются къ самому морю и подъ именемъ *Айстовъ* становятся извѣстны римлянамъ, главнымъ образомъ благодаря своему *янтарю*. Съ юга съ ними граничатъ славяне, вѣроятно, уже раздѣлившіеся на племена, съ востока—западные финны. Съ юга, съ Вислы, на всѣ эти народы, кажется, едва-ли не одновременно оказали сильное вліяніе германцы въ лицѣ готовъ; цѣлый рядъ словъ перешелъ изъ германскаго языка въ литовскій, славянскій и финскій: это лит. *katilas*, фин. *kattila*, слав. *котьлъ*, гот. *katils; кънѧзь*=лит. *kuningas*, фин. *kuningas*, др.-в.-нѣм. *chuning*; гот. *runa* (рѣчь, совѣтъ), латыш. *runa*, фин. *runo* (пѣснь); др.-в.-нѣм. *stuba*, лит. *stubá*, слав. *истъба*, фин. *tupa* и др. Томсенъ предполагаетъ, что финскія слова взяты изъ германскаго языка не непосредственно, а черезъ литовцевъ, которые были издавна сосѣдями финновъ. По крайней мѣрѣ, древнѣйшій слой финскихъ заимствованныхъ словъ принадлежитъ литовскому языку, а германскія заимствованія представляютъ уже новыя звуковыя соотношенія. Въ пору готскаго вліянія, которое надо относить къ первымъ вѣкамъ нашей эры, славяне были уже значительно отдѣлены отъ литовцевъ, такъ какъ цѣлый рядъ словъ взятъ изъ германскаго языка отдѣльно славянами и отдѣльно литовцами. Къ числу первыхъ относятся слова, вродѣ *ирьхы, иѫта* и др., къ числу вторыхъ такія слова, какъ лит. *kaimas*, прус. *caymis*, лат. *cëms* (дворъ), которыхъ не знаетъ славянскій языкъ со своимъ правильнымъ соотвѣтствіемъ гот. *haims*—*семья*. Финны восточные и западные тоже жили уже порозь. Однако въ

эпоху готскаго владычества въ средней Россіи, относящагося къ серединѣ VI вѣка, ко временамъ царя Эрманариха, готы распространили свое вліяніе и на мордву, которую Іорнандъ знаетъ подъ именемъ *Mordens*.

Вотъ нашъ второй шагъ въ древнѣйшей исторіи литовскаго племени. Еще черезъ нѣсколько вѣковъ медленнаго роста и распространенія племенъ, мы находимъ приблизительно то же распредѣленіе народовъ, что и теперь. Побережье Балтійскаго моря занято литовскими и финскими племенами съ одной стороны и скандинавскими съ другой, и между этими племенами начинается живой культурный обмѣнъ. Если я не ошибаюсь, этотъ обмѣнъ замѣченъ лишь недавно, но факты настолько краснорѣчивы, такъ сами бросаются въ глаза, что обходить ихъ молчаніемъ невозможно. Финскому ученому, г. Микколѣ, принадлежитъ, кажется, честь впервые свести нѣсколько словъ, указывающихъ на сношенія литовцевъ со скандинавами. Не забудемъ, что въ это время литовцы уже раздѣлялись на литву и на латышей, а финны на сумь и эстовъ. Вотъ нѣсколько словъ изъ области миѳологіи, которыя общи скандинавамъ и литовцамъ: лит. *vėlės* (душа умершихъ), *vėlnias* (чортъ) и др.-сѣв. *valr* (смерть), *valtívar* (=*val*+*tivar*), *valkyrjur*, норв. *valdöger* (*schutsgeist*) [1]; лит. *perkunas* (богъ грома)—сканд. *Fjorgyn* (мать Тора); лит. *ragana* (вѣдьма)—др. сѣв. *regin* или *rogn* [2]) (то великанъ, то карликъ—миѳическое существо) и др. Къ числу этихъ словъ слѣдуетъ присоединить названіе миѳическихъ существъ, вродѣ *василисковъ* (или змѣевъ, хранителей дома, вылупляющихся изъ пѣтушьяго яйца), которое обще скандинавамъ и англосаксамъ, какъ и названіе валькирій, далѣе—литовцамъ, латышамъ и эстонцамъ: это слово—*pukis*, исланд. *puki*, эстон. *puuk* [3]). Скандинавскій великанъ *Ymir* точно соотвѣтствуетъ латышскому миѳическому существу *Iumis*; наконецъ, можетъ быть, не будетъ слишкомъ смѣло сопоставлять лит. *jūdas* (чортъ), лат. *jōds* (злой духъ), эст. *judas*, ф. *juutas* (чортъ) со скандинавскимъ *jotr* и *juti* (великанъ). Если это сопоставленіе вѣрно, то мы пріобрѣтаемъ и хронологическій пунктъ, послѣ котораго невозможно заимствованіе, именно переходъ *d* въ *t* въ германскихъ языкахъ совершился въ первыхъ вѣкахъ нашей эры. Къ тому же выводу приводитъ сопоставленіе др.-сѣв. *tjara* (=*tervon*), *смола* съ лит.-лат. *derva* и эстон. *torw*, венд. *torw* и др. Только изъ германскаго языка возможно заимствованіе лит. *ėras* (овца) и эст. *jähr* (козелъ). Въ древне-сѣв. языкѣ мы находимъ слово *aer* (овца),

---

[1]) Germanische Mythologie von Elard Hugo Meyer. Berlin. 1891, стр. 175. §. 235.

[2]) Ibd. §. 246, стр. 183.

[3]) См. статью Аунинга въ Magazin d. lett.—liffer. Gesel. 19 т. часть I, стр. 104—105.

форма котораго представляетъ *i-Umlaut* сравнительно съ латинскимъ *areis* и слав. *ірьць*. На основаніи звука *ae*, въ который переходитъ *a*, можно думать, что заимствованіе совершилось раньше 300 г. по Р. Х., такъ какъ къ этому времени звукъ *ae* уже замѣняется черезъ простое а [1]). Далѣе, передъ нами слово, которое, вѣроятно, перешло къ сосѣдямъ изъ скандинавскаго языка: это названіе *пива*. У скандинавовъ и англосаксовъ оно имѣетъ значеніе не только *пива*, но и *хмеля* (*похмелья*, *пирушки*), чтó указываетъ на исконность у нихъ этого слова. Въ формѣ *alud*, о которой можно заключать по англосаксон. *ealod*, *ealu* и др.—швед. *ol* (дат. мн. *oldum*), это слово перешло отдѣльно къ финнамъ, гдѣ сохранилось въ видѣ ф. *olut*, эст. *olut*, и отдѣльно къ литовцамъ, гдѣ мы видимъ лит. *alus*, лат. *alus*, прус. *alu*.

Я не стану злоупотреблять вашимъ вниманіемъ, приводя и другія слова, которыя подтверждаютъ мою мысль о древнѣйшихъ сношеніяхъ литовцевъ сначала съ финнами, потомъ съ готами и наконецъ со скандинавами. Я позволю себѣ только замѣтить, что при тщательномъ пересмотрѣ словаря сѣверно-европейскихъ народовъ было бы возможно изучить ихъ древнѣйшую исторію въ извѣстной полнотѣ. Изслѣдованіе данныхъ матеріальной археологіи при томъ условіи, чтобы оно шло отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, углублялось бы въ глубь отъ сравнительно недавнихъ временъ и достаточно извѣстныхъ формъ предметовъ,—это изслѣдованіе привело бы насъ къ такимъ результатамъ, о которыхъ мы теперь не можемъ и грезить. Матеріальная и лингвистическая археологія должны дѣйствовать сообща, и тогда историческая карта Европы освѣтится передъ нами. Изученіе культурныхъ сношеній народовъ балтійскаго побережья подвело бы насъ ко времени призванія варяговъ и показало бы намъ, почему на литовской территоріи мы находимъ чисто скандинавскія мѣстныя названія. Я думаю, что при этой работѣ не слѣдовало бы пренебрегать и изслѣдованіемъ легендъ и преданій, связанныхъ съ извѣстными мѣстами: можетъ быть, подъ книжными наносами изслѣдователь натолкнулся бы на такія совпаденія въ преданіяхъ балтійскихъ народовъ, которыя восходятъ къ устной исторической традиціи древнѣйшихъ временъ. Но все это дѣло будущаго! **А. Погодинъ.**

---

[1]) *Noreen*. Altisländische und altnorwegische Grammatik. Halle. 1892. S. 54. Шрадеръ отмѣчаетъ еще одно слово, распространенное среди скандинавовъ и славянъ для обозначенія *лодки*. Это др.-сѣв. *ledja* (ср. *Ellidi*, корабль въ сагѣ о Фритьофѣ), лит. *eldija*, др. сл. ладиꙗ, алъдиꙗ, мадьяр. *ladik*; происхожденіе этой группы словъ неизвѣстно. Schrader. Linguistische historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde. Iena. 1886, стр. 55.

Описаніе семи новгородскихъ соборовъ по списку XVI в. С.-Петербургской библіотеки Св. Синода.

Въ сборникѣ С.-Петербургской библіотеки Святѣйшаго Синода, который представляетъ изъ себя прекрасно-сохранившуюся рукопись въ 4-ку изъ 169-ти листовъ, писанную разными почерками первой и второй половины XVI вѣка, на 163 а—166 а листахъ помѣщена статья безъ оглавленія, въ которой не только перечисляются, но и распредѣляются по семи соборамъ церкви Великаго Новгорода, а въ концѣ подводится итогъ всѣмъ новгородскимъ церквамъ, придѣламъ и службамъ. Приводя ниже текстъ статьи, считаемъ не лишнимъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Распредѣленіе новгородскихъ церквей по семи соборамъ въ синодальной рукописи представляетъ нѣчто подобное теперешнему дѣленію городскихъ и сельскихъ церквей на благочинія и, составляя особенность перечня, впервые встрѣчается въ рукописи XVI вѣка, можно сказать даже болѣе,—наша рукопись—единственный памятникъ въ указанномъ родѣ въ русской письменности. Правда, въ Румянцевскомъ музеѣ за № XXXV (Востоковъ: Описаніе, стр. 41) хранятся выписки изъ рукописныхъ книгъ новгородской Софійской библіотеки на 60-ти листахъ, изъ которыхъ въ одной на 38—41 листахъ мы находимъ такой же перечень новгородскихъ церквей. Но, во-первыхъ, онъ представляетъ позднѣйшую выписку, сдѣланную скорописью XIX вѣка, а, во-вторыхъ, онъ дословно сходенъ съ нашимъ, какъ мы убѣдились изъ сличенія приведенныхъ у Востокова отрывковъ—начала и конца перечня. Такое буквальное сходство Румянцевскаго списка съ Синодальнымъ не простая случайность, онъ есть точная копія съ нашей рукописи, что̀ доказывается и тѣмъ, что на оборотѣ верхней крышки переплета подъ словомъ «Соборникъ» значится именно тотъ же 489 №, который указанъ и въ «Описаніи» Востокова: «л. 38. Описаніе церквей новгородскихъ изъ № 489 начинается». Замѣтимъ, что на нижнемъ полѣ первой страницы

перваго листа полууставомъ написано: «Кирилова монасты», а на последнемъ 169 а листѣ внизу скорописью XIX в. (притомъ позднѣйшею) подписано: «Ѳедору Ивановичу Спаскому принадлежитъ книга». Нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что означенная рукопись могла быть въ библіотекѣ новгородскаго Софійскаго собора, но какъ она попала въ С.-Петербургскую библіотеку Св. Сѵнода—еще не разъяснено. Уже по одному тому, что приведенный перечень есть до сихъ поръ единственный древній памятникъ такого рода въ нашей литературѣ, онъ имѣетъ большую цѣну для исторіи новгородскихъ церквей и даже новгородской церкви. Значеніе указаннаго памятника увеличивается еще тѣмъ, что въ немъ находимъ новыя данныя—указанія на церкви, которыя не упоминаются ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ источникахъ. Всѣхъ такихъ церквей—32 и почти всѣ онѣ придѣлы на полатяхъ. Вотъ эти церкви: «На полатехъ ꙋ архаггла ꙋспение прчтые да иліа стыи да зачатіе аннино» (въ перечнѣ не значится придѣлъ св. Николая, который указанъ въ Росписи ружныхъ церквей, составленной при новгородскомъ архіепископѣ Александрѣ 1577—1589 г.), «Аврамей стыи да Симеонъ стыи бгопріимецъ на полатех у възнесения (на Прусской улицѣ), ржтво хво на полатех у покрова на воротех ꙋ околотка, Бори Глѣбъ на полатех у Семена столпника на чюдинцове улицѣ, на полатех аким анна во Власьевскомъ соборѣ, ржтво Ивана на полатех въ Рождество-Богородицкомъ храмѣ въ Десятинскомъ монастырѣ, на добрыни улицѣ спсъ стыи образ, а на полатех Никола, Покровъ на полатех у св. Василія на ерышеве улицѣ, Улиаміа стаа на полатех въ Варваринскомъ монастырѣ на Черницинѣ улицѣ, Знамение прчтые на полатех у Троицы на радамнине ꙋлицѣ, на полатех преплоненье у воздвиженья на визджeньскои улицѣ, Борисъ Глѣбъ на полатех въ церкви рождества Іоанна Предтечи въ Росткинѣ женскомъ монастырѣ, троца на полатех въ церкви св. Николая на Яковлевѣ улицѣ, Покровъ на полатех въ церкви великомученика Мины на досланѣ улицѣ, Никита на полатех въ церкви св. Георгія на Борковой улицѣ, Стефанъ первомчнкъ на полатех въ церкви Рождества Іоанна Предтечи на опокахъ, Борисъ Глѣбъ на погребищи, троца на полатех у Климента на Иворовой улицѣ, Покровъ на полатех въ Богородице-Рождественской церкви Михалицкаго монастыря, Аѳонасей стыи на полатех въ Знаменской церкви, Іакова Перскаго на полатех тамъ же (у архим. Макарія въ Знаменской церкви въ XVI в. показанъ придѣлъ св. апостола Іакова Алѳеева, см. Археол. Описаніе, 1860 г. стр. 234), троца да Козма Демьянъ на полатех въ церкви Спаса-Преображенія на ильинѣ улицѣ, всѣ стые на полатех у благовѣщенія на Михайловѣ улицѣ,

Акимъ Анна на полатехъ въ церкви Павла Исповѣдника въ женскомъ монастырѣ на вареской улицѣ, Иванъ Богословъ да Никола на полате^х въ церкви воскресенія на Павловои улицѣ, Никола да Коу^зма Деміанъ на полате^х въ Ильинской церкви въ славеньско^м концѣ». Особенно бросается въ глаза слѣдующій фактъ. Архим. Макарій, впослѣдствіи покойный архіепископъ донской, утверждая на основаніи лѣтописныхъ данныхъ и грамоты новгородскаго архіепископа Геннадія 1485 г., что въ Новгородѣ въ XV вѣкѣ было семь соборовъ, приводитъ слѣдующій перечень ихъ: 1) Предтеченскій на опокахъ, нынѣ Предтеченская ружная церковь, 2) Успенскій Богородицкій, нынѣ приходская Успенская церковь на Торговой сторонѣ, 3) Яковлевскій соборъ, упраздненная и разобранная въ 1846 г. церковь на Софійской сторонѣ; 4) Четыредесятскій соборъ, т. е. Сорока мучениковъ, находившійся на Яневѣ улицѣ Софійской также стороны; 5) Архангельскій соборъ, нынѣ приходская церковь Архангела Михаила на Торговой сторонѣ и 6) Власьевскій соборъ, обращенный въ приходскую церковь священно-мученика Власія на Софійской сторонѣ [1]). Изъ сличенія перечня синодальной рукописи съ Макарьевскимъ усматривается несогласіе въ слѣдующемъ пунктѣ: Михайловскій соборъ у Макарія называется Архангельскимъ и находится на Торговой сторонѣ, тогда какъ въ синодальной рукописи Михайловскій соборъ значится на Прусской улицѣ Софійской стороны. Разногласіе—крупное и объясняется тѣмъ, что архим. Макарій ошибся. При перечисленіи новгородскихъ соборовъ Макарій неосновательно ссылается на Румянцевскій списокъ и на приходныя книги новгородскаго Софійскаго дома 1577 г. Но Румянцевскій списокъ, какъ уже было сказано, копія съ списка Синодальнаго, слѣдовательно, Михайловскій соборъ не можетъ значиться въ немъ на Торговой сторонѣ. Не значится онъ на Торговой сторонѣ и въ приходныхъ книгахъ 1577 г. Тамъ читаемъ: «марта 21. Взято съ великаго Новаграда со шти соборовъ у поповскихъ старостъ: Яковлевскаго собора у старосты у Егорьевскаго попа Костянтина съ Борковы улицы;... 4) Архангельскаго собора у старосты у Семеновскаго попа у Ѳедора съ Чудинцевы улицы изъ архіепискупли слободы.... за прошлый 84 годъ за великоденское яйцо съ живущихъ церквей 13 рублей 22 алтына и 2 денги» [2]). Замѣтимъ еще слѣдующее: ни Михайловская церковь на Прусской улицѣ, ни таковая же на Торговой сторонѣ въ лѣтописяхъ не именуются соборными, первая же даже не упоминается въ росписи 1615 г., а равно и въ писцовыхъ кни-

[1]) Архим. Макарій: Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ. 1860 г. I. 35.

[2]) Временникъ Моск. Общ. исторіи, кн. 25, смѣсь, 2 стр.

гахъ XVI в. [1]), но та и другая значатся въ числѣ ружныхъ церквей [2]), причемъ вторая именуется такимъ образомъ: «Къ церквѣ соборъ Архангела Михаила, что въ Славенскомъ концѣ, на Михайловѣ улицѣ», откуда ясно, что слово «соборъ» точнѣе опредѣляетъ вб́имя церкви. Ту же ошибку повторяетъ въ своей Исторіи Русской Церкви митрополитъ Макарій [3]). Наконецъ, перечень Новгородскихъ церквей по рукописи XVI вѣка, точно указывая мѣстонахожденіе церквей, имѣетъ значеніе для занимающихся топографіею древняго Новгорода, которая и въ настоящее время еще не вполнѣ выяснена. Когда составленъ перечень новгородскихъ церквей? Востоковъ, по разсмотрѣніи позднѣйшаго списка его, пришелъ къ такому заключенію: «Описаніе сіе сдѣлано повидимому въ XV или въ началѣ XVI в. Въономъ уже показаны придѣлы во имя Петра митрополита, Сергія Радонежскаго, Володимера Святаго, но еще нѣтъ Алексѣя митрополита и Стефана Сурожскаго». Если добавимъ къ этому, что въ перечнѣ не упоминается Покровская обѣтная деревянная церковь, построенная въ одинъ день «за олтаремъ у Іерусалима въ 7035 (1527) году» [4]), то признаемъ, что заключеніе Востокова находитъ себѣ подтвержденіе въ рукописи XVI вѣка.

В великом новѣгородѣ. а҃. й соборъ прѣмрость б҃жія с҃тыи софеи, а вней предѣл на правой сторонѣ акима анны на тоиж сторонѣ в мантирьевѣ придворѣ ржтво прчтые, а на лѣвой сторонѣ в придворѣ иванъ б҃гословъ да в том же придворѣ іван пр҃дтча усѣкновение в темницѣ: а в передне придворѣ стеөан первомчнкъ а ѹ переднее стѣны съ влчдня двора двѣ црквы исповѣдники да Никола да ѹ влчдня двора златаоустъ на воротех: а на дрѹгих петръ митрополит да б҃гоıавление на дворѣ, а на сѣнех на влдчних. г҃. црквы ржтво хв҃о да сергіи с҃тыи да еоуфимей с҃тыи, да за влдчним дворм на бѹевищи афонасеи с҃тыи, да анастасія с҃таѧ, да спс҃ъ млсивый да вхѡд въ іерлмъ да михаилъ с҃тыи на полатех да володимеръ с҃тыи и ѹ ѿколотка на воротех да въскрние оу аколотка на воротех. а тѣи црквы софійско собора. а на прѹскон ѹлицѣ архаггл михаил да ѹ тоиж црквы. г҃. ѡроцѣ. да на полатех ѹ архаггла ѹспение прчтые да иліа стыи да зачятіе аннино. А на тоиж оулицѣ възнесение да на полатех аврамеи с҃тыи, да семеѡн стыи б҃гопріимець

---

[1]) Прозоровскій: Новгородъ и Псковъ (сводъ лѣтописныхъ данныхъ), стр. 124.

[2]) Временникъ Моск. Общ. исторіи, кн. 24, смѣсь, стр. 28, 33.

[3]) Исторія Русской Церкви, Макарія митр. московскаго, т. IV. 1886 г. стрн. 240, примѣчаніе.

[4]) Новгородскія лѣтописи. Изд. Археографической Коммиссіи 1879 г.

да на тои^{ж} ꙋлицѣ введеніе да на полате^{х} никола. да на вороте^{х} покро^{в} ꙋ аколо^{т}ка, а на полате^{х} ржтво хво да прчтаꙗ поꙗса положеніе, да покро^{в} на полате^{х} ꙋ ѡкола^{т}ка^{ж} на вороте^{х} да бори глѣбъ, да андреи стратила^{т}, да ива^{н} златаꙋстъ воколо^{т}кѣ. да ꙗков^{в} стыи бра^{т} гнь на добрынѣ ꙋлицѣ да апли стѣи на рого^{в}кѣ, манастырь женьскои да иванъ стыи оусекновение на чюдинцовѣ оулице, да никола на полате^{х}. да на тои^{ж} оулице семе^{н} сто^{л}пни^{к} да бори глѣбъ на полате^{х} на легощи ꙋлицѣ фро^{л} стыи а на полате^{х} киръ ива^{н}, на фре^{в}кове ꙋлицѣ соборъ гаврила, а на полате^{х} никола а тѣ цркви. в̃. собора михайловьсково с прꙋскои ꙋлицѣ а. г̃. и соборъ власеи стыи на волосове ꙋлицѣ а на полате^{х} аки^{м} анна да на тои^{ж} ꙋлицѣ прчтые ржтво надесꙗ^{т}тины монастырь черньци а придѣ^{л} зача^{т}е ивана и на полате^{х} ржтво ивана да па^{н}телеимо^{н} стыи, а на^{до} добрыни оулицѣ спсъ стыи обра^{з}, а на полате^{х} никола. да спсъ ꙋ ѡколо^{т}ка на вороте^{х} преобра^{ж}ніе, да василеи стыи на ерышеве оулицѣ а покро^{в} на полате^{х}. на черницинѣ оулицѣ варвара стаа манастырь черници а на полате^{х} оулиꙗніꙗ стаа, да в то^{м} же манастырѣ дрꙋгаа црковь всѣ стые на рꙗдꙗдине ꙋлицѣ троца а на полатех знамее прчтые. на ви^{з}^{д}женьскои оулици въздвиже да на полате^{х} препловенье. на лоукинѣ ꙋлицѣ лꙋка стыи. а тѣ цркви влаевьско собора. а. д̃. соборъ. м̃. десꙗцкои на щерковѣ ꙋлици, на полатех покро^{в}, да прѣдѣ^{л} конево^{т}ци стыи спеꙋси^{п} велеси^{п} неласипъ. да на тои^{ж} ꙋлици ѳе^{до}ръ стратила^{т}. на полате^{х} еꙋпатеи стыи на розваже ꙋлици спсъ преображе^{н}е, на полате^{х} василеи кесарійскии да на ꙗневе ꙋлице Костꙗнти^{н} на полате^{х} дмитреи стыи. на тои^{ж} ꙋлици ржство ива пре^{д}тчи манастырь же^{н}скои, а на полате^{х} бори глѣбъ а тѣ цркви. м̃. десꙗ^{т}цко собора, а, е̃, соборъ стыи ꙗков на ꙗковле ꙋлице, на полате^{х} покро^{в} на тои^{ж} ꙋлици никола на полате^{х} тр^{о}ца да наслав^{л}е ꙋлици мина стыи на полате^{х} покровъ да в ко^{н}ци дми^{т}реи стыи, а прѣдѣ^{л} аѳонасеи стыи и кири^{л} на боркове ꙋлице георгіи, на полате^{х} никита. на холопьи ꙋлици козма да^{м}ꙗнъ, на полате^{х} покро^{в}, на тои^{ж} ꙋлици сава стыи, на полате^{х} ржтво пр^{д}тчи, а тѣ цркви ꙗковльско собора да за во^{л}хово^{м} соборнаа црквь ржтво пр^{до}тчи на ѡпока^{х}, да на палате^{х} захарьꙗ стыи, да стефанъ первомчнкъ да на лꙋбеници дмитрей стыи, на полате^{х} бгоꙗвление. на лоубꙗ^{н}ки лꙋка стыи конець лꙋбꙗ^{н}ки геѡргіи стыи. да прѣдѣ^{л} ко^{з}ма демꙗнъ, да бори глѣбъ да бори глѣбъ на погребищи, да Клеме^{н}тъ стыи на иворове ꙋлице, тр^{о}ца на полате^{х}, да на рогатици еꙋпатей стыи, на полате^{х} бгоꙗвленіе. на славкове ꙋлици дмитреи стыи, на полате^{х} ꙋсѣкновеніе пре^{до}ча да бори глѣбъ. на федорове ꙋлици фе^{до}ръ стратила^{т} на полате^{х} покровъ, да семенъ столпникъ. а на никитинѣ ꙋлици никита стыи придѣ^{л} никола. на молоткове ꙋлици

манастырь женьскои на михалици црквь ржтво прчтые, на полатех покровъ, на щитной ѹлици андреи апл҃ъ, на полатех козма демѧнъ, да в том же концы ѡѳимьѧ стаа манастырь женьскои придѣлъ блговѣщеніе, а на конюхове ѹлици бори глѣбъ, на полатех никола, а тѣ црквы ивановъскꙋ собора. а за рѣкою, в҃, црквь съборнаѧ ѹспеніе прчтые на ильинѣ ѹлици на козе борокѣ, придѣл алексеи члкъ бжіи да екатерина стаа, да на тои ж ѹлице знаменіе прчтые, на полатех афонасеи стыи, да ıаковъ перскии, на тои ж ѹлице спсъ преѡбраженє, на полатех троца, да козма демıанъ, да на дворищи никола, на полатех вознесение, да зачѧтіе анны да придѣл варламеи да на томже дворищи оци стіи да прокопей стыи да мироносици ѹсѣкновеніе Ивана прт҃очи, оу неметцкого двора, да пѧтница в торгоу на михаилове ѹлици соборъ архаггла михаила на полатех преѡбраженіе, на тои ж ѹлице блговѣщение, на полатех всѣ стые да филипъ стыи на ноутнои оулици, да никола придѣлъ, павелъ стыи на варескои ѹлици, манастырь женьскои, на полатех бори глѣбъ да аким анна. а придѣлъ семенъ бгоприемецъ да црь костѧнтинъ, да тѹтѡже в҃ црквь въскрние на полатех иванъ бгослов да никола, да в славеньском конци илиıа стыи, на полатех никола, да коузма демıанъ придѣл киръ иванъ, тѹтож. в҃. црквь в том конци петръ стыи, на полатех введение прчтые а тѣ црквы прчтые сбора с козие боротке, а в великомъ новѣгородѣ семь соборовъ да. в҃. црквы за городомъ мирьских, алекѯѣи стыи в гончарскомъ конци да петръ стыи в невъреском конци. а въ. е҃. соборех болших црквеи за ѡколотком в городѣ и здвѣма загородцкима црквами л҃. д҃. а придѣловъ. кѳ҃. а въ колоткѣ болших црквеи. з҃і. а придѣловъ. аі҃. а волоткѣ всѣх пртоловъ. ки҃. а за рѣкою за волхомъ въ. в҃. ю соборех болших, ли҃, а за рѣкою всѣх пртоловъ. ѯз҃ а всѣх црквеи болших в великомъ новѣгородѣ і въ колоткѣ опрıѵ загородцких манастыреи и опрıѵ придѣловъ, п҃, а придѣловъ ѹ тѣх црквеи въ всем новѣгородѣ і во колоткѣ. оі҃. а всѣх пртоловъ в велико новѣгородѣ и воколоткѣ опрıѵ манастыреи загородцких. р҃. да ѯ҃. а҃. пртолъ. а вседневных службъ оу црквеи в велико новѣгородѣ. м҃. да д҃. опрıѵ манастыреи загородцких. а се великии новъгородъ весь описанъ колко внем црквеи опрıѵ монастыреи загородцких.

А. Никольскій.

Новое, неизвѣстное въ печати, чудо Преподобнаго Варлаама Хутынскаго.

Въ рукописномъ сборникѣ Императорской Публичной Библіотеки за № О. I. 304 второй половины XVII в. на листахъ 10 б—15 б находится статья, которая имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Явленіе и наказаніе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Варлаама Хутынскаго Новгородскаго чюдотворца еже бысть р҃ол апрѣля д҃і». Статья эта очень интересна и ее стоитъ привести здѣсь цѣликомъ.

«Бысть оубо в великоᵐ новѣградѣ, близъ Хутынѧ мн҃трѧ знаменіе страшно и оужаса исполнено сице. живоущꙋ оубо близъ мн҃трѧ прп҃бнаго и бг҃оноснаго отца нашеᵍᵒ варлама на митропольи посадцы, члкꙋ нѣкоемꙋ именемъ иваⁿнꙋ. апрѣля оубо д҃і. освитающꙋ дню. по обычаю своему иваннъ иде на труды земледѣльства. на пути оубо зритъ видѣніе страшно яко оубо раᶻстꙋпися небо и вноутрь видѣ пр҃толъ бжіи и верху его стоѧше честныи и животворѧщіи кр҃тъ гд҃онь. Чл҃къ же тои зрѧи то преславное видѣніе, страхомъ веліимъ одержимъ бысть. і абіе на бѣгство оустремисѧ и прибѣже въ часовню. бѣ же та часовнѧ близъ того мѣста идѣже иваннъ видѣ знаменіе оно. в нейже образъ чюдотворца варлаама хутынскаго стоитъ на поклоненіе православнымъ. въшедшю оубо ему в часовню, абіе зритъ моужа бл҃голѣпна во иноческоᵐ одѣяніи и в схимѣ сѣдѧща. Онже паки оубоѧся, хотѧ возвратитися. Бг҃олѣпныˇже тои моужъ оудержа его и повелѣваеᵗ емоу не боѧтисѧ. повѣда же емоу і имѧ свое, варлама себе нарицаѧ, хутынскіи началникъ и повелѣ емꙋ ити в созданныи оᵗ него мн҃тырь, рекомыи хутынскіи и сказати всеи братіи страшное оно видѣніе і явленіе свое. понеже рече, оумножисѧ во обители моей всѧкое безчиньство беззаконіе же и неправда и того ради азъ изо обители своеѧ изыдохъ и живоу здѣ в сеи

часовни. иди рече и от мене заповѣданная скажи. дабы в цркви *)....
гнемъ погоритъ и кони ихъ в смерти затворитъ еже и бысть. і сія
рекъ блголѣпны той старецъ абіе от очію его невидимъ бысть. Члкъ
же той иваннъ шедъ скоро и повѣда всей братіи яже видѣ и слыша от
прпбнаго все подробнꙋ. братія же и мирстіи сія слышавше никакоже
вѣры ꙗша, но смѣющеся рꙋгахꙋся емоу и от своего безчинія никакоже
престаша, ихъ же сꙋд бжіи вскорѣ постиже. Члкъ же тои по повелѣнію
прпбнаго вскорѣ возвѣщаетъ всѣм в великомъ новѣ градѣ ꙗже видѣ и
слыша. Началник же града и прочіи народ слышавше сія прещаху емоу
огнемъ и всякими моуками. онъ же не оустрашися нимало но паче
крѣпляшеся тако быти. они же всадиша его в темницꙋ і оузы нань возложиша. оузы же оны спадоша с него. началникъ же града и пострада
немало. пріим разслабленіе оудом ꙗко г дни. они же оужасни бывше
дивляхꙋся. болшого же ради оувѣренія абіе призываютъ иваннова оца
дховнаго и вопрошают его о житии ивановѣ. он же сказа имъ ꙗко житіе члка оного чисто и двьствено есть, і от своихъ трꙋдовъ хлѣбъ
снѣдающа. Началник же града кнзь иванъ репнин посылаетъ члка оного
вкоупѣ же и писаніе извѣстно ко блгочестивомꙋ црю алеѯѣю Михайловичю. Блгочестивыи же црь милостынею одаривъ отпꙋсти его смиром
во свояси. мнтырь же хꙋтыньскіи грѣхъ ради нашихъ невѣрьства же
ради непокорьства и непослꙋшанія, о нихже преподобныи отцъ наш
варламъ, ꙗвлься заповѣда за престꙋпленіе сихъ, погорѣл до основанія,
того же годꙋ, апрѣля въ кг днь. и кони мнтырьстіи вси изомроша, ꙗко
да не преобидим бжія повелѣнія и стыхъ ꙗвленія. Сіе же повѣда намъ
о варлаамѣ новгородскіе соборные цркви слꙋжебникъ имене левъ, а
пріѣждалъ в соловки к чюдотворцемъ молитися во рѳа годꙋ».

Въ приведенной статьѣ разсказывается о чудѣ преподобнаго Варлаама Хутынскаго, которое до настоящаго времени не было напечатано, а въ свое время составляло, можно сказать, злобу дня для всего новгородскаго общества. Явленіе преподобнаго Варлаама новгородскому земледѣльцу Ивану свершилось 14 апр. 1663 г.; въ томъ же году записано было и сказаніе о немъ въ Соловецкомъ монастырѣ со словъ служебника новгородской соборной церкви, по имени Льва, пріѣхавшаго въ обитель помолиться. Въ то время «градоначальникомъ» въ Новгородѣ былъ князь Иванъ Рѣпнинъ, который отослалъ помянутаго земледѣльца съ своимъ «посланіемъ» къ царю Алексѣю Михайловичу. Извѣстны до по-

*) Къ сожалѣнію, въ рукописи между 12 и 13 листами нѣтъ цѣлаго листа. По старой нумераціи, которая означала страницы, недостаетъ 27 и 28 стр.

дробности обстоятельства, при которыхъ случилось чудо и которыя слѣдовали за нимъ. Словомъ, сказаніе о чудѣ имѣетъ всѣ признаки историческаго разсказа. Характеръ разсказа—обличительный. Преподобный «наказалъ» земледѣльцу Ивану идти въ монастырь и возвѣстить братіи, что вслѣдствіе умножившихся въ монастырѣ безчинствъ и неправды онъ, преподобный, покинулъ обитель и живетъ теперь въ часовнѣ близъ монастыря; и если братія не покается, то монастырь погоритъ, а кони монастырскіе изомрутъ. Въ этомъ отношеніи новое чудо стоитъ въ тѣсной связи съ другими однородными по характеру чудесами преподобнаго Варлаама. Изъ житія извѣстно, что въ Хутынскомъ монастырѣ время отъ времени чинились безчинства, грубо нарушались братіею монашескіе обѣты и монастырскіе уставы. Въ этомъ повинны были и нѣкоторые настоятели монастыря—игумены. Изъ разсказовъ о чудесахъ преподобнаго мы знаемъ нѣсколько случаевъ, когда виновные были обличены и наказаны явившимся имъ преподобнымъ Варлаамомъ. Вотъ эти случаи. Въ ряду игуменовъ монастыря былъ нѣкто Сергій (1508—1516 †), пришедшій изъ Москвы изъ Андроніевскаго монастыря. Девять лѣтъ управлялъ обителью игуменъ Сергій, проводя жизнь невоздержную и творя безчинія. Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, когда, во время отправленія всенощнаго бдѣнія, игуменъ пришелъ въ церковь и сталъ по обычаю на игуменскомъ мѣстѣ, одному иноку, по имени Тихону, было видѣніе: преподобный Варлаамъ всталъ изъ гробницы своей, какъ живой, и, взявши настоятельскій жезлъ, направился къ столпу, гдѣ находилось игуменское мѣсто, и, вставъ впереди игумена Сергія, съ гнѣвомъ обличалъ его, а затѣмъ, ударивъ его настоятельскимъ жезломъ, повергъ игумена полумертвымъ среди церкви, самый же жезлъ его отбросилъ до царскихъ дверей. Несчастный игуменъ впалъ въ разслабленіе и, прохворавъ недѣлю, умеръ. Монахъ Серапіонъ, исправлявшій должность монастырскаго хлѣбопекаря, имѣлъ неразумную привычку отдыхать на растворенныхъ хлѣбахъ. Однажды, во время подобнаго отдыха Серапіона, ему явился преподобный Варлаамъ и, обличивъ, свергнулъ его съ хлѣбовъ на землю. Проснувшись въ испугѣ, Серапіонъ почувствовалъ разслабленіе въ рукѣ, ногѣ и одномъ глазу, и такъ страдалъ въ продолженіе цѣлой недѣли. При совершеніи братіею молебнаго пѣнія въ церкви объ исцѣленіи больнаго, лежавшаго передъ ракой угодника Божія, преподобный Варлаамъ вторично явился разслабленному и сказалъ: «Скажи братіи о моемъ явленіи тебѣ и о томъ, что посланное тебѣ отъ Бога наказаніе дано въ примѣръ другимъ, дабы и прочіе не отваживались поступать такъ непристойно и грубо; ты же теперь силою Господа нашего Іисуса Христа и по молитвамъ усердствовавшей о тебѣ братіи здравъ и не-

вредимъ». Больной тотчасъ исцѣлился. Въ числѣ настоятелей Хутынскаго монастыря былъ игуменъ Никифоръ (1517—1524), присланный изъ Москвы по повелѣнію великаго князя Василія Ивановича. Въ седьмой годъ управленія его монастыремъ, въ предѣлахъ обширной Новгородской епархіи, произошелъ сильный голодъ, и огромное множество народа бѣднаго, едва держась на ногахъ, ежедневно приходило въ монастырь съ мольбою о помощи и спасеніи отъ голодной смерти, но, по приказанію игумена Никифора, были силою отгоняемы отъ стѣнъ обители, а монастырскія врата запирались. Однажды ночью во снѣ явился ему преп. Варлаамъ и, съ гнѣвомъ обличивъ его, ударилъ нѣсколько разъ виновнаго пастырскимъ жезломъ. Проснувшись въ страхѣ отъ видѣнія сего, Никифоръ почувствовалъ разслабленіе въ рукѣ и ногѣ. Вслѣдствіе болѣзни игуменъ Никифоръ оставилъ настоятельскую должность въ Хутынскомъ монастырѣ и возвратился въ Москву. Въ житіи преп. Варлаама есть и еще нѣсколько подобныхъ разсказовъ, но для нашей цѣли довольно и приведенныхъ. По нашему мнѣнію, и указанныя чудеса преподобнаго по своему характеру стоятъ въ такой тѣсной связи съ вышеприведеннымъ сказаніемъ о явленіи преподобнаго Варлаама новгородскому земледѣльцу Ивану, что могутъ служить подтвержденіемъ его достовѣрности.

А. Никольскій.

Новгородская икона святыхъ Бориса и Глѣба въ дѣяніяхъ.

Въ церковно-археологической литературѣ отдѣлъ объ иконахъ *въ дѣяніяхъ* или *чудесехъ* почти совсѣмъ не разработанъ, памятники подобнаго рода не изданы, матеріалы не собраны. Между тѣмъ, иконы эти интересны какъ въ художественномъ, такъ и въ историческомъ отношеніяхъ. Въ настоящей статьѣ рѣчь будетъ объ одномъ только памятникѣ старинной русской иконографіи; но предварительно я позволю себѣ вкратцѣ коснуться исторіи возникновенія и постепеннаго развитія иконъ въ дѣяніяхъ и чудесехъ.

Въ первые вѣка христіанства, все вниманіе благочестивыхъ художниковъ было обращено, какъ извѣстно, на выработку главнѣйшихъ священныхъ типовъ: Іисуса Христа, Богоматери, апостоловъ, пророковъ, святителей, мучениковъ. Во времена зарожденія византійской иконописи, въ храмахъ, изъ мозаики, драгоцѣнныхъ металловъ, мрамора преимущественно создавались художественныя священныя изображенія, сюжетомъ которыхъ было священное писаніе и преданіе, событія земной жизни Іисуса Христа и Божіей Матери. Однако, и въ этотъ періодъ сцены мученій и христіанскихъ подвиговъ и чудесъ мучениковъ и преподобныхъ изрѣдка появлялись на стѣнахъ византійскихъ церквей, о чемъ мы имѣемъ ясное и прямое свидѣтельство отъ второй половины IV вѣка. Св. Григорій Нисскій, въ похвальной рѣчи мученику Ѳеодору, такими словами описываетъ живопись, находившуюся въ церкви, посвященной памяти этого мученика: «Въ ней (въ церкви) художникъ разсыпалъ цвѣты искусства: *геройство мученика, его твердость въ страданіяхъ,* дикихъ звѣрей, пламенную пещь и пр. Все это живописецъ изобра-

зилъ, какъ въ книгѣ, которая ясно говоритъ самыми художественно-расположенными красками, и весь храмъ сталъ подобенъ цвѣтущей нивѣ» [1]).

Наконецъ, отъ X вѣка до насъ дошелъ Минологій императора Василія II (976—1025). Здѣсь, въ цѣломъ рядѣ миніатюръ, заключается богатѣйшій матеріалъ для разработки древнѣйшихъ изображеній мученій подвиговъ и чудесъ святыхъ угодниковъ. Этотъ кодексъ агіографическихъ иллюстрацій какъ-бы подводитъ итогъ художественныхъ работъ предшествующихъ вѣковъ. Отъ XI столѣтія извѣстны бесѣды Іакова, монаха Кокиноваѳскаго монастыря,которыя украшены многочисленными миніатюрами, представляющими весь циклъ изображеній, относящихся къ Богоматери. Эти миніатюры послужили образцомъ для развитія послѣдующей иконописи, посвященной Божіей Матери, и ярко отразились на стѣнописяхъ константинопольскихъ и нашихъ въ Кіевѣ, Новгородѣ, Псковѣ [2]).

Нашъ знаменитый паломникъ, архіепископъ новгородскій Антоній, посѣтившій Константинополь въ концѣ XII вѣка, такъ описываетъ живопись софійской Крестильни: «Ту же и крестилница водна, и написанъ въ ней Христосъ во Іерданѣ крестится отъ Іоанна, *со дѣяніемъ написанъ*: и какъ Іоаннъ училъ народы, и какъ младыя дѣти металися во Іорданъ и людіе; то же все Павелъ хитрый писалъ при моемъ животѣ и нѣту таково писмени» [3]). У насъ, въ кіевской Софіи, были уже фрески (XI вѣка), изображавшія мученія св. Георгія Побѣдоносца и явленія архистратига Михаила.

Но фрески или мозаики, посвященныя спеціальному изъясненію дѣяній Святаго и помѣщаемыя обыкновенно въ придѣлахъ, посвященныхъ памяти этого святаго, не могли быть многочисленны и представлять собою цѣльное житіе. Только рядъ миніатюръ въ книгѣ могъ вполнѣ иллюстрировать біографію и посмертныя чудеса Святаго. Иконописи надо было перейти на дерево, сократить размѣры предметовъ, чтобы взять на себя ту задачу, которую исполняла до сихъ поръ миніатюра. И эта первоначальная генетическая связь иконы въ дѣяніяхъ съ миніатюрою можетъ быть легко наблюдаема при изслѣдованіи подобныхъ иконъ; вліяніе миніатюры сказывается особенно ярко именно на дѣяніяхъ, окру-

---

[1]) *Н. В. Покровскій.* Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства. Спб. 1894, стр. 19.

[2]) *Н. В. Покровскій.* Очерки, стр. 210.

[3]) *Путешествіе новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ*, пред. и прим. П. Савваитова. Изд. Археограф. Комис. Спб. 1872, стр. 82—83.

жающихъ изображенie святаго, которое иногда рѣзко отличается отъ дѣяній другимъ, чисто-иконнымъ пошибомъ [1]).

Деревянныя иконы въ древней Византіи, безспорно, были, хотя большинство изъ нихъ дошло до насъ отчасти въ реставрированномъ, отчасти въ совершенно передѣланномъ видѣ. По всей вѣроятности, онѣ были немногочисленны. Византійцы, кажется, даже до X—XI вѣка предпочитали болѣе прочный и величественный матеріалъ для священныхъ изображеній. Круглыя иконы Спасителя въ видѣ медальона (напр., въ извѣстномъ византійскомъ типѣ иконы Богородицы, держащей обѣими руками образъ Іисуса Христа; или въ Хлудовской псалтири—иконоборцы передъ круглой иконой Спасителя)—какъ-бы указываютъ на отдаленное преданіе, что иконы эти были не-деревянныя.

Позволю себѣ здѣсь привести одно мѣсто изъ Константина Багрянороднаго (X вѣка) въ изложеніи Н. П. Кондакова [2]). При описаніи церемоніи посѣщенія императорами Влахернскаго храма, сказано: «Прикладываются къ *серебрянымъ* святымъ иконамъ... ставятъ зажженныя свѣчи въ восточной апсидѣ, гдѣ *серебряная* икона Богородицы стоитъ надъ фіаломъ... шествуютъ по лѣвой сторонѣ, гдѣ находится *вырѣзанное на мраморѣ* изображеніе руки Богородицы... ставятъ свѣчи передъ *мраморнымъ* образомъ Богородицы». И св. Владиміръ вывезъ изъ Корсуня четыре иконы *мѣдяны* [3]), можетъ быть, покрашенныя, отчего ихъ и считали за «мрамаряны».

Только при оскудѣніи средствъ нѣкогда богатой Византіи, да въ нашей деревянной Руси, стала преобладать икона на деревѣ, и тогда-то изображенія Богоматери, Іоанна Предтечи, святыхъ, стали окружаться ихъ дѣяніями и чудесами. Даже выработался пріемъ, по которому дѣянія писались на особой рамѣ, въ которую вставлялась икона святаго.

Наши русскія иконы въ дѣяніяхъ имѣютъ особый интересъ. Если въ дѣяніяхъ святыхъ не-нашей земли (напр., Димитрія Солунскаго, Никиты мученика, Георгія Побѣдоносца, Николая Чудотворца) преобладалъ византійскій шаблонъ, условныя фигуры царей, воиновъ, святителей, простолюдиновъ, церквей, городовъ, дворцовъ,—то въ дѣяніяхъ

---

[1]) Такую разницу иконы святаго отъ окружающихъ ее дѣяній можно наблюдать, напримѣръ, на иконѣ св. великомученика Георгія въ дѣяніяхъ—въ Музеѣ императора Александра III въ Спб. (Въ каталогѣ на стр 22—23).

[2]) *Н. П. Кондаковъ.* Византійскія церкви и памятники Константинополя (Труды VI-го Археолог. съѣзда, т. III-й, Одесса 1887) Стр. 18—19.

[3]) Такъ въ Радзивил. и Академич. спискахъ первоначальной лѣтописи и въ Академич. и Толстовск. спискахъ 1-й Новгородской.

русскихъ святыхъ невольно проступали мѣстныя особенности быта, черты исторической дѣйствительности, которыя особенно дороги для археологіи.

При этомъ, не смотря на господство условныхъ формъ, здѣсь допускалась сравнительно бо́льшая свобода художественной фантазіи иконописца. Въ наставленіи, помѣщенномъ въ Большаковскомъ подлинникѣ (XVII вѣка), говорится: «Не подобаетъ (иконописцу), кромѣ святыхъ воображеній, ничто же начертывати, рекше воображати, еже есть на глумленіе человѣкомъ, ни звѣрска образа, ни зміева, ниже что отъ плѣжющихъ (пресмыкающихся) или рода гмышевска, *кромѣ гдѣ либо въ прилучшихся дѣяніяхъ*, яко же есть удобно и подобно» [1]).

Князья-страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ (во св. крещеніи Романъ и Давидъ) были первыми святыми новокрещенной Русской земли. Въ лѣтописяхъ сохранилось извѣстіе, что они были сыновьями византійской царевны Анны [2]) и самыми младшими дѣтьми Владиміра Святаго. Если принять это извѣстіе, то объяснится многое въ событіяхъ ихъ жизни и станетъ понятнымъ то широкое прославленіе ихъ памяти, которое наступило тотчасъ-же послѣ ихъ кончины. Несторъ сообщаетъ, что уже при Ярославѣ была построена церковь во имя святыхъ Бориса и Глѣба, гдѣ и положены ихъ мощи (т. е. въ Вышегородѣ), «повелѣ же и на иконѣ святою написати» [3]). Іаковъ черноризецъ говоритъ, что Владиміръ Мономахъ, «исковавъ убо сребреныя доски и святыя по нимъ издражавъ и позлативъ», устроилъ великолѣпную раку для мощей [4]). Архіепископъ Антоній видѣлъ икону святыхъ въ Софійскомъ соборѣ въ Константинополѣ. Въ Новгородѣ еще въ 1167 году воздвигается церковь во имя святыхъ князей на мѣстѣ первоначальнаго Софійскаго собора (деревяннаго).

Новгородъ имѣлъ основанія особенно чтить память святыхъ Бориса и Глѣба, потому что косвенно эти мученики послужили причиною новгородской независимости и будущаго новгородскаго величія. Они какъ-бы освятили своими именами тѣ вольности новгородскія, которыя были

---

[1]) *Ѳ. И. Буслаевъ.* Общія понятія о русской иконописи. (Сборникъ Общества древне-русскаго искусства, т. I. М. 1866).

[2]) Кромѣ Татищева, въ Тверской лѣтописи. Анна умерла въ 1011 году.

[3]) *Несторъ Лѣтописецъ.* Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба. (Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка. Изд. Археолог. Общества, подъ редакціею И. И. Срезневскаго. Спб. 1860). Стран. 28.

[4]) *Іаковъ Черноризецъ.* Сказаніе страстотерпьцю святую мученику Бориса и Глѣба. (Тамъ-же). Стр. 85.

дарованы Ярославомъ своимъ сподвижникамъ въ борьбѣ со Святополкомъ Окаяннымъ. Въ Новгородѣ было нѣсколько борисоглѣбскихъ церквей. Кромѣ кремлевской (построенной Садкомъ, о которой мы говорили выше), еще въ Торгу—около св. Ивана на Опокахъ (1262 г.), на Подолѣ въ Словенскомъ концѣ (1340 г.), мужской монастырь на Гзени въ Неревскомъ концѣ (1300 г.), на берегу Волхова въ Плотенскомъ концѣ (1377 г.); придѣлы: въ Дмитріевской церкви на Славковѣ, при Георгіевской на Торгу (1311) и въ женскомъ Павловѣ монастырѣ на Варяжской улицѣ (1224 г.) [1]).

Изъ всѣхъ церквей въ настоящее время уцѣлѣла только одна въ Плотенскомъ концѣ, бывшая соборною въ XVI вѣкѣ и построенная въ 1536 году на старой основѣ т. е. безъ измѣненія плана старой церкви 1377 года. По старымъ описямъ (прошлаго столѣтія) въ этой церкви значились двѣ иконы святыхъ Бориса и Глѣба въ дѣяніяхъ; въ послѣднее время, однако, въ церкви находилась одна только икона въ дѣяніяхъ, имѣющая на себѣ дату 1545 года, а другая икона святыхъ не имѣла при себѣ дѣяній.

Первая икона представляетъ св. князя Владиміра посрединѣ и по бокамъ святыхъ Бориса и Глѣба; всѣ стоятъ прямо, во весь ростъ. На иконѣ, вмѣстѣ съ дѣяніями, надѣта мѣдная посеребряная риза, сдѣланная въ 1839 г. при реставраціи живописи; такимъ образомъ, изученіе изображеній на иконѣ невозможно, о нихъ надо догадываться по изображеніямъ на ризѣ, которая, къ тому же, сдѣлана крайне небрежно: прорѣзи не совпадаютъ съ рисункомъ иконы, надписи тоже, вѣроятно, не соотвѣтствуютъ оригиналу. Для примѣра привожу нѣсколько надписей съ сохраненіемъ ихъ орѳографіи: «Пріиде вѣсть Борису, ѩко отецъ его князь Владимеръ преставися на *Крестовомъ* (вмѣсто Берестовомъ) и плакася Борисъ по отцы своемъ»; «И сѧдѣ въ насадъ водный Глѣбъ и идѣ *по Волгѣ водою къ Смольнскꙋ* и на Смѧдыне достигшѣ отъ Свѧтополка ꙋбійцы и ꙋбиша его ножѣмъ въ гортань поваръ»; «Благовѣрный кнѧзь ѩрославъ *розыска тѣлеса* братовъ своихъ и *вложи въ корабль* вѣзѧше изъ Смоленска къ Кіевꙋ съ чѣстію»,—когда св. Борисъ не былъ въ Смоленскѣ и давно уже былъ похороненъ въ Вышегородѣ. Даже имя архіепископа, въ надписи о времени написанія иконы, поставлено неправильно: Ѳеогностъ вмѣсто Ѳеодосія.

———————

[1]) *Архимандритъ Макарій.* Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ. М. 1860. т. I, стр. 342.

На другой иконѣ свв. Борисъ и Глѣбъ изображены на коняхъ: одинъ на бѣломъ, другой на красномъ. Такая же икона находится въ Покровской церкви новгородскаго Кремля и, по преданію, раньше была храмовою въ кремлевской же Борисоглѣбской церкви; есть также преданіе, что написалъ ее архіепископъ Василій (1329—52). Что свв. Борисъ и Глѣбъ издревле представлялись на коняхъ, подтвержденіемъ можетъ служить чудо, разсказанное Несторомъ въ Чтеніи. Нѣкіе мужи были посажены въ темницу и стали молиться, призывая къ себѣ на помощь святыхъ князей. «И во едину нощь, свѣтъ возсія въ узници. Они же, воздѣвша очи свои, ти видѣша *святою на росну коню*» [1]. Можно, вообще, предполагать, что новгородскія иконы, изображающія свв. Бориса и Глѣба на коняхъ, старше тѣхъ, гдѣ святые изображены вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ, потому что почитаніе братьевъ-мучениковъ началось въ Новгородѣ въ XI вѣкѣ, тогда какъ празднованіе памяти св. Владиміра установлено въ новгородской землѣ Александромъ Невскимъ въ половинѣ XIII вѣка (послѣ Невской побѣды 1240 г.). Во всякомъ случаѣ, если не самыя иконы, то сюжетъ ихъ (переводъ) старше.

Въ бытность мою, лѣтомъ прошлаго 1897 года, въ Новгородѣ, членъ нашего Института, А. И. Никольскій, указалъ мнѣ, что въ кладовой Борисоглѣбской церкви хранится старая иконная рама съ дѣяніями святыхъ князей. Благодаря любезному и ревностному содѣйствію священника этой церкви, Н. В. Талепоровскаго, рама была вынесена изъ кладовой на свѣтъ Божій и оказалась покрытою вѣковымъ слоемъ пыли и копоти. По снятіи этого слоя, икона явилась прекрасно сохранившеюся, написанною яркими яичными красками. Предполагаю, что икона дошла до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, на что указываютъ слѣдующіе признаки. Надписи надъ изображеніями первоначально были исполнены по золотому полю красною краскою, а впослѣдствіи поля покрыты желтою краскою и по ней новыя надписи сдѣланы позднѣйшимъ почеркомъ. Въ срединѣ рамы, гдѣ была вставлена икона свв. Бориса и Глѣба, по краямъ грубо проведена синей масляной краской широкая кайма, прямо по живописи.

На иконѣ есть признаки спеціально-новгородскаго письма, какъ его опредѣляетъ Д. А. Ровинскій. Такъ, одежды украшены крестами и клѣтками; палаты просты и обведены неправильно, отъ руки; есть попытки представить зданія въ перспективѣ; складки на одеждахъ про-

---

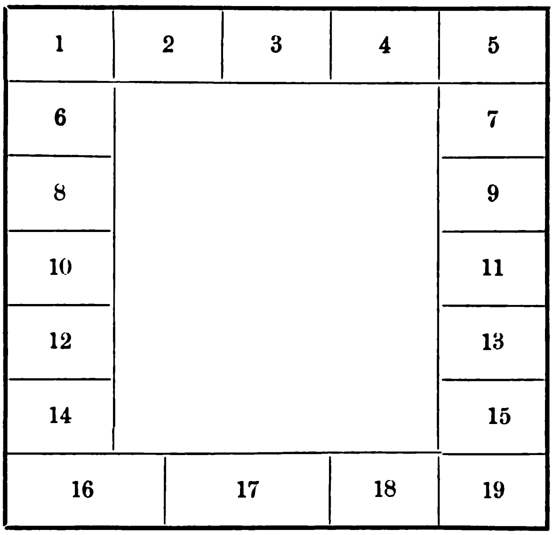
[1]) *Несторъ*. Чтеніе, стр. 30.

бѣлены; на лицахъ—подъ глазами вездѣ отмѣтины; поля наложены листовымъ золотомъ [1]).

Относительно времени написанія, на иконѣ есть черты XVI вѣка, о которыхъ упомянемъ ниже, при обозрѣніи отдѣльныхъ изображеній. Икона свв. Бориса и Глѣба на коняхъ по размѣрамъ подходитъ къ этой рамѣ, хотя немного короче средняго отверстія; но укороченіе снизу могло произойти въ видахъ болѣе удобнаго помѣщенія иконы въ готовомъ кіотѣ, такъ какъ съ предметами церковной археологіи не особенно церемонились, даже въ неотдаленномъ отъ насъ прошломъ.

Со всей рамы сняты были кальки, которыя и переведены на бумагу. Два рисунка исполнены были красками, глядя на подлинникъ, съ тщательнымъ сохраненіемъ колорита. Къ настоящей статьѣ рисунки прилагаются въ фото-цинкографическомъ воспроизведеніи. Въ снятіи калекъ дѣятельно и усердно помогалъ мнѣ сынъ мой, Л. П. Гусевъ, а рисунки красками исполнены имъ однимъ.

Изображенія на рамѣ помѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ, который сохраняется во всѣхъ иконахъ въ дѣяніяхъ:

---

[1]) *Д. А. Ровинскій.* Исторія русскаго иконописанія (Записки Русскаго Археолог. Общества. Первой серіи т. VIII, стр. 57—59, 64, 65, 69).

Въ предлагаемомъ затѣмъ отдѣльномъ разсмотрѣніи каждаго рисунка я буду пользоваться, для сравненія, миніатюрами XIV в., изданными Археологическимъ Обществомъ подъ редакціей И. И. Срезневскаго, и отчасти датированною иконою XVI вѣка.

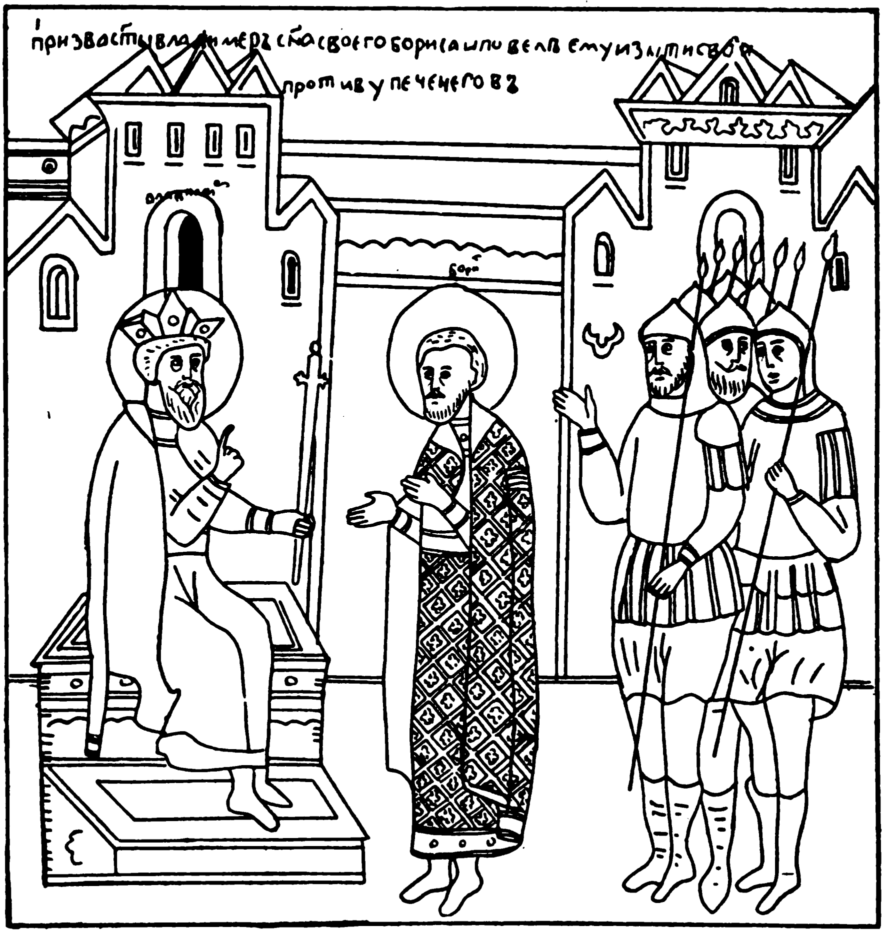

Рис. 1.

1) Призва св. Владимеръ сына своего Бориса и повелѣ ему изыти съ вои противу печенеговъ. (См. рис. 1).

Святый Владиміръ представленъ сидящимъ на столѣ, въ царской коронѣ. Форма короны, повторяющаяся и далѣе, при изображеніи Свято-

полка, какъ царствующей послѣ отца особы, такая форма встрѣчается преимущественно на позднѣйшихъ памятникахъ, начиная съ XVI вѣка, какъ, напримѣръ, въ Царственной книгѣ, или въ интересномъ лицевомъ сборникѣ, недавно пріобрѣтенномъ Историческимъ Музеемъ въ Москвѣ [1]). На Владимірѣ накинутъ кафтанъ (шуба) съ длинными рукавами,—одежда преимущественно московская, появляющаяся на памятникахъ не ранѣе XVI вѣка. Ранѣе у князей верхнимъ платьемъ является корзно или плащъ, какъ въ Сказаніяхъ о свв. Борисѣ и Глѣбѣ XIV вѣка, изданныхъ И. И. Срезневскимъ. Св. Борисъ также въ парадной шубѣ. Владиміръ какъ-бы передаетъ сыну мечъ, чѣмъ художникъ, вѣроятно, хотѣлъ наглядно выразить военное порученіе, даваемое княземъ—походъ на печенѣговъ, а также и какъ-бы передачу части своей власти (именно: предводительствованіе войскомъ) любимому сыну. Можетъ быть, это былъ даже извѣстный мечъ, родовой, переходившій отъ князя къ князю. По крайней мѣрѣ, о мечѣ св. Бориса мы встрѣчаемъ указаніе въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1175 г., въ разсказѣ объ убіеніи Андрея Боголюбскаго: «Блаженый же вскочи и хотѣ взяти мечь, и не бѣ ту меча, бѣ бо вынялъ Аньбалъ того дни, ключникъ его: *той бо мечь бяше святаго Бориса*».

2) Св. Борисъ воста иде противу печенеговъ и св. Борисъ молится на пути въ шатрѣ. (См. рис. 2).

Два сюжета, раздѣленные чертою. На первомъ рисункѣ св. Бориса сопровождаютъ конный и пѣшій отряды; воины одѣты одинаково; характерны, между прочимъ, металлическія пластинки по подолу платья и такіе же наплечники; пластинки эти перешли къ намъ съ византійскихъ памятниковъ IX—X вѣковъ (Минологій импер. Василія II) и удержались до позднѣйшаго времени. Происхожденіе этого украшенія—восточное [2]).

На второмъ рисункѣ, св. Борисъ молится, стоя въ шатрѣ; сзади него отрокъ—конечно, извѣстный Георгій угринъ, убитый вмѣстѣ съ своимъ княземъ. На Борисѣ богатое исподнее платье и такая же шуба. Рисунки этихъ двухъ матерій,—вѣроятно, парчевыхъ,—повторяются и

[1]) По отзыву В. Н. Щепкина,—несомнѣнно XVI вѣка (Археологич. Извѣстія и Замѣтки, изд. Москов. Археологич. Общества, за 1897 г. № 4, рис. на стр. 107, изъ исторіи о Троянской войнѣ).

[2]) *Н. В. Покровскій*. Сійскій иконописный подлинникъ. (Изд. Общ. любит. древн. письменности). Вып. II, 1896 г., стр. 78—79.

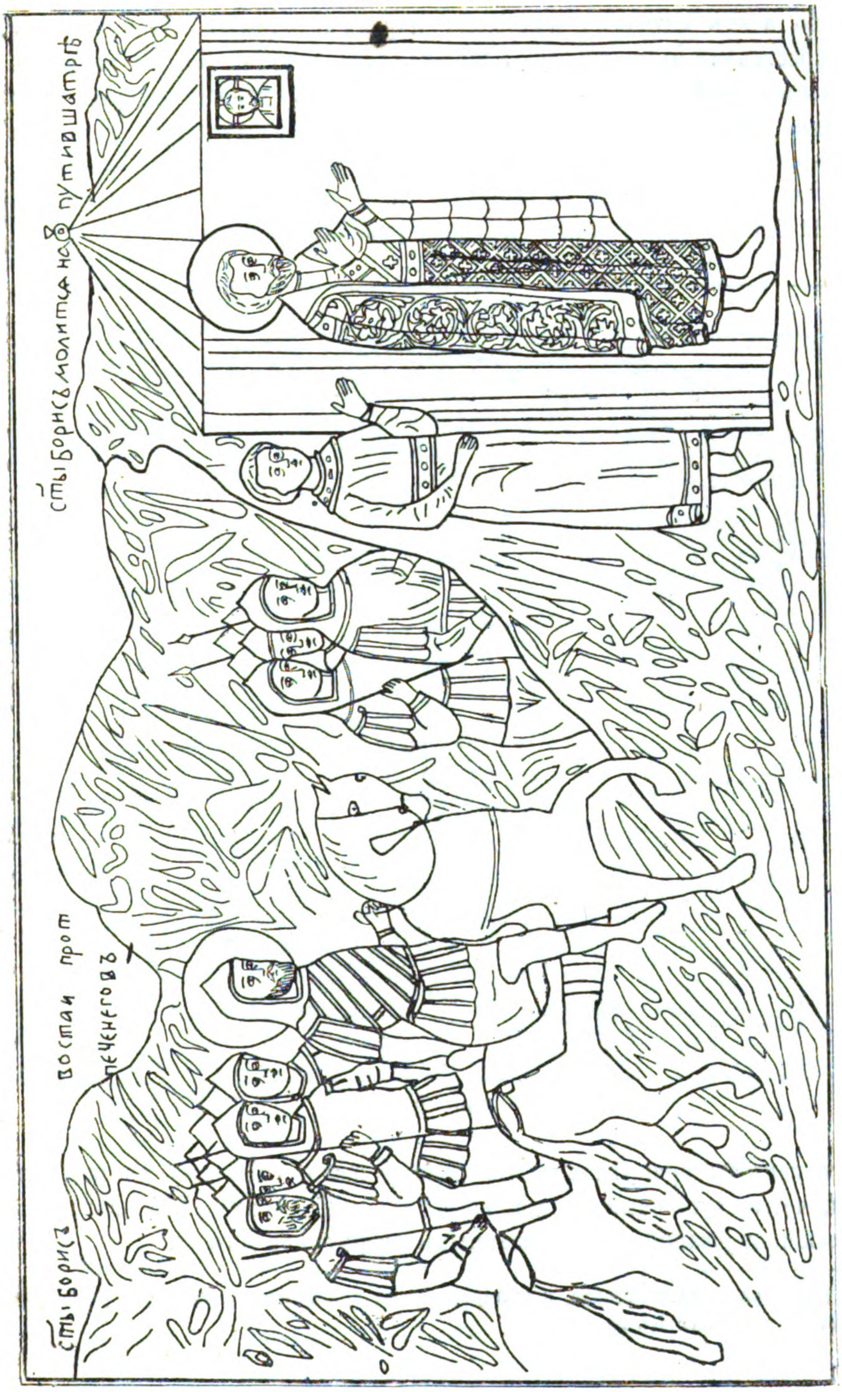

с͠ты Борисъ молитса на пути в шатрѣ
с͠ты Борисъ востаи прот печенеговъ

Рис. 2.

далѣе во всѣхъ случаяхъ надѣванія парадной одежды. Одна матерія шита крестиками въ четырехугольникахъ (клѣткахъ)—такой же рисунокъ встрѣчается далѣе и на ризахъ духовныхъ особъ; вторая матерія шита листьями. Можетъ быть, это были самые употребительные узоры на древне-русскихъ матеріяхъ, доставляемыхъ Византіей. Образъ Спасителя, передъ которымъ молится св. Борисъ, такой же, какъ и на миніатюрахъ Сказаній XIV вѣка, но тамъ онъ на деревянной подставкѣ, переносный,

Рис. 3.

а здѣсь какъ-бы прикрѣпленъ къ самому шатру. Шатеръ позднѣйшей формы, четырехугольный, тогда какъ въ миніатюрахъ XIV вѣка онъ коническій, держащійся на связанныхъ вверху жердяхъ [1]).

[1]) И образъ на подставкѣ, и шатеръ см. на прилагаемомъ здѣсь рисункѣ изъ Сказаній съ надписью: Къ № 5.

3) Шедшу ему и не обрѣтѣ врагъ своихъ и возвратися вспять; вѣстникъ пріиде, сказа смерть отца его. (См. рис. 3).

Среди условнаго скалистаго пейзажа, св. Борисъ ѣдетъ съ коннымъ отрядомъ; на князѣ уже не походный шлемъ, а княжескій колпакъ

Рис. 4.

и плащъ. Здѣсь особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ фигура вѣстника, вѣроятно, отрока изъ Кіева; фигура эта замѣчательно правдиво передана: она вся проникнута страхомъ и смущеніемъ.

4) Св. Борисъ разливашеся слезами и плакаше горко о смерти отца своего. (См. рис. 4).

Святый Борисъ сидитъ на столѣ; жестъ лѣвой руки, приложенной къ щекѣ и поддерживаемой правой рукою подъ локоть, выражаетъ скорбь, плачъ; жестъ этотъ повторяется и у одного боярина; онъ вообще встрѣчается въ древней иконописи, какъ условный, но вмѣстѣ съ тѣмъ это чисто-русскій жестъ, употребляемый и по-нынѣ пригорюнившимися деревенскими женщинами. Другой бояринъ скрестилъ руки въ печальномъ раздумьѣ,—тоже вполнѣ реальная поза.

Столъ, на которомъ сидитъ св. Борисъ, такой же, какъ и въ 1-мъ рисункѣ, у св. Владиміра; таковъ же онъ, только попроще, и въ миніатюрахъ XIV в., и въ Царственной книгѣ, гдѣ ему придана еще подушка византійской формы. На протяженіи столѣтій видъ княжого стола сохраняется въ памятникахъ почти безъ измѣненія; при этомъ ничего похожаго на византійскій тронъ въ немъ не замѣчается. Можно предполагать, что таковъ былъ въ дѣйствительности древне-русскій княжой столъ.

5) Везше св. Владимера на санехъ и поставиша во церкви святыя Богородица. (Надпись не вполнѣ сохранилась). На датированной иконѣ прибавлено, что церковь именно Десятинная.

Среди церкви условнаго типа съ тремя верхами,—причемъ купола имѣютъ не луковичную форму, а древнюю византійскую и покрыты черепицей,—тѣло св. Владиміра, въ темномъ исподнемъ платьѣ, возложено на сани и прикрыто шубой одноцвѣтной, багряной, безъ шитья. Духовенство облачено въ бѣлыя ризы, причемъ у одного лица, съ евангеліемъ въ рукѣ,—риза кресчатая[1]). Любопытно, что у діакона выбрито гуменце,—это остатокъ преданій XI—XII вѣка, еще разъ доказывающій, какъ ревниво наши иконописцы придерживались древнихъ образцовъ и медленно вводили въ свою работу новшества.

6) Святополкъ посылаетъ убійцъ на св. Бориса. (Надпись не сохранилась).

Теперь, на кіевскомъ столѣ, вмѣсто св. Владиміра, въ той же позѣ и такой же *царской* коронѣ, возсѣдаетъ Святополкъ, какъ овладѣвшій

[1]) Цвѣтныя ризы появились у насъ очень поздно, а черныя только въ XVIII в.

кіевскимъ княженіемъ или, по воззрѣніямъ людей XVI в., воцарившійся послѣ Владиміра. Правая рука Святополка, поднятымъ указательнымъ пальцемъ, дѣлаетъ жестъ приказанія; въ лѣвой рукѣ князь держитъ жезлъ, краснаго цвѣта, формы костыля, какая употреблялась у насъ для епи-

Рис. 5.

скопскихъ посоховъ вплоть до патріарха Никона. Такой посохъ въ рукахъ князя—очевидно, символъ власти. На новгородской печати XV в., на вѣчевыхъ степеняхъ положенъ такой посохъ [1]); по формѣ посоха гр. М. Толстой приписалъ его владыкѣ, но скорѣе можно предположить,

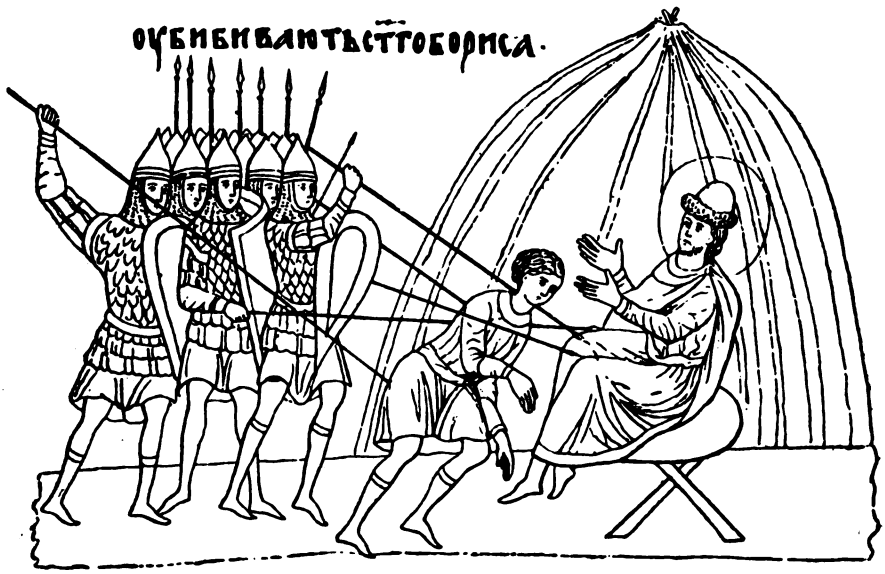
[1]) *Графъ М. Толстой*. Святыни и древности Великаго Новгорода. М. 1862.

что въ этомъ случаѣ древній княжой жезлъ выражаетъ здѣсь власть Великаго Новгорода, опирающуюся на вѣчевыя постановленія.

Передъ Святополкомъ стоитъ, въ позѣ собесѣдованія, бояринъ, вѣроятно, Путьша; сзади его нѣсколько воиновъ. Вышегородскихъ болярцевъ Нестора здѣсь нѣтъ, но о нихъ мы скажемъ при слѣдующемъ рисункѣ.

7) Заклаша копіемъ въ шатрѣ св. Бориса.(См.рис.5). (Въ надписи прибавлено еще: и Глѣба брата его. Врядъ ли первоначально существовала эта прибавка; скорѣе реставраторъ, по собственнымъ немудрымъ соображеніямъ, принялъ отрока Георгія за св. Глѣба).

Св. Борисъ лежитъ на постели въ шатрѣ; его какъ бы прикрываетъ собою отрокъ Георгій угринъ; и ихъ обоихъ пронзаютъ копьями

Къ рис. 5.

Путьша и болярцы вышегородскіе (можетъ быть, сыновья боярскіе или, какъ предполагаетъ И. И. Срезневскій, мужи боярскіе [1])—Тальцъ и Іеловичъ - Ляшко. На миніатюрѣ XIV в., св. Борисъ, въ корзнѣ и колпа-

[1]) *И. И. Срезневскій.* Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Изд. Акад. Наукъ, т. I, Спб. 1893 г., стр. 151.

кѣ, сидитъ на складномъ стулѣ, передъ нимъ стоитъ Георгій, и ихъ поражаетъ копьями цѣлый отрядъ вполнѣ вооруженныхъ воиновъ [1]). На датированной же иконѣ XVI в., если вѣрить металлическому окладу, шатра вовсе нѣтъ; въ правой сторонѣ двухъэтажное зданіе съ круглой крышей и воротами посрединѣ (такъ что дѣло происходитъ какъ бы на улицѣ); св. Борисъ падаетъ съ согнутыми только колѣнями, а Георгій, изогнувшись подъ прямымъ угломъ, обхватываетъ его руками; три воина, одинаково одѣтые, въ шлемахъ, поражаютъ ихъ копьями.

8) Воропѣ выскочи изъ шатра своего и, воздѣвъ руки, нача молити и; единъ отъ губитель притекъ удари его въ сердце. (Надпись не вполнѣ сохранилась).

На нашей иконѣ все изображено согласно съ текстомъ Чтенія Нестора, по списку XIV в. Св. Борисъ въ оторопѣ выскочилъ изъ шатра и воздѣлъ руки къ небу, представленному въ видѣ чернаго сегмента съ бѣлыми крестами и точками (тоже преданіе древне-византійской иконографіи, какъ, напр., въ евангеліи Ватиканской библіотеки XII в. [2]); князя поражаетъ мечемъ одинъ изъ губителей.

На датированной иконѣ, вмѣсто этого сюжета, прямо послѣ закланія въ шатрѣ, слѣдуетъ рисунокъ, озаглавленный: «И обвертѣша тѣло св. Бориса въ шатеръ его, и на колесницѣ везоша; се два варяги видѣша еще дышуща св. Бориса, абіе мечемъ вонзѣ въ сердце его». И представлено это совершенно согласно съ миніатюрой XIV в.; только на миніатюрѣ поражаетъ мечемъ одинъ варягъ, а на иконѣ оба.

Очевидно, существовало два разсказа, два преданія о кончинѣ св. Бориса. Первое преданіе записано у Нестора въ Чтеніи; второе вошло въ Лаврентьевскую лѣтопись; наконецъ, Іаковъ въ Сказаніи [3]) попробовалъ соединить оба разсказа. Послѣ нападенія въ шатрѣ, онъ продолжаетъ: «И яко бысть Борисъураненъ и искочи изъ шатра въ оторопѣ. И начаша глаголати стоящіе округъ его: «Что стоите зряще? приступльше скончаемъ повелѣнное намъ». (Тогда Борисъ проситъ ихъ дать ему время помолиться и молится). И абіе *успе*, предавъ душю въ руцѣ Бога жива мѣсяца іулія въ 24 день, прежде 9 каландъ августа». Тутъ, повидимому, и конецъ, а между тѣмъ разсказъ продолжается уже

---

[1]) См. рис. «къ № 5».

[2]) *Н. В. Покровскій*. Очерки, стр. 177—179.

[3]) *Іаковъ Черноризецъ*. Сказаніе, стр. 50—52.

по другой версіи: «Блаженнаго же Бориса обертѣвше въ шатеръ, возложивше на кола, повезоша. И яко быша на бору, начатъ всклоняти святую свою главу, и, се увѣдѣвъ, Святополкъ посла два варяга и прободоста и мечемъ въ сердце. И тако *скончася* и воспріятъ неувядо-

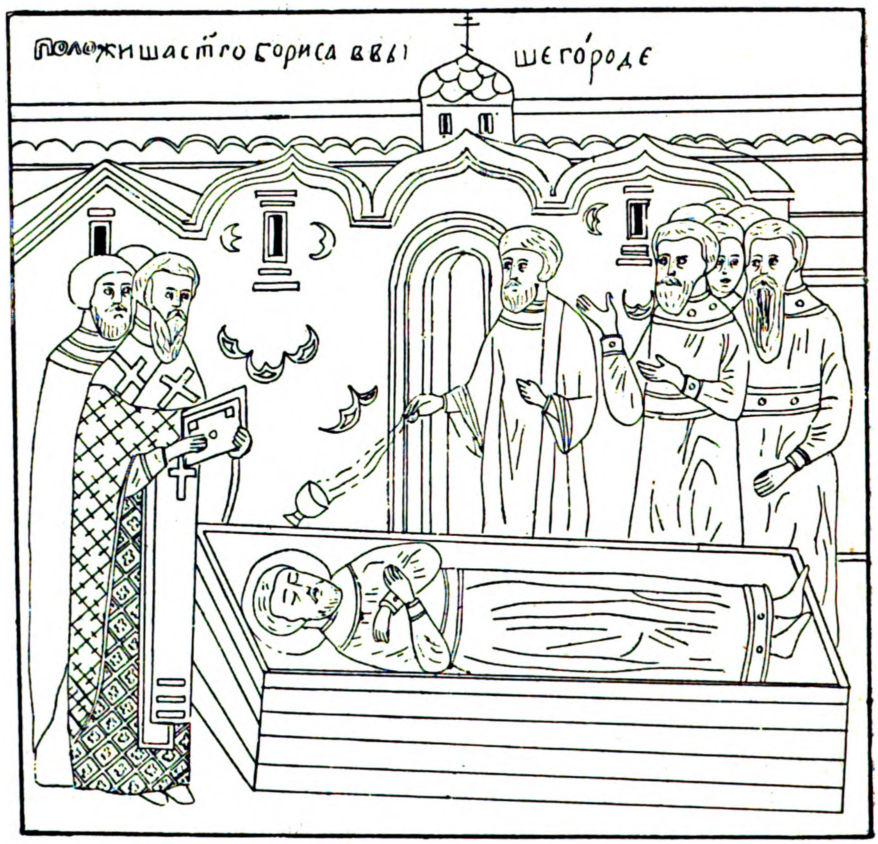

Рис. 6.

мый вѣнецъ». Попытка, мнѣ кажется, крайне неудачная. Выходитъ, что св. Борисъ два раза скончался, и Святополку докладывали съ дороги, что братъ его еще живъ, между тѣмъ какъ самъ же Святополкъ приказалъ Путьшѣ съ болярцами убить брата, и тѣ, по лѣтописи, охотно исполнили это кровавое порученіе.

9) Положиша св. Бориса въ Вышегородѣ. (См. рис. 6).

Въ небольшой церкви условной архитектуры, съ однимъ верхомъ, отпѣваютъ тѣло св. Бориса, въ присутствіи бояръ. На датированной иконѣ добавлено, что «погребоша при церкви св. Василія, деревянной».

Рис. 7.

10) Св. Глѣбъ принимаетъ вѣстника съ письмомъ Святополка. (Надпись не сохранилась).

Князь Глѣбъ на столѣ, въ шапкѣ и домашней простой одеждѣ, беретъ свитокъ изъ рукъ Святополкова отрока. На датированной иконѣ пояснено, что это происходило въ Муромѣ.

11) Поѣха святый благовѣрный князь Глѣбъ съ своими вои и повреди ему ногу конь. [1]) (См. рис. 7). (Надпись нѣсколько испорчена).

Лѣтописецъ разсказываетъ, что кн. Глѣбъ, повѣривъ письму Святополка, выѣхалъ изъ Мурома, но на Волгѣ, около устья рѣки Тьмы, во рву конь его споткнулся и повредилъ князю ногу. Нашъ рисунокъ и миніатюра XIV в. почти тожественны, только на нашемъ рисункѣ споткнувшійся конь и падающій князь рельефнѣе и наглядность факта значительно усилена.

Къ рис. 7.

12) Св. Глѣба срѣтоша посланніи убійцы и заклаша. (См. рис. 8).

Отъ Смоленска св. Глѣбъ поплылъ въ насадѣ и, въ виду еще города, на Смядынѣ, былъ настигнутъ убійцами, посланными Святополкомъ. Нашъ рисунокъ представляетъ почти копію съ миніатюры XIV в. [2]), съ тою разницею, что «окаянный» Горясѣръ на миніатюрѣ представленъ

---

[1]) См. помѣщенный для сравненія рисунокъ съ миніатюры XIV в.—«къ № 7».

[2]) См. рисунокъ «Къ № 8».

въ полномъ вооруженіи, съ огромнымъ мечемъ, а здѣсь онъ въ простомъ платьѣ и только приказываетъ жестомъ. Поваръ торчинъ, убивающій св. Глѣба, на миніатюрѣ ничѣмъ не отличается отъ другихъ слугъ; здѣсь

Рис. 8.

же ему придана особой формы шапка, указывающая на его иноземное происхожденіе. Далѣе, въ изображеніи бѣгства Святополка за предѣлы Руси, мы встрѣтимъ еще этотъ головной уборъ.

13) Св. Глѣбъ въ пустынѣ поверженъ при двѣма кладивыма. (См. рис. 9).

Очень красивая композиція, тоже весьма близкая къ миніатюрѣ XIV в.[1]). Съ неба, изображеннаго въ видѣ кресчатаго сегмента, падаетъ красный лучъ на тѣло св. Глѣба, лежащее между двумя обрубками деревьевъ. По обѣимъ сторонамъ луча по ангелу, правыя руки которыхъ какъ бы осѣняютъ святаго крестнымъ знаменіемъ, а въ лѣвой рукѣ лѣваго ангела жезлъ.

Относительно срубленныхъ деревьевъ, между которыми лежитъ св. Глѣбъ, произошло странное недоразумѣніе въ русской иконографіи. Въ Лаврентьевской лѣтописи сказано: «Глѣбу же повержену на брезѣ межи

Къ рис. 8.

двѣма колодами», въ Чтеніи Нестора: «Тѣло святаго повергоша въ пустыни подъ кладою», въ Сказаніи Іакова: «Повержену на пустѣ мѣстѣ межю двѣма кладома», на миніатюрѣ, кромѣ колодъ, тѣло св. Глѣба еще покрыто лодкою. Е. Е. Голубинскій [2]) справедливо замѣчаетъ, что понимать дѣло такъ, что тѣло князя не было погребено въ землѣ, а оставлено лежать поверхъ земли между колодами, — представляется до крайности невѣроятнымъ и даже невозможнымъ. «По всей вѣроятности, «межи двѣма колодами» должно понимать такъ, что тѣло погребено было не

---

[1]) См. рисунокъ «Къ № 9».

[2]) *Е. Е. Голубинскій*. Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Сергіевъ посадъ 1894, стр. 27.

съ подобающею честью (гдѣ-либо при церкви), въ княжескомъ каменномъ гробѣ, а съ безчестіемъ (на полѣ), въ простолюдинскомъ деревянномъ гробѣ, состоявшемъ изъ двухъ колодъ». Такое же объясненіе даетъ и И. И. Срезневскій въ своемъ словарѣ [1]) подъ словомъ «клада»:

Рис. 9.

«колода—выдолбленный пень дерева, употреблявшійся для хороненія мертвыхъ» и въ подтвержденіе указываетъ на вышеприведенныя цитаты изъ Нестора и Іакова.

---

[1]) *И. И. Срезневскій.* Матеріалы, т. I, стр. 1211.

14) Надписи на этомъ рисункѣ не сохранилось. (См. рис. 10).

На датированной иконѣ въ этомъ мѣстѣ находится изображеніе съ надписью: «Недоволенъ Святополкъ убійствомъ, посла на третьяго брата Святослава, и того, бѣжащаго въ Угры, убиша въ угорстѣй горѣ». Однако, въ миніатюрахъ XIV в. нѣтъ такого рисунка, и князь Святославъ не былъ признанъ святымъ. На нашемъ рисункѣ, Святополкъ, сидящій на столѣ, въ царской коронѣ и съ жезломъ въ рукѣ, дѣлаетъ

Къ рис. 9.

жестъ собесѣдованія, держитъ рѣчь, а не приказываетъ. Вѣроятнѣе всего что здѣсь представлено, какъ приспѣшники Святополка пришли къ своему князю доложить объ убіеніи свв. Бориса и Глѣба.

15) Собра Ярославъ множество вой, поиде на Святополка. (См. рис. 11).

Князь Ярославъ, въ колпакѣ и богатой шубѣ, въ сопровожденіи коннаго отряда, ѣдетъ среди условнаго скалистаго пейзажа.

16) Благовѣрный князь Ярославъ побѣди Святополка съ воя своима.
(См. рис. 12).

Оживленная картина сраженія, очень напоминающая миніатюру изъ «Троянской войны», помѣщенную въ упомянутой выше статьѣ г. Щепкина [1]). Знамена, напримѣръ, представляютъ полнѣйшее тожество. Съ

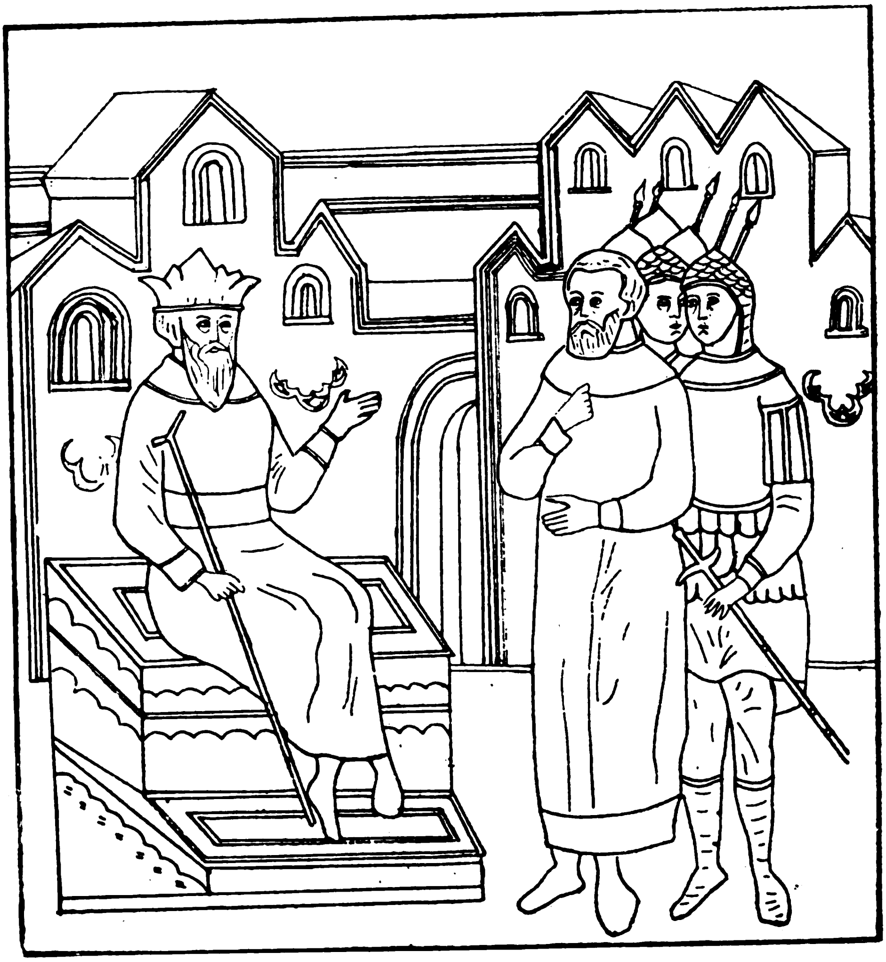

Рис. 10.

[1]) Археол. Извѣстія и Замѣтки 1897 г., № 4, стр. 110.

правой стороны нашего рисунка, всадникъ въ чешуйчатомъ панцырѣ и шлемѣ, убѣгающій съ поля, вѣроятно, Святополкъ. Характеренъ у него щитъ, изображающій человѣческое лицо.

Рис. 11.

17) **Побѣже Святополкъ въ пустыню межю Чехы и Ляхы.** (Надпись не вполнѣ сохранилась) и **Вези мощи Св. Глѣба въ Вышегородъ.**
(См. рис. 13).

На первомъ (лѣвомъ) рисункѣ, среди скалистаго пейзажа, какъ бы въ темной пещерѣ, сидитъ Святополкъ на толстой доскѣ, похожей ви-

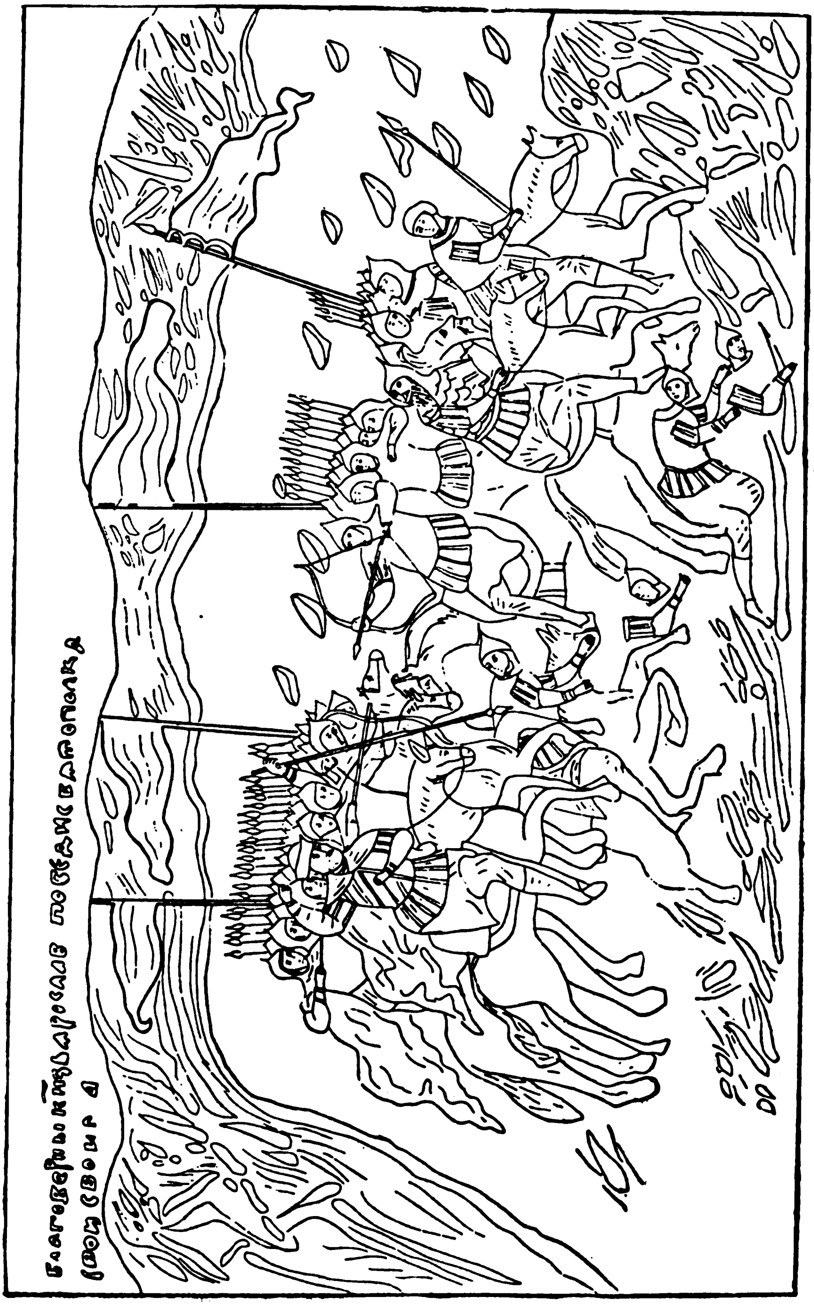

Рис. 12.

Рис. 13.

домъ на подножіе княжескаго стола, и горько оплакиваетъ свои преступленія, утирая слезы рукавомъ. Шапка на немъ не княжая, и платье простое. Нѣсколько выше пещеры, на скалахъ представлены два всадника. Лѣвый всадникъ въ такой точно шапкѣ, какая была на поварѣ-

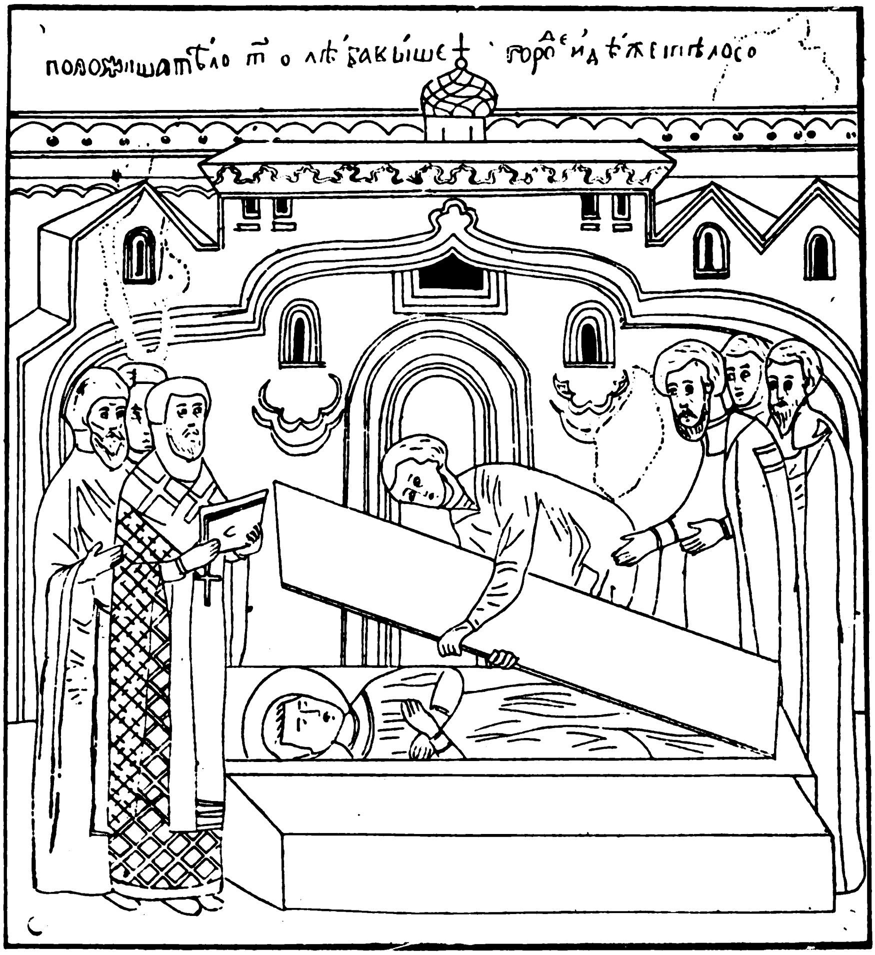

Рис. 14.

торчинѣ, зарѣзавшемъ св. Глѣба. Можетъ быть, это тоже иноземецъ, и представляетъ ту страну, куда забѣжалъ Святополкъ, а можетъ быть и тотъ же поваръ-торчинъ, послѣдовавшій за княземъ. Правый всадникъ имѣетъ на головѣ колпакъ съ мѣховой опушкой и простое платье.

Трудно рѣшить, самъ ли это Святополкъ, изображенный второй разъ, на пути, или кто другой [1]).

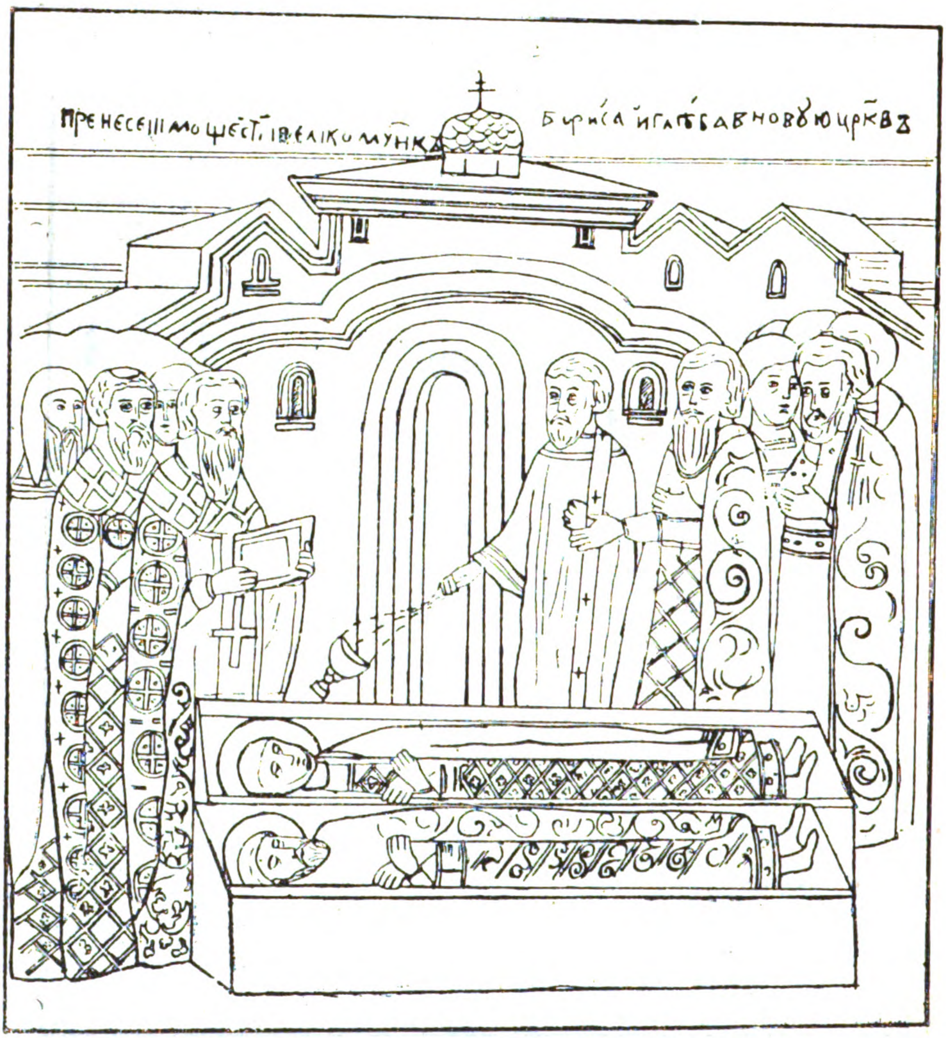

Рис. 15.

---

[1]) На датированной иконѣ, Святополкъ представленъ на носилкахъ, прикрѣпленныхъ спереди и сзади къ лошадямъ, на которыхъ сидятъ люди. Можетъ быть, и въ нашемъ рисункѣ всадники изображаютъ людей, везшихъ Святополка и оставившихъ его на носилкахъ въ пещерѣ.

На второмъ (правомъ) рисункѣ, въ баркѣ съ парусомъ помѣщена закрытая колода съ тѣломъ св. Глѣба. На носу барки служитель держитъ запрестольный крестъ древней формы, очень похожій на корсунскій, хранящійся въ ризницѣ св. Софіи въ Новгородѣ.

18) Положиша тѣло св. Глѣба въ Вышегородѣ, идѣже тѣло св. Бориса. (Надпись не вполнѣ сохранилась). (См. рис. 14).

Въ церкви съ однимъ верхомъ, въ присутствіи духовенства и бояръ, отрокъ накрываетъ верхней доскою колоду съ тѣломъ св. Глѣба.

19) Пренесеніе мощей свв. великомученикъ Бориса и Глѣба въ новую церковь. (См. рис. 15.)

Извѣстно, что открытіе нетлѣнныхъ мощей святыхъ Бориса и Глѣба произошло послѣ пожара старой деревянной церкви, около которой они были погребены. На рисункѣ, въ присутствіи духовныхъ лицъ и бояръ, мощи князей, въ богатыхъ платьяхъ, открыто почиваютъ среди церкви. На священникахъ роскошныя ризы, на боярахъ парадныя шубы. У одного священника (втораго слѣва) выстрижено гуменце.

Окончивъ обозрѣніе дѣяній свв. Бориса и Глѣба, какъ они представлены на вновь найденномъ памятникѣ нашей старины, долженъ сознаться, что трудъ мой далекъ отъ той полноты ученыхъ изысканій и критики матеріаловъ, которую желательно было бы видѣть въ подобныхъ изслѣдованіяхъ. Но недостатокъ изданныхъ памятниковъ, трудность собиранія ихъ единоличнымъ усиліемъ—могутъ служить мнѣ нѣкоторымъ оправданіемъ. Повторю только слова незабвеннаго біографа святыхъ князей, Нестора Лѣтописца: «Но да послушайте, братіе, не зазьрите грубости моеи».

П. Л. Гусевъ.

Находки 1896 г. близъ с. Большева Московскаго у.

Въ 1896 г. при устройствѣ шоссе близъ с. Большева Московскаго уѣзда (бывшее помѣстье кн. Одоевскихъ), у р. Клязьмы, рабочими были обнаружены человѣческіе костяки, при которыхъ оказались различныя мѣдныя украшенія. Мѣстность этой находки расположена на склонѣ возвышенности, склоняющейся къ р. Клязьмѣ. Костяки лежали на глубинѣ $1^1/_2$ — 2 арш. и находились, повидимому, въ безпорядкѣ. По словамъ мѣстныхъ крестьянъ, здѣсь располагалось старинное кладбище. Вопросъ о томъ, не было-ли на мѣстѣ находокъ курганныхъ возвышеній, остается не рѣшеннымъ. Въ близкихъ селахъ извѣстны большія группы невысокихъ кургановъ.

Судя по количеству вещей, рабочими было тронуто до 20 или болѣе погребеній. Вещи были заботливо собраны г-жей Ю. Г. Гендуне.

Въ собраніи ея находятся слѣдующіе мѣдные предметы:

1) Витой изъ проволоки браслетъ типа петербургскихъ кургановъ. (*Спицынъ*, Курганы С.-Петербургской губ. Табл. IV, 6).

2) Витой проволочный типа Табл. IV, 2.

3) Два витые типа Таблицы V, 17. На концахъ одного изъ этихъ витыхъ браслетовъ прикрѣплены были стеклянныя наставки темно-зеленаго цвѣта.

4) Четыре пластинчатые браслета съ суживающимися концами и съ ушками на нихъ, типа петербургскихъ кургановъ, Табл. IV, 9. Орнаментъ въ видѣ ромбовъ. Оригинальность этихъ браслетовъ состоитъ въ томъ, что наружная поверхность ихъ покрыта бурымъ или скорѣе фіолетовымъ металлическимъ лакомъ.

5) Желѣзный обломокъ, повидимому, отъ пластинчатаго браслета.

6) Семь тонкихъ пластинчатыхъ перстней типа петербургскихъ кургановъ табл. XIII, 8, но безъ усиковъ. Орнаментъ—тонкая насѣчка въ видѣ ромбовъ и иныхъ пересѣкающихся фигуръ.

7) Витой перстень типа петербургскихъ кургановъ, табл. III, 1, но болѣе массивный.

8) Четыре цѣлые и два сломанные рѣшетчатые перстня обычнаго московскаго типа.

9) Перстень съ ромбической орнаментированною переднею частью (рис. 16).

10) Перстень ажурный съ кружками по верхней и нижней части (рис. 17).

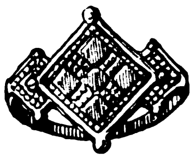

Рис. 16.

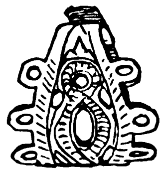

Рис. 17.

Послѣдніе два предмета, кажется, еще не были встрѣчаемы и представляютъ новость.

Всѣ вещи относятся ко времени послѣ XII в., вѣроятнѣе всего къ XIII или даже къ XIV в. и имѣютъ многочисленныя аналогіи въ собственно-русскихъ древностяхъ какъ московской, такъ и другихъ губерній средней и сѣверной Россіи.

А. С.

СОДЕРЖАНІЕ X-го ВЫПУСКА.